

бернарда
[вербовер]

Ре:волюция
муравьев

Этот многомиллионный город занимает на поверхности земли всего два квадратных метра! Его жильцы — самые трудолюбивые существа в мире! Их умение подчиняться правилам — мечта любого диктатора! Их интеллекту можно только позавидовать! Они — муравьи! И они живут среди нас. Или это мы живём среди них? Чья цивилизация окажется жизнеспособнее?

Бернард Вербер

Революция муравьев

Джонатану

$$1 + 1 = 3$$

(по крайней мере, я на это надеюсь всем сердцем).

Эдмонд Уэлс. «Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том III

1. КОНЕЦ

Рука открыла книгу.

Глаза начинают движение слева направо, дойдя до конца строчки, опускаются вниз.

Глаза открываются шире.

Понемногу слова, воспринятые мозгом, порождают картину, огромную картину.

В глубине черепа зажигается гигантский внутренний панорамный экран. Это начало.

Первая картина представляет...

2. ПРОГУЛКА ПО ЛЕСУ

...безбрежную Вселенную, темно-синюю и ледяную...

Присмотримся внимательнее к картине, особенно к той её части, что усыпана мириадами разноцветных галактик.

На окраине одной из галактик переливается разными красками старое Солнце.

Придвинемся ещё ближе.

Вокруг Солнца вращается маленькая тёплая планета, укрытая перламутровыми облаками.

Под облаками — сиреневые океаны, окаймлённые континентами цвета охры.

На континентах — цепи гор, равнины, пена бирюзовых лесов.

Под листвой деревьев — тысячи пород живых существ. Две из них продвинулись в своём развитии особенно далеко.

Шаги.

Кто-то брёл по весеннему лесу.

Это молодое человеческое существо женского пола. У неё длинные волосы, гладкие и чёрные. Она в чёрной куртке и длинной юбке того же цвета. Радужная оболочка её глаз покрыта сложным, почти рельефным рисунком.

Этим ранним мартовским утром она шла быстрым шагом. Её грудь вздымалась от порывистых движений.

Несколько капелек пота выступили на лбу и над верхней губой. Когда они соскользнули к уголкам рта, она разом слизнула их.

Эту девушку со светло-серыми глазами звали Жюли, ей было девятнадцать лет. Она шагала по лесу в обществе своего отца Гастона и собаки Ахилла. Вдруг она резко остановилась. Перед ней высился, словно палец, огромный холм из песчаника, нависая над оврагом.

Она поднялась на верхушку холма.

Она как будто разглядела рядом с исхоженными тропинками ещё одну, ведущую во впадину.

Она сложила руки рупором:

— Эй, папа! Кажется, я нашла новую дорогу! Иди за мной!

3. ВЗАИМОСВЯЗЬ

Он бежит вперёд. Спускается вниз по склону. Он петляет, чтобы не задевать тополиные почки, торчащие вокруг него пурпурными веретёнами.

Шорох крыльев. Бабочки расправляют свои расцвеченные паруса и перемешивают воздух, догоняя друг друга.

Неожиданно его внимание привлекает красивый листок. Такие чудесные листья могут заставить вас забыть обо всем, что вы собирались предпринять. Он останавливается и подходит.

Восхитительный листок. Его достаточно нарезать квадратиками, немного размять, а потом покрыть слюной, чтобы он забродил и образовал маленький белый шарик, полный пленительного ароматного мицелия. Режущей кромкой мандибул старый рыжий муравей перерезает стебель у основания и водружает листок над своей головой, как широкий парус.

Но насекомое ничего не знает о законах навигации под парусом. Поднятый вверх листок наполняется ветром. Маленькие сухие мышцы напрягаются, чтобы сдержать листок, но старый муравей слишком лёгок. Его швыряет из стороны в сторону. Всеми конечностями вцепляется он в черенок, но ветер оказывается сильнее. Он отрывает муравья от земли и уносит в небо.

Муравей едва успевает отпустить добычу, чтобы не взлететь слишком высоко.

Листок мягко спускается, танцуя в порывах ветра.

Старый муравей наблюдает его полет и утешает себя: есть и другие листья, поменьше.

Листок все ещё рисует завитки в воздухе. Он неторопливо и торжественно снижается.

Красивый тополиный листок замечает слизняк. Прекрасный полдник!

А слизняка видит ящерица, она уже собирается его проглотить, но тут тоже замечает листок. Надо подождать, пока слизняк поест, и тогда ей больше достанется. Она издалека наблюдает за трапезой слизняка.

Ящерицу замечает ласка и думает подкрепиться ею, но понимает, что ящерица, кажется, ждёт, пока слизняк съест листок, и, со своей стороны, тоже решает повременить. В тени листвы трое, связанные в одну экосистему, следят друг за другом.

Неожиданно слизняк видит ещё одного слизняка. А вдруг пришелец захочет украсть его сокровище? Нетерпя времени, слизняк набрасывается на аппетитный листок и пожирает его до последней прожилочки.

Как только трапеза закончена, ящерица обрушивается на слизняка и заглатывает его, словно макаронину. Пришло время ласки, в свою очередь, броситься в атаку и поймать ящерицу. Она мчится, перелетая через корни, но вдруг наталкивается на что-то мягкое...

4. НОВАЯ ДОРОГА

Девушка со светло-серыми глазами не видела ласку. Выскочив из засады, животное ударило её ноги.

От неожиданности девушка вздрогнула, нога её заскользила по краю холма из песчаника. Она потеряла равновесие и увидела обрыв под собой. Не упасть. Только бы не упасть.

Девушка взмахивает руками, хватая воздух, пытаясь удержаться. Ещё совсем немного. Время замедляет ход.

Упадёт? Не упадёт?

На мгновение ей показалось, что опасность миновала, но тут лёгкий ветерок превращает её длинные чёрные волосы в растрёпанный парус.

Все сошлось на том, чтобы она упала с холма. Ветер подтолкнул её. Нога заскользила опять. Почва поползла. Светло-серые глаза распахнулись. Зрачки расширились. Ресницы затрепетали.

Девушка покачнулась и полетела в овраг. Длинные чёрные волосы закрыли её лицо, как будто защищая его.

Она хваталась за редкие растения на склоне, но те проскальзывали между пальцами, оставляя ей только цветы и обманутые надежды. Она съезжала по гравию вниз.

Она попыталась подняться, но обрыв был слишком крут. Она обожглась о крапиву, оцарапалась о куст ежевики, кубарем скатилась на дно, покрытое папоротником, думая, что здесь наконец завершится её падение. Но, увы, за широкими листьями прятался другой склон, ещё более крутой. Она ободрала руки о камни. Новые заросли папоротника оказались такими же предательскими. Пролетев сквозь них, она покатила дальше. Она миновала семь уступов, расцарапалась о дикую малину, подняла в воздух звёздным облаком охапку одуванчиков.

Она скользила и скользила вниз.

Резкая боль пронзила ей пятку: она зацепилась ногой о большой острый камень.

Лужа вязкой жёлтой грязи стала в конце концов её последним пристанищем.

Она села, поднялась, обтёрлась стеблями травы. Вокруг все жёлтое. Её одежда, лицо, волосы покрыты липкой землёй. Она даже во рту, и вкус у неё горький.

Девушка со светло-серыми глазами потрогала пострадавшую пятку. Она ещё не пришла в себя от изумления, как вдруг почувствовала что-то холодное и липкое у себя на запястье. Она содрогнулась. Змея. Змеи! Она свалилась в змеиное гнездо, змеи карабкались на неё.

Она завопила от ужаса.

Пускай у змей нет слуха, но их чрезвычайно чувствительные язычки позволяют им воспринимать колебания воздуха. Этот крик прозвучал для них как выстрел. Испугавшись, в свою очередь, они поползли в разные стороны. Обеспокоенные матери-змеи закрыли своих змеёнышей, изогнувшись трепещущими буквами S.

Девушка провела рукой по лицу, убрала прядь волос, упавшую на глаза, выплюнула ещё один комочек горькой земли и хотела было подняться по склону вверх. Он оказался слишком крутой, да и пятку её дёргало от боли. Она решила позвать кого-нибудь.

— На помощь! Папа, на помощь! Я тут, в самом низу. Иди сюда, помоги! На помощь!

Она кричала долго. Напрасно. Она была одна, раненая, на дне пропасти, её отец не появлялся. Может быть, он тоже заблудился? Если это так, то кто же отыщет её здесь, в бездне, в лесу, в папоротниковой чаще?

Девушка со светло-серыми глазами глубоко вздохнула, пытаясь успокоить биение сердца. Как вырваться из головоломки?

Она вытерла грязь со все ещё запачканного лба и осмотрелась. Справа по краю оврага

сквозь высокую траву она заметила что-то тёмное и заковыляла туда. Чертополох и цикорий скрывали вход в своего рода туннель, вырытый прямо в земле. Какое же животное соорудило эту огромную нору, подумала она. Слишком велика для зайца, лисы или барсука. Медведей в лесу не было. Логово волка?

Во всяком случае, небольшое отверстие оказалось достаточно просторным, чтобы пропустить человека среднего роста. Туннель не внушал доверия, но она подумала, что проход куда-нибудь да выведет её. И на четвереньках устремилась в илистый коридор.

Она двигалась на ощупь. Туннель становился все темнее и холоднее. Что-то колкое зашевелилось под её ладонью. Пугливый ёжик свернулся в клубок, прежде чем броситься наутёк. Она продолжала путь в полной темноте, все время чувствуя какое-то движение вокруг.

Она ползла на локтях и коленях. Ребёнком, она долго училась стоять, потом ходить. Большинство малышей начинает ходить в год, она же ждала до полутора. Вертикальное положение казалось ей слишком рискованным. На четырех лапах существовать безопаснее: лучше видно все, что валяется на полу, да и падать не так высоко. Она с радостью провела бы остаток своей жизни, ползая по полу, если бы мать и няни не заставили её выпрямиться.

Туннель не кончался... Чтобы найти в себе силы двигаться вперёд, она заставила себя мурлыкать считалку:

Зелёная ножка
Ползёт по дорожке.
Мы её схватим,
Людам покажем.
Люди нам скажут:
«В масле обжарьте,
В воде остудите,
Хрустящей улиткой всех угостите».

Три или четыре раза, все громче и громче, она затягивала эту песенку. Её учитель пения, профессор Янкелевич, научил её прятаться в звучание своего голоса, как в защитный кокон. Но здесь было слишком холодно, чтобы заливаться соловьём. Вскоре считалка стала паром, валившим из её застывшего рта, потом — хриплым дыханием.

Как упрямый ребёнок хочет довести шалость до конца, так и она и не думала о том, чтобы повернуть обратно. Жюли ползла под эпидермисом планеты.

Ей показалось, что вдали появился слабый свет.

Она, обессиленная, решила, что это галлюцинация, но свет вполне реально вспыхнул бесчисленными крошечными жёлтыми искрами.

Девушка со светло-серыми глазами на секунду вообразила, что подземелье таит в себе алмазы, но, приблизившись, разглядела светлячков, фосфоресцирующих насекомых, лежащих на кубе совершенной формы.

Куб?

Она вытянула пальцы — светлячки тут же погасли и исчезли. В абсолютной темноте Жюли не могла рассчитывать на своё зрение. Она ощупала куб, призывая на помощь всю силу своего осязания. Он был гладким, твёрдым, холодным. Это был не камень, не обломок скалы. Рукоятка, замок... Это был предмет, сделанный рукой человека.

Маленький чемоданчик кубической формы.

Изнемогая от усталости, она поползла назад. Сверху доносился весёлый лай — значит, отец

её нашёл. Он был там с Ахиллом и звал слабым, далёким голосом:

— Жюли, дочка, ты там? Ответь, прошу тебя, подай знак!

5. ЗНАК

Он поводит головой, как будто рисуя в воздухе треугольник. Тополиный листок рвётся. Старый рыжий муравей хватается ещё один и принимается жевать, не ожидая, пока лист забродит. Может быть, еда и не очень вкусна, но, по крайней мере, восстанавливает силы. Он не особенно любит тополиные листья, он предпочитает мясо, но он ещё ничего не ел с тех пор, как сбежал, так что капризничать не время.

Проглотив еду, он не забывает почиститься. Концом когтя он хватается длинный правый усик и выгибает его вперёд до губ. Направляет его в ротовой канал под мандибулами и посасывает, чтобы вымыть.

Когда оба усика очищены пенящейся слюной, он полирует их маленькой щёткой, расположенной в выемке под голеньями.

Старый рыжий муравей играет суставами брюшка, торакса и шеи, выгибая их до предела. Потом когтями чистит сотни граней глаз. У муравьёв нет век для их защиты и смачивания, и если не прочищать глазные линзы, то картинка становится расплывчатой.

Чем чище грани, тем лучше муравей видит окружающее. Вот что-то появилось. Что-то большое, даже огромное, сплошь покрытое иголками и движущееся.

Внимание, опасность: громадный ёж выходит из пещеры!

Быстро удираем. Ёж, внушительный шар с разверстой пастью, весь утыканный острыми копиями, атакует.

6. ВСТРЕЧА С КЕМ-ТО УДИВИТЕЛЬНЫМ

Ссадины покрывали все тело. Она машинально послунывила самые глубокие царапины. Ковыляя, донесла кубический чемоданчик до своей комнаты. Вот она уже на кровати. Сверху на стене слева направо красовались плакаты с портретами Галласа, Че Гевары, Doors и Аттилы Гунна.

Жюли тяжело поднялась и отправилась в ванную. Стоя под обжигающим душем, она яростно тёрла себя мылом с ароматом лаванды. Потом завернулась в большое полотенце, сунула ноги в махровые тапочки и принялась отчищать одежду от покрывавшей её жёлтой земли.

Туфли надеть невозможно. Раненая пятка распухла. Она стала искать в шкафу старые летние босоножки, ремешки которых имели два достоинства: не давили на пятку и оставляли открытыми пальцы. У Жюли ступни были маленькие, но широкие. А большинством производителей обуви женские туфли выпускались только узкой и удлинённой формы, что приводило к печальным последствиям — постоянным, все время болевшим мозолям.

Она снова потёрла пятку. Казалось, первый раз в жизни она ощущала этот участок своего тела: кости, мускулы, сухожилия как будто ждали этого случая, чтобы заявить о себе. И теперь все они, страшно возбуждённые, гудели там, в нижней части ноги. Они существовали и напоминали о себе сигналами бедствия.

Тихим голосом она поздоровалась: «Добрый день, пятка».

Ей показалось забавным приветствовать часть своего тела. Она обратила внимание на свою пятку только потому, что та болела. Но если хорошенько поразмыслить, разве думала она о своих зубах в другие дни, а не когда они начинали ныть? Точно так же вспоминаешь о существовании аппендикса только в минуту приступа. В её теле была куча органов, о которых она не подозревала просто потому, что они благовоспитанно не посылали ей вестей о боли.

Её взгляд вернулся к чемоданчику. Она была зачарована этим предметом, извлечённым из недр земли. Она взяла его в руки, потрясла. Чемоданчик был тяжёлым. Устройство с пятью колёсиками, каждое со своим кодом, надёжно защищало замок.

Чемоданчик был сделан из литого металла. Чтобы его пробить, нужен отбойный молоток. Жюли осмотрела замок. На каждом колёсике были выгравированы цифры и символы. Она подвигала ими наудачу. Наверное, у неё один шанс из миллиона найти нужную комбинацию.

Она опять потрясла его. Внутри что-то было, какой-то предмет. Тайна разожгла её любопытство.

Отец вошёл с собакой в комнату. Он был высоким, рыжим, усатым молодцом. Брюки для гольфа делали его похожим на шотландца-егеря.

— Тебе лучше? — спросил он.

Она кивнула.

— Ты упала в такое место, куда так просто и не попасть. Пришлось продираться сквозь настоящую стену из крапивы и кустов, — объяснил он. — Как будто сама природа скрыла эту поляну от гуляк и любопытных. Её даже на карте нет. Слава Богу, Ахилл почуял, что ты там! Что бы с нами стало без собак?

Он ласково погладил своего ирландского сеттера, который в ответ вымазал ему серебристой слюной низ брюк и весело залаял.

— М-да, ну и история! — заговорил он снова. — Станный замок — с кодовой комбинацией. Может быть, это какой-нибудь сейф, который грабители не сумели открыть.

Жюли покачала тёмной шевелюрой.

— Нет, — сказала она.

Отец приподнял чемоданчик.

— Если бы внутри были монеты или слитки золота, вес был бы больше, если пачки наличных, было бы слышно их шуршание. Может, там пакет с наркотиками, брошенный торговцами. А может быть... бомба.

Жюли пожала плечами.

— А вдруг там человеческая голова?

— В таком случае Лектор должен был немало потрудиться, чтобы сделать её меньше, — возразил отец. — Твой чемоданчик маловат для того, чтобы вместить нормальную человеческую голову.

Он посмотрел на часы, вспомнил о важной встрече и удалился. Радуюсь неизвестно чему, собака отправилась следом, виляя хвостом и шумно дыша.

Жюли ещё раз потрясла чемоданчик. Совершенно точно внутри было что-то мягкое, и если это была голова, то, вертя её во все стороны, Жюли несомненно сломала ей нос. Чемоданчик вдруг стал ей противен, и она решила, что лучше не будет больше думать о нем. Через три месяца у неё экзамены на степень бакалавра, и ей не хочется сидеть четвёртый год в последнем классе. Пора заняться повторением.

Жюли достала учебник по истории и взялась его перечитывать. 1789 год. Французская революция. Взятие Бастилии. Хаос. Анархия. Великие люди. Марат. Дантон. Сен-Жюст. Террор. Гильотина...

Кровь, кровь и снова кровь... «История — это нескончаемая бойня», — подумала она, наклеивая пластырь на открывшуюся ссадину. Чем больше она читала, тем больше её мутило. Мысли о гильотине напомнили ей об отрезанной голове в чемоданчике.

Через пять минут, вооружённая большой отвёрткой, она атаковала замок. Чемоданчик не поддавался. Она взяла молоток, принялась стучать по отвёртке, пытаясь увеличить её шансы в роли рычага. Безуспешно. Она подумала: «Мне бы „козью ножку“, — затем: Хватит, у меня никогда не получится».

Она вернулась к учебнику по истории и Французской революции. 1789 год. Народный трибунал. Конвент. Гимн Руже де Лилля. Сине-бело-красный флаг. Свобода — Равенство — Братство. Гражданская война. Мирабо. Шенье. Процесс над королём. И опять гильотина... Как можно сопереживать стольким убийствам? Глаза скользили по строчкам, не воспринимая написанное.

Шуршание в дереве балки привлекло её внимание. Термит за работой натолкнул её на мысль.

Слушать.

Она приложила ухо к замку чемоданчика и медленно повернула первое колёсико. Она уловила еле слышный щелчок. Зубчатое колёсико зацепило ответчик. Жюли четыре раза повторила операцию. Механизм сработал, замок открылся. Там, где не помогло насилие отвёртки и молотка, хватило чуткости её уха.

Прислонившись к дверной раме, её отец удивлённо сказал:

— Тебе удалось его открыть? Как?

Он посмотрел на знаки на замке: « $1 + 1 = 3$ »

— М-м, ничего не говори, я знаю. Ты размышляла. Есть ряд чисел, ряд символов, ряд цифр, ряд знаков и ряд шифра. Ты поняла, что речь идёт об уравнении. Затем ты подумала, что кто-то, кто хочет сохранить секрет, не будет использовать логическое уравнение типа $2 + 2 = 4$. Ты попробовала $1 + 1 = 3$. Это уравнение часто встречается в старинных ритуалах. Оно обозначает, что два объединившихся таланта более производительны, чем их простое сложение.

Отец поднял рыжие брови и пригладил усы.

— Так было, да?

Жюли посмотрела на него, её светло-серые глаза задорно блеснули. Отец не любил, когда над ним подсмеивались, но ничего не сказал. Она улыбнулась.

— Нет.

Она нажала на кнопку. Пружина с сухим стуком подняла крышку.

Отец и дочь склонили головы.

Оцарапанные руки Жюли схватили содержимое чемоданчика и поднесли его к лампе на столе.

Это была книга. Большая толстая книга, из которой торчали краешки вклеенных листков.

Название на обложке было каллиграфически выведено большими стилизованными буквами:

Энциклопедия относительного и абсолютного знания профессора Эдмонда Уэллса

Гастон пробурчал:

— Странное название. Вещи либо относительны, либо абсолютны. Они не могут быть одновременно и тем и другим. Это противоречие.

Ниже, буквами поменьше было добавлено:

Том III

Ещё ниже был рисунок: круг, в который вписан треугольник, одним углом вверх, содержащий, в свою очередь, нечто вроде буквы Y. Присмотревшись, можно было заметить, что стороны буквы Y представлены в виде трех муравьёв, сцепившихся усиками. Левый муравей был чёрным, правый — белым, а муравей в центре, изображавший перевёрнутый ствол Y, — наполовину белым, наполовину чёрным.

Под треугольником повторялась формула, открывавшая замок кубического чемоданчика: $1 + 1 = 3$.

— Прямо старинная колдовская книга, — пробормотал отец.

Жюли, видя незатрепанную обложку, подумала, что книга, наоборот, совсем новая. Она погладила переплёт. На ощупь он был гладким и мягким.

Черноволосая девушка со светло-серыми глазами открыла первую страницу и прочла.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, здравствуйте, незнакомый читатель.

Здравствуйте в третий раз или в первый.

Честно говоря, совершенно неважно, нашли вы эту книгу первым или последним.

Эта книга призвана изменить мир.

Нет, не улыбайтесь. Это возможно. Вы это можете. Для того, чтобы что-нибудь произошло, достаточно очень этого захотеть. Ничтожная причина может иметь огромные последствия. Говорят, что движение крылышка бабочки в Гонолулу может вызвать смерч в Калифорнии. А ведь ваше дыхание много мощнее, чем дуновение воздуха от взмаха крылышка бабочки, не правда ли?

Что касается меня, я умер. И, увы, я смогу помочь вам только вот этой книгой.

Я предлагаю вам совершить революцию. Или даже, если выразиться точнее, «эволюцию». Потому что наша революция не должна быть такой же жестокой и зрелищной, как все прежние.

Это должна быть, как мне представляется, скорее духовная революция. Муравьиная революция. Скромная. Без насилия. Черета лёгких прикосновений, которые можно счесть незначительными, но которые, складываясь одно с другим, смогут опрокинуть горы.

По моему убеждению, прежние революции слишком грешили нетерпением и нетерпимостью. Утописты не думали о далёком будущем. Потому что хотели любой ценой увидеть при жизни плоды своих трудов.

Надо смириться с тем, что посаженное тобой пожнут другие — позже и в ином месте.

Подумаем над этим сообща. Пока наш диалог длится, вы можете меня слушать или не слушать. (Вы уже прислушивались к замку чемоданчика, это свидетельство того, что вы умеете слушать, не так ли?)

Возможно, я ошибаюсь. Я не мэтр философии, не гуру, не священная особа. Я человек, понимающий, что история человечества только начинается. Мы — всего лишь доисторические люди, наше невежество безгранично, и нам все ещё предстоит открыть.

Столько дел... И вы способны на такие чудеса.

Я всего лишь волна, входящая во взаимодействие с вашей волной читателя. Если что и интересно, так именно эта встреча-взаимодействие. Поэтому для каждого читателя эта книга будет иной. Словно она живая и подстраивает свой смысл под уровень культуры, воспоминания, чувствительность каждого отдельного читателя.

Что я буду делать в роли «книги»? Я просто буду рассказывать вам маленькие истории про революции, про утопии, про поведение людей или животных. Вы сами сделаете выводы, на которые они вас натолкнут. Вы сами найдёте ответы, которые помогут вам в вашей собственной жизни. Никакой истины для вас у меня нет.

Если вы захотите, книга оживёт. И я надеюсь, что она станет вам другом, способным помочь изменить себя и мир.

А теперь, если вы готовы и этого желаете, предлагаю немедленно сделать одну важную вещь — перевернуть страницу.

8. В ТОЧКЕ КИПЕНИЯ

Большой и указательный пальцы правой руки тронули уголок страницы, схватили его и приготовились перевернуть лист, когда из кухни раздался голос.

«За стол!» — крикнула её мать.

Читать больше не было времени.

Для своих девятнадцати лет Жюли была очень худенькой. Её чёрные, блестящие, густые и шелковистые волосы ниспадали волной до самых бёдер. Сквозь белую, едва ли не прозрачную кожу порой проглядывали голубоватые вены, почти не скрывающиеся на руках и висках. Светлые глаза были тем не менее живыми и горячими. Миндалевидные, всегда подвижные, таящие, казалось, целую жизнь, полную метаний и гневных вспышек, они делали её похожей на маленького беспокойного зверька. Иногда глаза так сосредотачивались на какой-то определённой точке, что возникало ощущение, будто из них сейчас вырвется луч пронизывающего света, дабы поразить то, что девушке не по нраву.

Жюли находила себя внешне непривлекательной. Поэтому она никогда не смотрелась в зеркало.

Никогда не пользовалась ни духами, ни косметикой, никогда не красила ногти. Да и как, помилуйте, — ведь она их все время грызла.

Никакого интереса к одежде. Она прятала своё тело под широкими и тёмными платьями.

В школе училась неровно. До выпускного класса шла с опережением в год, учителя были очень довольны её умственным развитием и зрелостью интеллекта. Но вот уже три года все не ладилось. В семнадцать лет она провалила экзамен на степень бакалавра. То же самое в восемнадцать. Теперь в девятнадцать она готовилась к экзамену в третий раз, а оценки становились только ниже прежних.

Её неудачи в школе были вызваны смертью её учителя пения, человека старого, глухого и деспотичного. Он преподавал искусство вокала по своей оригинальной системе. Звали его Янкелевичем, он был убеждён в том, что у Жюли есть талант и что она должна развивать его.

Он научил её владеть мускулами живота, лёгкими, диафрагмой, правильно ставить шею и плечи, — все это влияло на качество пения.

В его руках она иногда чувствовала себя волынкой, которую мастер решил сделать совершенной. Она научилась согласовывать биение своего сердца с дыханием лёгких.

Янкелевич не забыл и о работе над мимикой. Он научил её, как изменять мускулы лица и рта, чтобы сделать инструмент идеальным.

Ученик и учитель составляли абсолютное единство. Только видя движения её губ и положив руку ей на живот, глухой, седовласый профессор понимал, какие звуки издавала девушка. Вибрации её голоса отдавались в каждом его нерве.

— Я глух? Ну, так что же! Бетховен был таким же, и это не мешало ему делать своё дело, — часто замечал он.

Он открыл для Жюли, что пение — вещь могущественная, это не просто рождение прекрасных звуков. Он научил её изменять свои эмоции, чтобы прогнать тревогу или забыть о страхе, с помощью одного только голоса. Он научил её слушать пение птиц — это тоже было частью его воспитания.

Когда Жюли пела, из её тела, словно дерево, вырастал столб энергии. Она испытывала чувство, близкое к экстазу.

Профессор не хотел мириться со своей глухотой. Он узнавал о новых методах лечения. Однажды молодой и чрезвычайно способный хирург сумел имплантировать ему в череп

электронный протез, полностью устранивший его физический недостаток.

С тех пор старый профессор слышал шумы мира такими, какими они были. Настоящие звуки. Настоящую музыку. Янкелевич слышал голоса людей и хит-парады по радио. Он слышал гудки автомобилей и лай собак, плеск дождя и шёпот ручьёв, стук шагов и скрип дверей. Он слышал чиханье и смех, вздохи и рыдания. Он слышал бормотание постоянно включённых по всему городу телевизоров.

День его выздоровления должен был стать днём счастья, а превратился в день отчаяния. Старый учитель пения понял, что настоящие звуки не похожи на те, которые он себе воображал. Мир явился ему гамом и какофонией, мир был агрессивным, крикливым и чудовищным. Он был заполнен не музыкой, а нестройными шумами. Старик не смог перенести столь сильного разочарования и придумал себе самоубийство на свой манер. Он забрался на колокольню собора Парижской Богоматери и засунул голову под язык самого большого её колокола. Он умер ровно в полдень, унесённый страшной мощью двенадцати величественных и музыкально безупречных ударов.

С его исчезновением Жюли потеряла не только друга, она потеряла руководителя, помогавшего ей развивать талант.

Она, конечно, нашла другого учителя пения, одного из тех, кто ограничивает ученика работой над гаммами. Он заставил Жюли петь в слишком грубом для её гортани регистре. Ей было очень больно.

Вскоре на голосовых связках Жюли отоларинголог нашёл узелки и распорядился прекратить занятия. Она перенесла операцию и несколько недель, в течение которых её связки зарубцовывались, хранила абсолютное молчание. А потом с трудом заново училась говорить.

С тех пор она искала настоящего учителя пения, способного направлять её так, как это делал Янкелевич. И поскольку найти такого не могла, постепенно закрывалась от внешнего мира.

Янкелевич утверждал, что люди, обладающие талантом и зарывающие его, подобны тем кроликам, что не грызут твёрдой пищи: понемногу их резцы удлиняются, загибаются, продолжая расти, впиваются в небо и в конце концов пронзают снизу вверх мозг насквозь. Для того чтобы сделать опасность очевидной, профессор хранил у себя череп кролика, чьи резцы торчали у него из макушки, словно два рога. Он очень любил показывать этот страшный предмет нерадивым ученикам, чтобы побудить их к труду. Он даже написал красными чернилами на лбу черепа: «Пренебрегать своим природным даром — самый большой грех».

Лишённая возможности развивать свой талант, Жюли пережила период резкой агрессивности, затем — анорексию, за которой последовала булимия, когда она килограммами поедала торты, глядя в пространство мутными глазами, держа под рукой слабительное или рвотное.

Она не делала больше домашних заданий, а на уроках дремала.

Здоровье её пошатнулось. Она стала задыхаться, и, как будто этого мало, недавно у неё начались приступы астмы. Вся польза, которую ей приносило пение, обернулась злом.

Мать Жюли первая села за стол.

— Где вы были после обеда? — спросила она.

— Мы гуляли по лесу, — ответил отец.

— Это там она вся так расцарапалась?

— Жюли свалилась в яму, — объяснял отец. — Особенно не ушиблась, но повредила пятку.

В этой яме она нашла странную книгу...

Но мать уже не интересовалась ничем, кроме еды, дымящейся в тарелке.

— Потом все расскажешь. Ешьте быстрее, перепёлки ждать не будут. Остынут и весь вкус

потеряют.

И, опередив всех, с восторгом накинулась на жареных перепёлок, посыпанных коринфским изюмом.

Точный удар вилкой выпустил воздух из перепёлки, как из хорошо надутого мяча для регби. Она схватила жареную птицу, высосала сок из отверстия клюва, кончиками пальцев оторвала крылышки, которые быстро отправила в рот и громко захрустела зубами, раскусывая маленькие непокорные косточки.

— Ты не ешь? Тебе не нравится? — спросила она у Жюли.

Девушка смотрела на плотно обвязанную ниткой жареную птичку, аккуратно лежащую на тарелке. На голове её, словно высокая шляпка, лежала изюминка. Пустые глазницы и приоткрытый клюв наводили на мысль, что птичку внезапно оторвало от её занятий какое-то страшное событие, что-то подобное неожиданному извержению вулкана в Помпее, только соотнесённое с её размерами.

— Я не люблю мясо... — проговорила Жюли.

— Это не мясо, это птица, — отрезала мать. Потом сказала примирительно: — Послушай, анорексии у тебя больше не будет. Надо быть здоровой, чтобы сдать выпускной и поступить на юридический факультет. Твой отец окончил юридический, поэтому руководит теперь юридической службой Вод и Лесов, и, поскольку он руководит юридической службой Вод и Лесов, лицей, в виде исключения, третий раз допускает тебя до выпускного экзамена. Потом ты будешь изучать право.

— Мне наплевать на право, — заявила Жюли.

— Ты должна закончить обучение, чтобы стать членом общества.

— Мне наплевать на общество.

— А на что же тогда тебе не наплевать? — спросила мать.

— На все наплевать.

— Что ты делаешь в свободное время? Тебе нравится какой-нибудь мальчик?

Жюли прислонилась к спинке стула.

— Мне наплевать на любовь.

— Мне наплевать, мне наплевать... Ты только это и повторяешь. Тебе надо чем-то или кем-то интересоваться, — настойчиво повторила мать. — Ты такая хорошенькая, мальчики должны ходить за тобой толпами. Жюли состроила рожицу. Светло-серые глаза стали упрямыми.

— У меня нет мальчика, и я заявляю тебе, что я к тому же, до сих пор девственница.

Выражение презрительного изумления появилось на лице матери. Потом она расхохоталась.

— Сейчас только в научно-фантастических романах можно встретить девятнадцатилетнюю девственницу.

— ...Я не собираюсь ни заводить любовника, ни выходить замуж, ни рожать детей, — продолжала Жюли. — И знаешь почему? Потому что я боюсь стать похожей на тебя.

К матери вернулась её самоуверенность.

— Бедная моя девочка, ты вся — одна сплошная проблема. Слава Богу, я записала тебя на приём к психотерапевту! На четверг.

Мать и дочь привыкли к перепалкам. Эта длилась ещё час, и за весь обед Жюли смогла проглотить всего лишь вымоченную в ликёре «Гран Марнье» вишенку, украшавшую мусс из белого шоколада.

Что касается отца, то он, несмотря на то что дочь не раз толкала его под столом ногой, хранил обычное бесстрастное выражение лица и остерегался вмешиваться.

— Ну же, Гастон, скажи что-нибудь, — призвала его супруга.

— Жюли, слушай свою мать, — лаконично бросил отец, складывая салфетку.

Вставая из-за стола, он заявил, что хочет лечь пораньше, так как завтра на заре собирается совершить вылазку на природу с собакой.

— Можно мне пойти с тобой? — спросила девушка. Отец покачал головой.

— Не в этот раз. Я хочу получше исследовать тот овраг, который ты нашла, и я хочу пойти один. И потом — твоя мать права. Чем болтаться по лесу, лучше позубри уроки.

Когда он наклонился, чтобы поцеловать её и пожелать спокойной ночи, Жюли прошептала:

— Пап, не бросай меня.

Но он сделал вид, что ничего не слышит. Только сказал:

— Приятных снов, дочка.

И вышел, уводя собаку на поводке.

Воодушевившийся Ахилл хотел было полететь стрелой, но только плавно заскользил длинными невтягивающимися когтями по безупречно натёртому паркету.

Жюли не хотела затягивать пребывание с глазу на глаз со своей родительницей. Будто бы по нужде, она побежала в туалет.

Как следует заперев дверь и усевшись на крышку унитаза, черноволосая девушка со светло-серыми глазами словно рухнула в пропасть, куда глубже той, что была в лесу. На этот раз её никто не достанет оттуда.

Она потушила свет, чтобы остаться совершенно с самой собой. Чтобы подбодрить себя, снова замурлыкала: «Зелёная ножка ползёт по дорожке», но на этот раз ей не помогло. Она как бы затерялась в мире, настолько превосходящем её. Она чувствовала себя маленькой, крошечной, как муравей.

9. О ТОМ, КАК НЕПРОСТО ПОСТОЯТЬ ЗА СЕБЯ

Муравей мчится изо всех сил своих шести лапок. Он бежит так быстро, что ветер пригибает его усики.

Он петляет и кружит между ноготками, анютиными глазками и лютиками, но его преследователь не отстаёт. Ёж, мастодонт, бронированный острыми шипами, упорно гонится за муравьём. Запах мускуса отравляет воздух. Земля дрожит от каждого его шага. Чьи-то клочки ещё болтаются на его иглах, и, если бы у муравья было время присмотреться, он увидел бы тучи блох, снующих вверх и вниз и прыгающих по колючкам.

Старый рыжий муравей, надеясь оторваться от преследователя, спрыгивает с откоса. Но этим ежа не остановишь. Иголки защищают его при падении и, если нужно, служат амортизатором. Он свёртывается в клубок, чтобы лучше катиться, а потом вскакивает на все четыре лапы.

Старый рыжий муравей прибавляет скорость и вдруг видит перед собой что-то вроде белого и гладкого туннеля. Он не сразу понимает, что же это такое. Вход достаточно широк для муравья. Что это может быть? Туннель слишком просторен, чтобы быть норой сверчка или кузнечика. Может быть, убежище крота или паука?

Отогнутые назад усики не могут распознать запах. Он вынужден призвать на помощь зрение, которое даёт чёткую картинку лишь вблизи. И вот он уже близко настолько, что видит. Этот белый туннель совсем не укрытие. Это... разинутая пасть змеи!

Сзади ёж, впереди змея. Определённо, мир не для индивидуалистов-одиночек.

Старый рыжий муравей видит единственный выход — веточку, за которую можно уцепиться и залезть наверх. А ёж уже сунул морду в пасть рептилии.

Ёж, цапнув змею в шею, поспешно отступает. Та немедленно свёртывается спиралью вокруг себя самой. Ей не нравится, когда кто-то залезает к ней в глотку.

С высокой ветки старый рыжий муравей ошеломлённо наблюдает за битвой двух разбойников.

Длинный холодный шланг против тёплого колючего шара. Жёлтые, с чёрным разрезом, глаза гадюки выражают не страх, не ненависть, а спокойный расчёт. Она старается правильно расположить свою смертоносную пасть. А ёж, наоборот, паникует. Он выгибается и пытается бросить свои иглы на штурм живота рептилии. Его проворство невероятно. Его маленькие когтистые лапы неистово царапают непробиваемые иглами чешуйки змеиной кожи. Ледяной хлыст обвивается вокруг ежа и сжимает его. С сухим щелчком пасть гадюки открывается и обнажает двойные ядовитые крючки, сочащиеся смертельной влагой. Ежам не страшны ядовитые укусы гадюк, если только они не попадают точно в нежный кончик морды.

Битва ещё не кончена, а старый рыжий муравей вдруг чувствует, что его уносит. К его большому удивлению, веточка, за которую он уцепился, медленно приподнимается. Он было подумал, что её колеблет ветром, но ветка отделяется от остальных ветвей и ползёт вперёд, и тут муравей перестаёт вообще что-либо понимать. Ветка перемещается неспешно и, сонно покачиваясь, перепрыгивает на другой сук. Потом решает взобраться на ствол.

Старого муравья, чрезвычайно удивлённого, несёт на себе бродячая ветка. Он смотрит вниз и догадывается. У ветки есть глаза и ножки. Никаких древесных чудес. Это не ветка, а палочник.

Насекомое с удлинённым и хрупким телом, спасающееся от своих врагов мимикрией, принимая вид палочек, веточек, листочков и стебельков, на которых живёт. Наш палочник так преуспел в своей маскировке, что тело его покрылось изображением древесных волокон, с пятнышками и коричневыми надрезами, как будто его слегка проели термиты.

Другая особенность палочника: его неторопливость — часть мимикрии. Никому не придёт в голову нападать на нечто столь медленное, с виду неподвижное. Старый муравей наблюдал однажды любовные игры палочников. Самец — он был поменьше, — приближаясь к самке, на перестановку каждой лапки тратил секунд по двадцать. Самка слегка отстранилась, а самец оказался настолько непроторным, что не смог её догнать. Что за беда! Ожидая своих легендарно неторопливых самцов, самки в результате сами нашли выход. Некоторые виды оригинально решили проблемы репродукции. Партеногенез, девственное размножение, — никакой необходимости в совокуплении. Палочникам не нужен партнёр для воспроизведения, они заводят детей просто так, достаточно этого пожелать.

Веточка, на которой уехал муравей, оказывается самкой, так как неожиданно для муравья начинает откладывать яйца. Одно за другим, очень медленно, конечно, она выдавливает из себя яйца, которые падают и отскакивают от листьев, как затвердевшие капли дождя. Искусство маскировки у палочников развито настолько, что яйца их похожи на зёрнышки.

Муравей чуть прикусывает свою веточку, чтобы узнать, съедобна ли она. Но у палочников для защиты есть не только мимикрия: они умеют изображать мёртвых. Почувствовав острие мандибулы, насекомое впало в каталепсию и свалилось на землю.

Но муравью и дела до этого нет. Поскольку ёж и змея уже убрались, он следует вниз за своим палочником и съедает его. Потрясающее существо даже не дёрнулось. Наполовину съеденный палочник остаётся невозмутимым, как настоящая ветка. Лишь одна деталь его выдаёт: оставшаяся половина ветки продолжает нести яйца-зёрна.

Ну, на сегодня волнений хватит. Свежеет, пришло время ночного сна. Старый рыжий муравей скрывается в шалаше из земли и мха. Завтра он продолжит поиск дороги к родному гнезду. Любой ценой надо «их» предупредить, пока не стало слишком поздно.

Он спокойно с помощью голеней чистит усики, чтобы хорошо слышать окружающий мир. Потом маленьким камешком закрывает вход в убежище, чтобы больше никто его не потревожил.

РАЗНИЦА В ВОСПРИЯТИИ: мир воспринимаешь только тогда, когда подготовишься к этому восприятию. Во время одного опыта по физиологии нескольких кошек с самого рождения заперли в маленькой комнате с вертикальным узором на стенах. Когда в мозгу кошек сформировались основные представления об окружающем, их переместили в ящики, на стенках которых были изображены горизонтальные линии. Линии указывали на тайники с едой и на выходные люки, но ни одна из кошек, выросших в комнате с вертикальным узором на стенах, не смогла ни поест, ни выйти. Их развитие было ограничено вертикальным восприятием.

Мы действуем с такими же ограничениями в восприятии. Мы не можем постичь некоторые события, так как привыкли воспринимать вещи только определённым образом.

Эдмонд Уэлс. «Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том III.

11. МОГУЩЕСТВО МЁРТВЫХ

Её ладонь открылась и нервно сжалась, прежде чем вцепиться в подушку. Жюли видела сон. Она видела себя средневековой принцессой. Огромный змей украл её и собирается сожрать. Он бросил её в зыбучие пески, жёлтые и топкие, полные копошащихся змеёньшей, и она тонула в этой патоке. Юный принц в доспехах из набивной бумаги на белом боевом коне дрался с гигантским змеем. Он потрясал длинным красным острым мечом и умолял принцессу потерпеть. Он собирался спасти её.

Но пасть гигантского змея действовала словно огнемёт. Бумажные доспехи принца оказались бесполезными. Первый же порыв пламени зажгёт их. Принц и конь, перевязанные верёвочкой, с гарниром из синеватого пюре были уложены на тарелку. Прекрасный принц потерял все великолепие: кожа его стала темно-коричневой, глазницы опустели, а голова была обесчещена коринфским изюмом.

А гигантский змей схватил Жюли своими кривыми ядовитыми зубами, вытащил из грязи и бросил в мусс из белого шоколада с ликёром «Гран Марнье», сомкнувшийся над её головой.

Она пыталась кричать, но мусс обволакивал её, заполнял рот и не давал вырваться ни одному звуку.

Девушка открыла глаза и рывком села. Её ужас был так силён, что она поторопилась проверить, не лишилась ли она голоса. «А-а-а-а, а-а-а-а» — вырвалось из её горла.

Последнее время она все чаще видела кошмарные сны, в которых теряла голос. То её пытали и отрезали язык. То набивали рот едой. То ножницами перерезали голосовые связки. Неужели нельзя спать без снов? Она хотела заснуть и больше ни о чем не думать.

Положив пылающую руку на влажное горло, она прислонилась к подушке, посмотрела на будильник и поняла, что уже шесть часов утра. На улице было ещё темно. За окном мерцали звезды. Она услышала на первом этаже шум, шаги и лай. Отец, как и говорил, с утра пораньше собирался прогуляться с собакой по лесу.

— Папа, папа...

В ответ хлопнула дверь.

Жюли снова улеглась, попыталась заснуть, но тщетно.

Что там дальше в «*Энциклопедии абсолютного и относительного знания*» профессора Эдмонда Уэллса?

Она взяла в руки толстую книгу. Речь шла о муравьях и революции. В книге ей решительно советовали совершить революцию, упоминали о параллельной цивилизации, которая может ей в этом помочь. Она широко раскрыла глаза.

Среди коротких абзацев, написанных мелким почерком, то здесь, то там, прямо посередине слов появлялись то прописная буква, то небольшой рисунок.

Она прочла наугад:

«План этого труда уподоблен Храму Соломона. Первая буква названия каждой главы соответствует величине одного из параметров Храма».

Она нахмурила брови: какая связь может быть между текстом и архитектурой Храма?

Полистала страницы.

«*Энциклопедия относительного и абсолютного знания*» представляла собой беспорядочное собрание сведений, рисунков, разнообразных знаков. В ней, как и заявляло название, были научные статьи, но кроме них были ещё и стихи, и неаккуратно вырезанные рекламные объявления, и рецепты приготовления блюд, и распечатки компьютерных программ, и выдержки из журналов, и кадры политической хроники, и эротические фотографии знаменитых

женщин в качестве иллюстраций.

Там был календарь огородника с указанием лучших сроков посадки овощей и фруктов, были аппликации из тканей и разных сортов редкой бумаги, планы небесного свода и метрополитенов мегаполисов, отрывки из личных писем, математические загадки, схемы перспектив полотен времён Возрождения.

Некоторые иллюстрации изображали насилие, смерть и катастрофы. Текст был то окрашен в красный или в синий цвет, то ароматизирован. Одни страницы, казалось, были исписаны симпатическими чернилами или лимонным соком. Другие — столь крошечными буквами, что необходима была лупа, чтобы их прочесть.

Она нашла планы воображаемых городов, биографии великих людей, забытых Историей, советы по сборке странных машин...

Жюли подумала, что независимо от того, дребедень перед ней или сокровище, ей понадобится минимум два года на то, чтобы все прочесть. Вдруг её взгляд остановился на необычных портретах. Она засомневалась было, но нет, она не ошиблась: это были лица. Не человеческие. Это были головы муравьёв, выполненные как бюсты — так обычно изображают выдающихся людей. Они не были похожи друг на друга: размер глаз, длина усиков, форма черепа заметно различались. К тому же у каждого было имя, написанное под портретом и состоящее из череды цифр.

Тема муравьёв лейтмотивом проходила и в голограммах, коллажах, рецептах и планах.

Партитуры Баха, сексуальные позы, рекомендованные «Камасутрой», учебник по кодированию, каким пользовалось французское Сопротивление в годы Второй мировой войны... чей же эклектичный и многоучёный разум мог собрать все это воедино?

Полистала мозаику дальше.

Биология. Утопии. Справочники, путеводители, инструкции. Анекдоты, о разных людях и науках. Техники манипулирования толпой. Гексаграммы Ии кинга.

Она выхватила из текста фразу. *«Ии кинг — это оракул, который, в противоположность распространённому мнению, не предсказывает будущее, а объясняет настоящее»*. Затем она нашла стратегии, разработанные Сципионом Африканским и Клаузевицем.

Она на секунду подумала, что имеет дело с учебником по идеологической обработке, но на одной из страниц прочла такой совет:

«Остерегайтесь политических партий, сект, корпораций и религий. Не ждите, чтобы другие указывали вам, что нужно думать. Учитесь думать сами, без внешнего влияния».

Далее следовала цитата из песни Жоржа Брассенса:

«Не желайте изменить окружающих, для начала попытайтесь изменить себя».

Ещё один абзац задержал её взгляд:

«Небольшой трактат о пяти внутренних и пяти внешних чувствах. Существует пять физических и пять духовных чувств. Пять физических чувств — это зрение, обоняние, осязание, вкус, слух. Пять духовных чувств — это волнение, воображение, интуиция, всеобъемлющее сознание, вдохновение. Использовать только пять физических чувств — все равно что использовать только пять пальцев левой руки».

Цитаты на латыни и на греческом. Снова кулинарные рецепты. Китайские идеограммы. Как приготовить «коктейль Молотова». Засушенные листья. Калейдоскоп картинок. Муравьи и Революция. Революция и Муравьи.

Глаза Жюли защипало. Она будто опьянела от этого бредового калейдоскопа сведений и картинок. Ей попалась ещё одна фраза:

«Не читайте этот труд по порядку, лучше поступить следующим образом: когда вы чувствуете какое-либо затруднение, откройте страницу наугад, прочтите её и посмотрите, не

найдётся ли там чего-нибудь интересного применительно к вашей нынешней проблеме».

И дальше:

«Не бойтесь пропускать места, которые вам кажутся слишком нудными. Эта книга не сакральна».

Жюли закрыла книгу и пообещала ей использовать её так, как та сама любезно предложила. Девушка погладила обложку. Дыхание Жюли выровнялось, температура немного снизилась, она незаметно заснула.

ПАРАДОКСАЛЬНЫЙ СОН: во время нашего сна мы проходим особый период, называемый «парадоксальным сном». Он длится от пятнадцати до двадцати минут, потом прерывается, чтобы вернуться через часа полтора. Почему он так называется? Потому что предаваться интенсивной нервной деятельности во время глубокого сна — парадоксально.

Если спящие младенцы слишком возбуждены, это значит, что они как раз в фазе парадоксального сна (деление следующее: треть времени — нормальный сон, треть — неглубокий сон, треть — парадоксальный сон). Во время этой фазы сна у младенцев часто наблюдается странная мимика, более свойственная взрослым людям и старикам. На их лицах последовательно изображаются гнев, радость, грусть, страх, удивление, в то время как чувства эти им, несомненно, ещё не знакомы. Можно подумать, что дети примеряют выражения лица, которыми будут пользоваться позже.

У взрослых людей фазы парадоксального сна с годами уменьшают свою длительность и составляют одну десятую, если не двадцатую часть от всего времени сна. Фаза парадоксального сна сопровождается чувством удовольствия, у мужчин может вызывать эрекцию.

Быть может, каждую ночь мы должны принимать какие-то послания.

Был проведён следующий эксперимент: взрослого человека разбудили посреди фазы парадоксального сна и попросили рассказать, что ему грезилось. Затем ему снова дали заснуть и снова растолкали во время следующей фазы. Таким образом, учёные констатировали следующее: несмотря на то что сюжеты двух снов были разными, смысл их был один. Было очень похоже на то, что прерванный сон продолжился по-другому, но имел цель передать то же сообщение.

Недавно исследователи высказали новую мысль. Сон — это способ забыть о социальном давлении. Во сне мы забываем то, что были вынуждены усвоить днём и что противоречит нашим внутренним убеждениям. Все навязанные извне условности снимаются. Невозможно полностью манипулировать людьми, пока они продолжают видеть сны. Сон — естественный протест против тоталитаризма.

Эдмонд Уэлс. «Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том III.

13. ОДИН СРЕДИ ДЕРЕВЬЕВ

Утро. Ещё темно, но уже жарко. Один из парадоксов марта.

Луна, синеватое светило, освещает кроны деревьев. Этот свет его будит и даёт силы, необходимые для продолжения пути. С тех пор, как он идёт один по этому бесконечному лесу, он не знает и минуты покоя. Пауки, птицы, скакуны, муравьиные львы, ящерицы, ежи и даже палочники объединились для того, чтобы донимать его.

Он не знал этих забот в городе, пока жил там вместе с другими. Его мозг был тогда подключён к «коллективному разуму», ему не нужно было даже пытаться размышлять.

Но сейчас он далеко от гнёзда и от своих братьев. И мозг его вынужден функционировать индивидуально. Муравьи имеют великолепную способность мыслить двумя способами: коллективно и индивидуально.

В данный момент индивидуальный способ является для него единственно возможным, и ему весьма утомительно беспрестанно думать о себе, чтобы выжить. Если долго думать о себе, появляется страх перед смертью. Он, может быть, первый муравей, который вынужден жить в одиночку и от этого постоянно боится смерти.

Как же низко он пал!..

Он идёт вперёд под кронами вязов. Гудение пузатого майского жука заставляет его поднять голову.

И он снова понимает, насколько необыкновенен лес. При свете луны все растения стали сиреневыми и белыми. Он поднимает усики и обнаруживает лесную фиалку, усеянную озорными бабочками, которые прощупывают её сердце. Чуть дальше гусеницы с полосатыми спинами щиплют листья бузины. Природа как будто нарядилась, чтобы отпраздновать его возвращение.

Он натывается на высохший труп. Отступает, озирается. Перед ним закрученная спираль из мёртвых муравьёв — настоящее кладбище. Это чёрные охотники. Он догадывается о том, что произошло. Муравьи ушли слишком далеко от гнёзда, и, когда выпала холодная вечерняя роса, они, потеряв способность ориентироваться, выстроились спиралью и кружили, кружили на одном месте, пока не пришёл конец. Когда не понимаешь мир, в котором живёшь, до самой смерти ходишь по кругу.

Старый рыжий муравей подходит ближе, чтобы кончиками усиков обследовать место катастрофы. Муравьи по краям спирали погибли первыми, а за ними — те, кто был в центре.

Он разглядывает эту странную спираль смерти, освещённую сиреневым светом луны. Какое примитивное поведение! Ведь, для того чтобы защититься от холода, достаточно было спрятаться под корнем или вырыть укрытие в земле. А эти глупые чёрные муравьи не придумали ничего лучше, как кружиться и кружиться на месте, как будто танцы могут предотвратить смерть.

«Определённо, мой народ ещё многому должен научиться», — излучает старый рыжий муравей.

Проходя под чёрными папоротниками, он узнает запахи своего детства. Его опьяняет аромат пыльцы.

Чтобы дойти до такого совершенства, потребовалось время.

Сначала зеленые морские водоросли, предки всех растений, выбрали на сушу. Чтобы укрепиться на ней, им потребовалось превратиться в лишайник. Лишайник избрал стратегию обогащения почвы для растений следующего поколения, которые благодаря более глубоким корням смогли стать выше и сильнее.

Теперь у каждого растения есть своя зона влияния, но остались и спорные территории. Старый муравей видит лиану смоковницы-душительницы, храбро отправившуюся на штурм невозмутимой черешни. В этом поединке у черешни нет никакого шанса на победу. Но она отомщена: другие смоковницы-душительницы, думавшие совладать со щавелем, чахнут, отравленные его ядовитым соком.

Чуть дальше ель сбрасывает свои иглы, чтобы сделать почву кислой и уничтожить травы-паразиты и маленькие растения.

У каждого своё оружие, своя защита, своя стратегия выживания. Мир растений беспощаден. Он, быть может, только одним отличается от животного: вегетативные убийства происходят медленно и, конечно, безмолвно.

Некоторые растения предпочитают холодное оружие яду. Чтобы напомнить об этом прогуливавшемуся муравью, перед ним выставляет свои когти и остролист, и чертополох — бритвенные лезвия, и страстоцвет — рыболовные крючки, и даже акация — свои колючки. Он минует рощу, похожую на утыканный острыми ножами коридор.

Старый муравей умывает свои усики и расправляет их плюмажем над головой, чтобы лучше улавливать все ароматы, разлитые в воздухе. Он ищет след пахучей тропинки, ведущей к родным местам. Потому что теперь на счёту каждая секунда. Любой ценой, пока не поздно, он должен предупредить свой город.

Пойманные им душистые молекулы дают массу бесполезной информации о жизни и нравах местной фауны.

Все же, шагая, он старается не упустить ни одного любопытного аромата. Он вбирает в себя веяния воздуха, чтобы определить незнакомые запахи. Безрезультатно. Тогда он поступает по-другому.

Он влезает на выступ, образованный корнем сосны, изгибается и начинает медленно вращать сенсорными отростками. В зависимости от интенсивности движения усиков он улавливает разные диапазоны пахучих частот. При 400 вибрациях в секунду муравей не замечает, не обнаруживает ничего интересного. Он ускоряет вращение своего обонятельного радара. 600, 1000, 2000 вибраций в секунду. По-прежнему ничего. Он чувствует лишь растения и насекомых немуравьев: ароматы цветов, споры грибов, запахи жесткокрылых, гниющего дерева, листьев дикой мяты...

Муравей увеличивает скорость. 10 000 вибраций в секунду. Вращаясь, усики создают втягивающие потоки воздуха, собирающие всю пыль. Надо их почистить перед тем, как снова приняться за дело.

12 000 вибраций в секунду. Наконец он ловит далёкие молекулы, свидетельствующие о существовании пахучей тропинки муравьёв. Победа. Направление: запад-юг-запад, 12 градусов относительно лунного света. Вперёд.

О ПОЛЬЗЕ НЕПОХОЖЕСТИ: мы все победители. Так как все произошли от сперматозоида-чемпиона, одолевшего три миллиона конкурентов.

Он заслужил право передать набор хромосом, сделавший вас вами и никем другим.

Ваш сперматозоид очень талантлив. Он не застрял где-то в закоулке. Он смог найти правильный путь. Он, наверное, сумел как-нибудь загородить дорогу сперматозоидам-соперникам.

Долго считалось, что зародышевую клетку удаётся оплодотворить самому быстрому сперматозоиду. Ничего подобного. Многие сотни сперматозоидов одновременно достигают клетки. И ждут, переминаясь на жгутиках. Избран будет только один.

То есть клетка назначает победителя из огромного числа претендентов, теснящихся у её дверей. По каким же критериям? Учёные долго пытались понять это. Недавно ответ был найден: клетка останавливает свой выбор на том, чей «генетический багаж сильнее всего отличается от остальных». Вопрос выживания. Клетка не знает двух людей, которые где-то наверху сжимают друг друга в объятиях, она хочет просто избежать кровного родства. Природа старается обогатить наши хромосомы чем-то новым, не похожим на них.

Эдмонд Уэллс. «Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том III.

15. ЗАМЕТНАЯ ИЗДАЛЕКА

Шаги по земле. Было семь часов утра, и звезды мерцали ещё в вышине небосклона.

Взбираясь со своей собакой по крутым тропинкам в чаще леса Фонтенбло, вдыхая в тишине утреннюю свежесть, Гастон Пинсон чувствовал себя хорошо. Он пригладил рыжие усы. Чтобы наконец ощутить себя свободным человеком, ему достаточно было прийти в этот лес.

Тропинка слева спиралью взбегала на груду камней. Поднявшись, он добрался до поворота Денкур, на вершине скалы Каспо. Вид отсюда был чудесный. Тёплой и ещё звёздной зарёй хватало огромной луны для освещения панорамы.

Он сел и приказал собаке сделать то же самое. Собака осталась стоять. Но небо они созерцали вместе.

— Видишь ли, Ахилл, раньше астрономы рисовали карты неба так, как будто речь шла о плоском склоне. Они разделяли его на восемьдесят восемь созвездий, словно это восемьдесят восемь департаментов, образующих небесное государство. Жители северного полушария не могут видеть большинство из них, кроме Большой Медведицы. Она похожа на ковш, состоящий из четырех звёзд, продолженный ручкой из трех звёзд. Греки называли так это созвездие в честь принцессы Калликст, дочери царя Аркадии. Она была настолько красива, что объята завистью Гера, жена Зевса, превратила её в большую медведицу. Да-да, Ахилл, таковы женщины: все завидуют одна другой.

Собака тряхнула головой и тихонько поскулила.

— Если это ковш пять раз отложить на небе. Под ним окажется летящая кукурузина, которая тоже хорошо видна. Это Полярная звезда. Так, Ахилл, можно определить точное направление на север. А зная его, ты никогда не заблудишься.

Пёс ничего не понял из всех этих объяснений. Он просто слышал: «ТэтэтэтэтэтэАхиллтэтэтэтэтэАхилл». Из всего человеческого языка он понимал только сочетание слогов «А-хилл», которое, это он знал, обозначало его самого. Соскучившийся от этой болтовни, ирландский сеттер улёгся, положив голову на лапы, свесив уши и приняв равнодушный вид. Но его хозяин слишком хотел поговорить, чтобы уняться.

— Следующая звезда, недалеко от ручки ковша, — продолжал он, — состоит не из одного, а из двух светил. Раньше арабские воины проверяли свою зоркость по способности различить две эти звезды, Алькор и Минар.

Гастон сощурился, глядя на небо, собака зевнула. Солнце уже начинало подниматься, и звезды постепенно бледнели и исчезали, уступая ему место.

Гастон достал из рюкзака еду, бутерброд с ветчи-ной-сыром-луком-корнишонами-перцем, который и проглотил вместо завтрака. Он вздохнул от удовольствия. Нет ничего на свете лучше, чем встать вот так, рано утром и пойти в лес встретить рассвет.

Роскошное пиршество красок. Солнечное светило сначала было красным, потом розовым, оранжевым, жёлтым и, наконец, стало белым. Неспособная соперничать с этим великолепием, луна предпочла отступить.

Взгляд Гастона скользнул со звёзд на солнце, с солнца — на деревья, с деревьев — на панораму долины. Вся даль и ширь дикого леса теперь была отчётливо видна. Фонтенбло состоял из равнин и холмов, участков песка, песчаника, глины и известняка. Множество ручьёв, оврагов, берёзовых рощ.

Пейзаж был на удивление разнообразный. Это, без сомнения, был самый населённый лес во Франции. Здесь водились сотни видов птиц, грызунов, рептилий, насекомых. Гастон много раз встречал кабанов с кабанятами, однажды даже видел олениху с оленёнком.

Здесь, в шестидесяти километрах от Парижа, можно было поверить в то, что человеческая цивилизация ещё не все испортила. Ни машин, ни гудков, ни загрязнения окружающей среды. Ничего тревожащего. Лишь тишина, шелест листьев, ласкаемых ветерком, перебранка задиристых птиц.

Гастон закрыл глаза и жадно вдохнул тёплый утренний воздух. Двадцать пять тысяч гектаров дикой жизни благоухали ароматами, ещё не внесёнными в парфюмерные описи. Изобилие роскоши. Бесплатной.

Директор юридической службы Вод и Лесов взял свой бинокль и оглядел окрестности. Он знал каждый уголок в этом лесу. Направо — ущелья Апремон, перекрёсток Гран-Венер, дорога Кюль-де-Шодрон, большая терраса, пещера Грабителей. Прямо перед ним — ущелья Франшар, древний Эрмитаж, дорога Рош-Киплер, терраса Друидов. Слева — арена Демуазель, перекрёсток Супир, гора Морийон.

Он видел отсюда песчаные равнины, владение лесных жаворонков. Дальше была долина Шанфруа с седьми пиками гор.

Гастон настроил бинокль и направил его на Юпитер, большой четырехсотлетний дуб, вздымавшийся над округой на высоту в тридцать пять метров. «До чего же красив лес», — восхитился он, опуская бинокль. Прямо на футляре устроился муравей. Гастон хотел стряхнуть его, но муравей скользнул по руке и взял шгурмом свитер.

Гастон сказал собаке:

— Муравьи меня тревожат. Раньше муравейники стояли по одному. Теперь по непонятным причинам они объединяются. Они собрались в федерации, а сейчас федерации сливаются в империи. Такое впечатление, что муравьи проводят эксперимент, который мы, люди, ни разу не смогли довести до конца, эксперимент по созданию «сверхобщества».

Гастон действительно читал в газетах о том, что было отмечено все более частое появление суперколоний муравейников. Во Франции, в районе Юра, зарегистрировали колонии, насчитывающие от тысячи до двух тысяч муравьиных городов, соединённых между собой тропинками. Гастон был убеждён, что муравьи собираются довести свой социальный эксперимент до абсолютного конца.

Оглядывая окрестности, он заметил нечто странное. Он нахмурил брови. Вдалеке, рядом с оврагом и скалой из песчаника, обнаруженными его дочерью, среди высоких деревьев, блеснул какой-то треугольник. И это был не муравейник.

Блестящий силуэт был скрыт ветвями, но слишком правильная форма выдавала его. Природа не терпит прямых линий. Значит, это либо палатка туристов, которым там делать нечего, либо мусор, брошенный прямо посреди леса беспечными загрязнителями окружающей среды.

Раздражённый Гастон побежал вниз по тропинке в сторону сверкающего треугольника. В мозгу крутились предположения: трейлер новой модели? Машина цвета металлик? Шкаф?

Он потратил час, продираясь сквозь кустарники и чертополох к таинственному предмету. Он был почти без сил.

Вблизи предмет оказался ещё более странным. Это была не палатка, не трейлер и не шкаф. Перед Гастоном возвышалась пирамида высотой примерно в три метра, стороны её были сплошь покрыты зеркалами. Что же до вершины, то она была прозрачной, как хрусталь.

— Вот это да, милый мой Ахилл, сюрприз так сюрприз...

Собака в знак согласия залаяла. Потом заворчала, обнажив карие клыки и использовав своё секретное оружие — зловонное дыхание, обратившее в бегство уже немало дворовых кошек. Гастон обошёл сооружение.

Большие деревья и заросли орлиного папоротника отлично прятали пирамиду от

посторонних глаз. Если бы луч утреннего солнца не попал точно на неё, Гастон её не заметил бы.

Служащий осмотрел конструкцию: ни дверей, ни окон, ни трубы, ни почтового ящика. Нет даже ведущей к ней тропинки. Ирландский сеттер продолжал ворчать, обнюхивая землю.

— Ты согласен со мной, Ахилл? Я это уже видел по телевизору. Наверное, это... пришельцы. Но собаки сначала собирают информацию, а потом выдвигают гипотезы. Особенно ирландские сеттеры. Ахилл казался заинтересованным зеркальными стенами. Гастон приложил ухо к поверхности.

— Ах, вот оно что!

Он услышал шум внутри. Ему даже почудился человеческий голос. Он постучался в зеркало:

— Тут кто-нибудь есть?

Нет ответа. Шум прекратился. След дыхания, оставшийся на зеркале, испарился.

При ближайшем рассмотрении ничего космического в пирамиде не было. Она была отлита из бетона, а затем покрыта зеркальной плиткой, которую можно найти в любом магазине, в отделе «Сделай сам».

— Кому могло прийти в голову воздвигать пирамиду в гуще леса Фонтенбло, как ты думаешь, Ахилл?

Собака пролаяла ответ, но человек понял не все.

За ним раздалось еле слышное гудение.

Б-з-з-з...

Гастон не придал этому значения. Лес был полон комаров и слепней всех разновидностей. Гудение приблизилось.

Б-з-з-з... Б-з-з-з...

Он почувствовал лёгкий укус в шею, поднял было руку, для того чтобы прогнать надоедливое насекомое, и замер... Вовсю разинул рот, повернулся вокруг своей оси. Выпустил из рук собачий поводок и, выпучив глаза, головой вперёд рухнул в куст цикламенов.

ГОРОСКОП: в Южной Америке, в племени майя, астрология была официальна и обязательна. При рождении ребёнка давали особый расчётный календарь. В этом календаре была описана вся его будущая жизнь: когда он начнёт работать, когда женится, когда с ним случится несчастье, когда он умрёт. Содержание календаря ребёнку напевали вместо колыбельных, он выучивал его наизусть и начинал мурлыкать сам, чтобы знать, на каком этапе своей жизни находится.

Система эта работала довольно хорошо, так как астрологи майя предусматривали все, чтобы предсказания совпадали с действительностью. Если у молодого человека в песне была обещана в один прекрасный день встреча с девушкой, то встреча происходила, так как у девушки, в её личной песне-гороскопе, находился точно такой же куплет. То же самое было и в деловой сфере: если куплет обещал вам в такой-то день покупку дома, то у продавца дома в песне имелась на данный день рекомендация его продажи. Если определённого числа должна была разгореться драка, то все её участники были об этом давным-давно осведомлены.

Все функционировало прекрасно, система сама себя поддерживала.

Войны были объявлены и описаны. Победители в них были известны, астрологи давали точное число раненых и убитых на полях сражений. Если количество убитых не совсем совпадало с предсказанием, жертвовали пленными.

Как эти напевные гороскопы облегчали жизнь! Случаю просто не отводилось места. Никто не боялся завтрашнего дня. Астрологи разъясняли каждую человеческую судьбу с начала до конца. Каждый знал, куда вела его жизнь, и даже знал, куда она вела других.

Апофеозом предсказаний майя был... момент конца света. Он наступит такого-то дня десятого века так называемой христианской эры. Все астрологи майя единодушно сообщили точный час. И тогда накануне, не желая быть свидетелями катастрофы, мужчины подожгли свои города, сами убили свои семьи, а затем покончили жизнь самоубийством. Несколько уцелевших покинули объятые пламенем поселения, чтобы превратиться в бродяг среди пустошей.

А ведь эта цивилизация была творением личностей отнюдь не примитивных и наивных. Майя знали ноль, колесо (правда, они не поняли всех возможностей этого открытия), они строили дороги, их календарь с добавлением тринадцатого месяца был более точным, чем наш.

Испанцы, высадившись в шестнадцатом веке в Юкатане, не смогли даже получить удовольствия от уничтожения цивилизации майя, поскольку та самоуничтожилась задолго до них. Тем не менее и в наши дни существуют индейцы, которые считают себя далёкими потомками майя. Их называют «лакандонами». И странная вещь, дети лакандонов мурлычат древние песни, рассказывающие обо всех событиях человеческой жизни. Но никто уже не понимает их точного смысла.

Эдмонд Уэллс. «Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том III.

17. ВСТРЕЧА ПОД ВЕТВЯМИ

Куда ведёт эта дорога? Он совершенно разбит. Вот уже много дней он ищет этот запах — запах муравьиной тропы.

И вдруг с ним случилась странная вещь, он не знает, что произошло: он забрался на какой-то гладкий тёмный предмет, потом его подняли вверх, и он побежал по розовой пустыне, поросшей редкой чёрной травой, тут его сбросили на переплетённые растительные волокна, он уцепился было за них, но его подкинули высоко в воздух.

Должно быть, это был один из «Них».

«Они» приходят в лес все чаще и чаще.

Какая разница. Он жив, и это главное.

Слабые в начале, ароматы феромонов усиливаются. Он действительно идёт по мирмекийской дороге. Сомнений нет: тропа между кустами вереска и тимьяном вся пропитана этим запахом. Он вдыхает и немедленно узнает гидрокарбоную смесь — C₁₀H₂₂, выделяемую железами, расположенными под брюшком бел-о-канских муравьёв-разведчиков.

Солнце светит в спину старому рыжему муравью, идущему дорогой запаха. Широкие папоротники строят вокруг него зеленые арки. Белладонны поднимаются хлорофилловыми колоннами. Тисы предлагают ему свою тень. Он чувствует тысячи усиков, глаз, ушей, притаившихся в траве и листьях и следящих за ним. Но поскольку никто не показывается, можно сделать вывод, что муравей вызывает у них смущение и страх. Чтобы сделать свою походку ещё воинственнее, муравей втягивает шею. Несколько пар глаз прячутся.

Вдруг, повернув за куст голубых люпинов, он различает двенадцать мирмекийских силуэтов. Это, как и он, рыжие лесные муравьи. Он узнает даже запах родного города: Бел-о-кана. Они из одной семьи. Братья!

Выставив мандибулы, муравей мчит к представителям цивилизации. Двенадцать муравьёв останавливаются, от удивления поднимая усики. Муравей понимает, что перед ним молодые бесполое солдаты, принадлежащие к подкасте разведчиков-охотников. Обращаясь к ближайшему из них, муравей просит трофоллаксис. Тот, отводя назад оба усика, сообщает о своём согласии.

Насекомые тут же приступают к устоявшемуся ритуалу обмена пищей. Постукивая друг друга по темечку концами усиков, муравьи обмениваются информацией. Один спрашивает, что другому нужно, собеседник интересуется, что же может первый ему предложить. Расставив мандибулы, они становятся лицом к лицу, ртом ко рту. Донор вынимает из социального зоба жидкую, едва початую пищу, скатывает её в большой шар и передаёт изголодавшемуся, который жадно её всасывает.

Часть еды идёт в основной желудок для немедленного восстановления сил, остальное отправляется в запас, в социальный зоб, чтобы, в случае необходимости иметь возможность, в свою очередь, накормить одного из братьев. Старый рыжий муравей дрожит от удовольствия, а двенадцать юнцов качают усиками, прося его представиться.

Каждый из одиннадцати сегментов усика муравья выделяет свой особый феромон. Сегменты похожи на одиннадцать ртов, готовых заговорить одновременно в одиннадцати разных обонятельных тональностях. Эти одиннадцать ртов источают феромоны, но и могут воспринимать их, словно одиннадцать ушей.

Молодой муравей-донор касается первого, считая с головы, сегмента усика старого рыжего одинокого муравья, выясняя его возраст: три года. Следующий сегмент открывает его касту и подкасту: бесполой солдат, внешний разведчик-охотник. Третий сообщает о его виде и

происхождении: рыжий лесной муравей, из города Бел-о-кан. Четвёртый даёт номер кладки и, следовательно, имя: 103683-е яйцо, весной снесённое королевой, позволило ему появиться на свет. Зовут его, значит, «103683-й». Пятый сегмент говорит о состоянии души того, кто позволяет прикасаться к себе: 103683-й утомлён и возбуждён одновременно, так как располагает важной информацией.

На этом молодой муравей прекращает свою обонятельную расшифровку. Остальные сегменты не служат передатчиками. Пятый предназначен для обнаружения молекул запахов тропинки, шестой — для бесед на общие темы, седьмой — для сложных диалогов, восьмой — только для общения с королевой, матерью-производительницей. Три оставшихся сегмента используются в случае каких-нибудь небольших потрясений.

103683-й, в свою очередь, исследует двенадцать разведчиков. Это молодые солдаты, все в возрасте ста девяносто восьми дней. Они близнецы, но при этом сильно отличаются друг от друга.

5-й на несколько секунд старше всех. Голова у него вытянутая, торакс узкий, мандибулы заострённые, брюшко в форме бруска, он весь удлинённый, и жесты его отточены и продуманы. У него массивные бедра и длинные, широко расставленные лапки.

6-й, следующий близнец по старшинству, напротив, весь закруглён: шар головы, округлость брюшка, плотный торакс, даже усики чуть закручиваются спиралью на концах. У шестого тик, он все время проводит правой лапкой по глазу, как будто у него что-то чешется.

7-й, с короткими мандибулами, мощными лапками, очень элегантен, прекрасно вымыт. Его хитин сияет так, что в нем отражается небо. У него изящные жесты, и он не может удержаться, чтобы постоянно не выписывать концом брюшка букву Z, просто так, без всякой цели.

8-й весь мохнатый, волоски растут даже на лбу и мандибулах. Он сильный и большой, жесты у него неуклюжие. Он жуёт травинку, которую для забавы хватает то усиками, то мандибулами.

У 9-го круглая голова, треугольный торакс, квадратное брюшко и цилиндрические лапки. В детстве болезнь изрешетила дырочками его медно-красный торакс. У него красивые суставы, он это знает, и все время поигрывает ими, производя звук, подобный стуку хорошо смазанных шарниров, довольно приятный.

10-й самый маленький. Он только-только начал походить на муравья. Усики у него очень длинные, и эта особенность сделала его обонятельным радаром группы. Непрестанные движения его сенсорных отростков говорят, кстати, о его большом любопытстве.

11-й, 12-й, 13-й, 14-й, 15-й, 16-й были также обследованы во всех подробностях.

Закончив поверку, старый одинокий муравей обращается к 5-му. Не только потому, что тот самый старший. Усики 5-го липкие от постоянных разговоров, это знак того, что он очень общительный. С болтуном всегда проще иметь дело.

Два насекомых соприкасаются усиками и вступают в диалог.

103683-й узнает о том, что двенадцать солдат принадлежат к новой подкасте, элитным командос Бел-о-кана. Их посылают в авангард для внедрения в ряды противника. При случае они сражаются с другими муравьиными городами, а также участвуют в охоте на крупных хищников, таких, как ящерицы.

103683-й спрашивает о том, что они делают так далеко от родного гнёзда. 5-й отвечает, что им поручена глубокая разведка. Уже много дней они идут в этом направлении в поисках восточного края земли.

Для обитателей муравейника Бел-о-кан мир существовал всегда и всегда будет существовать. Если не было рождения, не будет и смерти. Они считают, что наша планета имеет форму куба. Они думают, что куб окружён сначала воздухом, а потом окутан ковром облаков. За

ними находится вода, которая иногда прорывается сквозь облака, поэтому идут дожди. Вот такая у них космогония.

Граждане Бел-о-кана полагают, что находятся совсем рядом с восточным краем земли, и не раз посылали экспедиции, чтобы точно определить его местоположение. 103683 сообщает о том, что он тоже бел-о-канский разведчик. Он возвращается с востока. Ему удалось дойти до края земли.

Поскольку все двенадцать отказываются ему верить, старый рыжий муравей предлагает им укрыться в углублении под корнем и образовать круг, соединившись усиками.

Там он быстро расскажет им историю своей жизни и опишет невероятную одиссею к восточному краю земли. Так они узнают и о мрачной угрозе, нависшей над их городом.

18. СИНДРОМ ЧЕРВЯ

Чёрный флажок хлопал на ветровом стекле лимузина, припаркованного у дома, где шло прощание.

Каждый подошёл к покойнику и поцеловал в последний раз его руку.

Затем тело Гастона Пинсона положили в пластиковый мешок с застёжкой-молнией, наполненный шариками нафталина.

— Зачем нафталин? — спросила Жюли служащего похоронного бюро.

Человек в чёрном сразу с видом большого профессионала объяснил важным голосом:

— Чтобы убить червей. Мёртвая человеческая плоть привлекает червей. К счастью, благодаря нафталину современные покойники могут от них защититься.

— Теперь, значит, они нас не едят?

— Исключено, — уверил служащий. — Более того, гробы сейчас покрываются пластинками цинка, не позволяющими живности проникать внутрь. Даже термиты не могут их прогрызть. Ваш отец будет похоронен в чистоте и сохранит её надолго.

Люди в тёмных фуражках установили гроб в лимузин.

Траурный кортеж долго и терпеливо ждал в загазованных пробках, прежде чем добрался до кладбища. Въезжали в таком порядке: сначала лимузин-катафалк, за ним машина с ближайшими родственниками, потом с дальними, следом друзья и, хвостом процессии, коллеги по работе.

Все были одеты в чёрное и хранили скорбный вид.

Четыре могильщика донесли на плечах гроб до открытой могилы.

Церемония проходила очень медленно. Притопывая, чтобы согреться, люди шёпотом обменивались приличествующими случаю фразами: «это был чудесный человек», «он умер слишком рано», «какая потеря для службы Вод и Лесов», «это был святой человек, необыкновенной доброты и благородства», «ушёл несравненный профессионал, великий защитник леса».

Наконец появился священник и произнёс слова, которые подобало произнести: «Прах в прах обращаешься... Этот замечательный супруг и отец семейства был примером для всех нас... Воспоминания о нем навеки останутся в наших сердцах... Он был всеми любим... крут замкнулся. Аминь».

Теперь все толпились вокруг Жюли и её матери с соболезнованиями.

Приехал сам префект Дюпейрон собственной персоной.

— Спасибо вам за то, что вы пришли, господин префект.

Но префект, казалось, больше хотел поговорить с дочерью:

— Выражаю своё сочувствие, мадемуазель. Эта утрата должна быть ужасной для вас.

Придвинувшись к Жюли вплотную, префект шепнул ей на ухо:

— Знайте, что в знак уважения, которое я питал к вашему отцу, для вас всегда найдётся место в службах префектуры. Как только закончите изучать право, приходите ко мне. Я вам дам хорошее место.

Потом высокий чиновник, наконец, соблаговолил обратиться и к матери:

— Я только что назначил одного из самых ловких сыщиков расследовать тайну смерти вашего мужа. Это комиссар Линар. Ас. С ним мы узнаем все, и очень быстро.

Он продолжил:

— Разумеется, я уважаю ваш траур, но иногда необходимо отвлечься. Наш город стал побратимом японского города Акиное. По этому случаю в следующую субботу будет приём в парадном зале замка Фонтенбло. Приходите вместе с вашей дочерью. Я хорошо знал Гастона.

Он был бы рад, если бы вы немного рассеялись.

Мать кивнула головой. На гроб бросили несколько засушенных цветков.

Жюли подошла к краю разверстой могилы и пробормотала сквозь зубы:

— Мне жаль, что мы так и не сумели по-настоящему поговорить. Я уверена, что ты в принципе был хорошим парнем, папа...

Секунду она смотрела на сосновый гроб.

Жюли отгрызла себе ноготь на мизинце. Он болел сильнее других. Когда она грызла ногти, то могла решать, в какой момент прекратить боль. В этом она видела одно из преимуществ того, что сама заставляла себя страдать. Она контролировала боль, а не подчинялась ей.

— Жаль, что между нами было столько преград, — закончила она.

А на крышке гроба, протиснувшись в крошечную щель в бетоне, несколько голодных червей бились о цинковую пластинку. Они тоже думали: «Жаль, что между нами столько преград».

ВСТРЕЧА ДВУХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ: встреча двух разных цивилизаций — момент всегда тонкий и деликатный.

Когда 10 августа 1818 года капитан Джон Росс, командир британской полярной экспедиции, встретил жителей Гренландии, инуитов, можно было ожидать самого худшего. (Слово «инуит» переводится как «человеческое существо», в то время как «эскимос» означает всего лишь — «поедатель сырой рыбы».) Инуиты всегда считали себя единственными обитателями мира. Самый старший из них угрожающе потряс палкой и жестом велел незваным гостям уходить.

Джону Саккеусу, южно-гренландскому переводчику, пришла в голову идея бросить инуитам под ноги свой нож. Вот так лишит себя оружия, кинув его к ногам незнакомого племени! Жест смутил инуитов, которые, подняв нож, стали рассматривать его, щипать себя за носы и кричать.

Джону Саккеусу хватило присутствия духа начать им немедленно подражать. Таким образом самое страшное осталось позади. Ведь человека, который ведёт себя так же, как вы, не хочется убивать.

Старый инуит подошёл к Саккеусу и, пощупав его хлопковую рубашку, спросил: «Шкура какого же животного столь тонка?» Переводчик отвечал как мог (язык пиджин похож на язык инуитов). Тут уже другой инуит задал ему новый вопрос: «Вы. прилетели с Луны или с Солнца?» Так как инуиты считали, что на Земле нет никого, кроме них, другого объяснения появления чужаков они не видели.

Саккеусу в конце концов удалось убедить инуитов в том, что перед ними люди — английские офицеры. Аборигены даже согласились подняться на корабль, где их сначала объела паника — при виде свиньи, а потом обуял смех — при виде своих отражений в зеркале. Инуиты восхитились настенными часами и спросили, съедобны ли они. Тогда их угостили галетами, они попробовали их с недоверием и выплюнули с отвращением. Напоследок в знак примирения они привели своего шамана. Шаман заклинал духов очистить корабль от всякого рода злых сил, которые могли находиться на его борту.

На следующее утро Джон Росс водрузил на берегу национальное знамя и объявил территорию завоёванной. Инуиты этого и не заметили, хотя в течение одного часа превратились в подданных британской короны. Через неделю их страна появилась на всех картах вместо пометки *terra incognita*.

Эдмонд Уэлс. «Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том III.

20. СТРАХ ПЕРЕД ЧЕМ-ТО ВЫСШИМ

Старый рыжий муравей рассказывает им о неизвестных землях, о путешествии, о незнакомом мире. Двенадцать разведчиков с трудом верят своим усикам.

Все началось тогда, когда 103683-й, молодой солдат, прогуливался по коридорам Закрытого города Бел-о-кана, неподалёку от королевских покоев. Вдруг с мольбой о помощи к нему бросились два муравья — самец и самка. Они утверждали, что целый отряд охотников был уничтожен секретным «оружием, способным убить одновременно дюжину муравьёв.

103683-й провёл дознание и пришёл к выводу, что нападение было совершено их вечными врагами, карликовыми муравьями из города Ши-га-пу. Им была объявлена война, но никакого сверхмощного оружия карлики в ход не пустили. Стало быть, они им и не обладали.

Тогда решили искать это оружие у другого давнего противника — у термитов. С отрядом охотников 103683-й отправился к Восточному термитнику. Они нашли город отравленным парами хлора. В живых осталась только королева термитов. Она утверждала, что все умножившиеся с недавней поры катастрофы — дело рук «гигантских монстров — хранителей края света».

103683-й отправился на восток, за огромную реку, и после многих и многих приключений нашёл этот пресловутый восточный край мира.

Во-первых, поскольку Земля не кубической формы, край её не является головокругительной пропастью. По словам 103683-го, край мира плоский. Он пытается описать его. Вспоминает о серо-чёрном участке, пропитанном бензиновой вонью. Как только муравей ступал туда, чёрная масса с резиновым запахом стирала его в порошок. Многие муравьёв пытались перейти его и погибли. Край мира плоский — это место мгновенной смерти.

103683-й уже собирался было повернуть назад, когда ему в голову пришла идея прорыть под этим адом туннель. Так он оказался по ту сторону края света, в экзотической стране, где живут знаменитые гигантские животные, хранители края света, о которых говорила королева термитов.

Двенадцать разведчиков заморожены рассказом.

— Кто эти гигантские животные? — спрашивает заинтригованный 14-й.

103683-й колеблется, потом отвечает одним словом.

ПАЛЬЦЫ.

Тут двенадцать солдат, привыкших к охоте на самых страшных хищников, вздрагивают и от изумления разъединяют кольцо передачи.

Пальцы?

Для них это слово — воплощённый ужас.

Все муравьи знают истории, одна страшнее другой, про Пальцы. Пальцы — самые ужасные монстры в подлунном мире. Некоторые говорят, что они передвигаются всегда стадами по пять особей. Другие утверждают, что они убивают муравьёв просто так, без причины, даже не для того, чтобы потом съесть.

В мире леса смерть всегда имеет оправдание. Убиваешь для того, чтобы есть. Убиваешь для того, чтобы защититься. Убиваешь для того, чтобы расширить охотничью территорию. Убиваешь для того, чтобы завладеть гнездом. Но поведение Пальцев бессмысленно. Они уничтожают муравьёв... ни для чего!

В мирмекийском мире у Пальцев репутация слабоумных животных, поступки которых бесконечно отвратительны. Каждый слышал ходившие про них ужасные истории.

Пальцы...

Некоторые утверждают, что Пальцы разрывают и потрошат целые города, переворачивая

квартиры, обитатели которых, обезумев, разбегаются кто куда. Они не щадят даже этажи с яслями, они, о, страшное зрелище, выворачивают их, раскидывая во все стороны передавленный приплод.

Пальцы...

В Бел-о-кане рассказывают, что Пальцы не уважают никого, даже королеву. Они разоряют все. Говорят, что они слепы, и, чтобы отыграться за то, что лишены зрения, убивают всех, кто видит.

Пальцы...

Их описывают как огромные розовые шары без глаз, рта, усиков и лапок. Жирные, розовые, гладкие шары с феноменальной мощностью, убивающие все на своём пути и ничего не употребляющие в пищу.

Пальцы...

Кое-кто утверждает, что они отрывают одну за другой лапки разведчиков, которые подходят к ним слишком близко.

Пальцы...

Никто уже не знает, что тут правда, а что — легенды. В мирмекийских городах им дают тысячи прозвищ: «розовые шары-убийцы», «твёрдая смерть с неба», «мастера зверств», «розовый ужас», «кошмарные пятёрки», «полированные убийцы», «потрошители городов», «чудовища»...

Пальцы...

Есть муравьи, которые думают, что Пальцы в действительности не существуют и что кормилицам просто нравится пугать прытких личинок, которые хотят выйти из гнёзда раньше времени.

Не выходите из дому, большой мир полон Пальцев!

Кто не слышал в детстве этого наказа? И кто не слышал мифов про великих воинов-героев, ходивших охотиться на Пальцы с голыми мандибулами?

Пальцы...

Двенадцать молодых солдат дрожат при одном упоминании о них. Говорят ещё, что Пальцы истребляют не только муравьёв. Они жестоки со всеми живыми существами. Они насаживают земляных червей на изогнутые сосновые иглы, опускают их в воду большой реки и держат там до тех пор, пока благородные рыбы не освободят их!

Пальцы...

Утверждают, что они за несколько секунд валят наземь тысячелетние деревья. Что отрывают задние лапки у лягушек, а потом бросают их, искалеченных, но ещё живых, обратно в болото.

И если бы это было все! Слышали, будто Пальцы пиками распинают бабочек. Убивают на лету комаров. Сбивают птиц маленькими круглыми камешками, превращают ящериц в кашу, сдирают шкуру с белок. Разоряют соты пчёл. Топят улиток в зеленом жире, пахнущем чесноком...

Двенадцать муравьёв смотрят на 103683-го. И этот старый солдат утверждает, что был рядом с ними и вернулся невредимым.

Пальцы...

103683-й настаивает. Они обитают по всему миру. Они все чаще навещают леса. Не замечать их больше невозможно.

5-й реагирует сдержанно. Он бросает усиками:

— Почему тогда мы их не видим?

У старого рыжего муравья есть объяснение:

— Они такие большие и высокие, что становятся от этого невидимыми.

Двенадцать разведчиков замолкают. А может быть, старый солдат не зря болтает...

Значит, Пальцы действительно существуют? Их усики смолкли, не зная, что передавать и воспринимать. Это так невероятно. Пальцы существуют на самом деле и собираются завоевать лес. Они пытаются представить себе край земли и Пальцы, которые его охраняют.

5-й спрашивает старого муравья-разведчика, зачем ему нужно попасть в Бел-о-кан.

103683-й хочет сообщить всем муравьям на планете о том, что Пальцы наступают и теперь все будет не как прежде. Надо поверить ему.

Он испускает самые крупные и убедительные молекулы.

Пальцы существуют.

Он настаивает. Надо предупредить Вселенную. Все муравьи должны знать о том, что наверху, спрятанные где-то под облаками, Пальцы следят за ними и собираются изменить мир. Давайте-ка сомкните снова круг, 103683-й ещё что-то хочет рассказать вам.

Его история пока не закончилась. После своей первой одиссеи он вернулся в родной город Бел-о-кан и отчитался перед новой королевой, которая встревожилась и решила объявить крестовый поход с целью стереть всех Пальцев с лица земли.

Белоканцы быстро собрали трехтысячную армию воинов с переполненными муравьиной кислотой брюшками. Но дорога оказалась настолько трудной, что из отправившихся трех тысяч к краю земли добралось только пятьсот. Да, эту битву не забыть! Все, что ещё оставалось от славной армии, погибло под струями мыльной воды. 103683-й один из немногих, если не единственный, кому удалось спастись.

Он хотел тогда повернуть назад, в родное гнездо, и сообщить всем трагическую весть, но любопытство пересилило. Он решил не возвращаться, а, поборов страх, продолжить путешествие по той стороне света, по стране, где живут гигантские Пальцы.

И он их увидел.

Королева Бел-о-кана ошибалась. Три тысячи солдат не способны разгромить все Пальцы в мире, потому что враг гораздо многочисленнее, чем можно себе вообразить.

103683-й описал их мир. У себя Пальцы уничтожили природу и заменили её предметами, которые делают сами, предметами странными, безукоризненной геометрической формы.

Вещи в стране Пальцев гладкие, холодные, мёртвые.

Тут старый разведчик прерывает рассказ. Он издали чувствует врага. Быстро, не раздумывая, он и остальные двенадцать прячутся. Кто это там ещё?

21. ЛОГИКА ПСИХА

Для удовольствия пациентов врач обставил кабинет, как гостиную. Современным картинам с красными кляксами удавалось не вступать в диссонанс со старинной мебелью красного дерева. В центре комнаты тяжёлая ваза эпохи Минь, тоже красная, с трудом удерживала равновесие на хрупком круглом столике, оправленном в золочёный металл.

Сюда мать привела Жюли после первого приступа анорексии. Специалист сразу заподозрил какую-то сексуальную проблему. Не злоупотреблял ли отец её доверием в детстве? Не позволял ли себе вольностей с ней какой-нибудь друг семьи? Не подвергалась ли она приставаниям со стороны учителя пения в отрочестве?

Последнее предположение поразило мать. Она представила свою маленькую девочку пленницей старика. Так вот откуда все идёт...

— Может быть, вы и правы, потому что у неё есть ещё одна проблема, что-то типа фобии. Она не выносит прикосновений.

Специалист не сомневался, что малышка перенесла сильный психологический шок, и отказывался верить, что причиной могла быть простая потеря голоса.

Психотерапевт и в самом деле был уверен, что большинство его пациенток в детстве пострадали от сексуальных домогательств. Его убеждённость в этом была такова, что, если у болезненного состояния не отыскивалась причина подобного рода, он прикладывал все свои силы и знания к тому, чтобы пациентки придумывали её себе сами. Потом их нетрудно было лечить, они становились его клиентками пожизненно.

Когда мать позвонила врачу, чтобы условиться о приёме, тот спросил, хорошо ли Жюли ест.

— Нет, по-прежнему плохо, — ответила мать. — Она привередничает, отказывается от всего, что хотя бы отдалённо напоминает мясо. Я считаю, что у неё развивается новый этап анорексии, может быть, теперь не так ярко выраженный.

— Вот что, без сомнения, объясняет её аменорею.

— Её аменорею?

— Да. Вы говорили мне, что в девятнадцать лет у вашей дочери ещё ни разу не было менструации. Её развитие ненормально замедленно. От этого скорее всего она так мало ест. Аменорея зачастую сопровождает анорексию. Организм обладает своей собственной мудростью. Он не производит зародышевых клеток, если чувствует, что не сможет впоследствии прокормить зародыш до созревания, не так ли?

— Но что же с ней?

— У Жюли то, что мы на профессиональном языке называем «комплексом Питера Пена». Она не хочет расставаться с детством. Она отказывается становиться взрослой. Она надеется на то, что, не получая пищи, её организм не будет расти и она навсегда останется маленькой девочкой.

— Понятно, — вздохнула мать. — По этим же причинам, конечно же, она не хочет сдавать выпускной экзамен.

— Естественно. Степень бакалавра означает переход ко взрослой жизни. А она не хочет становиться взрослой. И поэтому Жюли брыкается, как норовистая лошадка, которая не желает брать барьер.

По интерфону секретарь сообщила о приходе Жюли. Психотерапевт попросил впустить её.

Жюли пришла вместе с собакой Ахиллом. Раз уж все равно идти к этому врачу, то пусть животное заодно погуляет.

— Как у нас дела, Жюли? — спросил психотерапевт.

Жюли посмотрела на все время потеющего упитанного человека с жидкими волосами, стянутыми на затылке в хвост.

— Жюли, я хочу тебе помочь, — решительно начал он. — Я знаю, что в глубине души тебя мучает смерть отца. Но девушки стыдливы, и ты не решаешься показать свою боль. Тем не менее тебе необходимо высвободить её, чтобы от неё избавиться. Иначе она застоится в тебе, как горькая жёлчь, и принесёт все больше и больше страданий. Ты меня понимаешь, не так ли?

Молчание. Никаких эмоций на застывшем лице. Психотерапевт встал с кресла и опустил руки ей на плечи.

— Я здесь, чтобы помочь тебе, Жюли, — повторил он. — Мне кажется, что ты боишься. Ты маленькая девочка, которой страшно оттого, что она оказалась в темноте и одиночестве. Тебя надо успокоить. А это моя работа. Моя цель — придать тебе уверенности в себе, устранить твои страхи и помочь выразить все, что есть в тебе лучшего, не так ли?

Жюли незаметно знаком показала Ахиллу, что в дорогой китайской вазе спрятана кость. Собака посмотрела на Жюли из-под полуприкрытых век, почти поняла, но не решилась тронуть незнакомый предмет.

— Жюли, мы здесь с тобой для того, чтобы раскрыть тайны твоего прошлого. Мы рассмотрим одно за другим события твоей жизни, даже те, которые ты, казалось бы, уже забыла. Я послушаю тебя, и мы вместе подумаем, как вскрыть нарывы и прижечь раны, не так ли?

Жюли продолжала исподтишка подстрекать собаку. Ахилл смотрел на Жюли, смотрел на вазу и изо всех сил пытался сообразить, что за связь существует между ними. Его собачий мозг был в полном расстройстве, ибо он понимал, что девушка требует, чтобы он сделал что-то очень важное.

Ахилл — ваза. Ваза — Ахилл. Какое отношение он к ней имеет? Ахилл в своей собачьей жизни часто раздражался из-за того, что не видел связи между предметами или событиями человеческой жизни. Он долго искал, например смысл отношений между почтальоном и почтовым ящиком. Почему этот человек заполнял ящик кусочками бумаги? Наконец Ахилл пришёл к выводу, что дурачок принимал ящик за животное, питающееся бумагой. Остальные люди не мешали ему, очевидно, из сострадания.

Но Жюли-то чего сейчас хочет? Ирландский сеттер твякнул, выражая свои сомнения. Может быть, она этим удовлетворится?

Психотерапевт пристально посмотрел на девушку со светло-серыми глазами.

— Жюли, я наметил две основные цели нашей совместной работы. Сначала я придам тебе уверенности в себе самой. А затем моей задачей будет обучить тебя смирению. Доверие — акселератор развития личности, смирение — тормоз. Как только ты начнёшь контролировать и акселератор, и тормоз, ты возьмёшь в свои руки судьбу и начнёшь жить полной жизнью. Ты меня понимаешь, Жюли, не так ли?

Жюли наконец посмотрела врачу в глаза и бросила:

— Мне наплевать и на ваш акселератор, и на ваши тормоза. Психоанализ придумали только для того, чтобы помочь детям не повторять ошибок родителей, вот и все. Он даёт результат вообще-то в одном случае из ста. Прекратите разговаривать со мной, как с необразованной маленькой девчонкой. Я, как и вы, тоже читала «Введение в психоанализ» Зигмунда Фрейда, и ваши психоглупости мне известны. Я не больна. Если я и страдаю, то не от недостатка, а от избытка. Я просто слишком хорошо усвоила то, что наш мир устарел, окостенел, прогнил. Даже ваша так называемая психотерапия — всего лишь вечное пережевывание прошлого. Я не люблю оглядываться, я даже за рулём редко смотрю в зеркальце заднего вида.

Врач удивился. До сих пор Жюли была сдержанной и молчаливой. И никто из его пациентов не позволял себе выражать недоверие к нему так открыто.

— Я не призываю смотреть в прошлое, я призываю хорошенько взглядеться в себя, не так ли?

— Я и в себя не хочу вглядываться. Когда ведёшь машину, на себя не смотришь, лучше смотреть вперёд и, насколько возможно, вдаль, если не хочешь, конечно, попасть в аварию. Ведь что на самом деле вас раздражает — то, что я слишком хорошо... соображаю. И вы предпочитаете считать ненормальной меня. А мне вот кажется больным вы с этой вашей манией завершать каждую фразу словами «не так ли?».

Жюли невозмутимо продолжала говорить.

— А обстановка в вашем кабинете! Вы её обдумывали? Весь этот красный цвет, картины, мебель, красные вазы? Вам кровь, что ли, нравится? И этот конский хвост! Чтобы подчеркнуть вашу склонность к женственности, не так ли?

Специалист отступил. Его веки, словно щитки, заходили вверх-вниз. Никогда не вступать в конфликт с пациентом было основным законом его профессии. Отступить, и быстро. Эта девушка хотела вывести его из себя, используя его собственное оружие. Она, действительно, должно быть, прочла несколько книг по психологии. Этот красный цвет... ведь правда, он наводил его на определённую мысль. И конский хвост...

Он хотел заговорить, но строптивая пациентка не дала ему передышки.

— Кстати, выбор профессии психотерапевта — само по себе симптом. Эдмонд Уэллс писал: «Обрати внимание на то, какую специализацию выбрал врач, и ты поймёшь, в чем его проблема. Глазники в основном носят очки, кожные часто страдают от угрей или псориаза, у эндокринологов нередко гормональные отклонения, а „психи“»...

— Кто такой Эдмонд Уэллс? — прервал её врач, уцепившись за возможность переменить тему.

— Друг, желающий мне добра, — сухо ответила Жюли.

«Психу» хватило мгновения для того, чтобы снова обрести внешнюю уверенность в себе. Прочно усвоенные профессиональные рефлексы всегда были у него наготове в нужный момент. В конце концов, девушка была всего лишь пациенткой, а специалистом был он.

— Так, так, Эдмонд Уэллс... Есть связь между ним и Гербертом Уэллсом, автором «Человека-невидимки»?

— Ничего общего. Мой Уэллс гораздо сильнее. Он написал «живую, говорящую» книгу.

«Псих» понял, как выйти из тупика. Он подошёл к Жюли.

— Ну и о чем же эта «живая, говорящая» книга господина Эдмонда Уэллса?

Он подошёл так близко к Жюли, что дышал ей прямо в лицо. Она не выносила чужого дыхания, чьё бы оно ни было. Жюли отвернулась. Дыхание было частым, с запахом какого-то ментолового полоскания.

— Так я и думал. В вашей жизни есть кто-то, кто манипулирует вами и развращает вас. Кто такой Эдмонд Уэллс? Ты можешь мне показать его «живую, говорящую» книгу?

Психотерапевт путался между «вы» и «ты», но понемногу овладевал ходом беседы. Жюли заметила это и решила не продолжать перепалку.

Врач вытер лоб. Чем больше маленькая пациентка противилась ему, тем красивее казалась. Удивительная девушка с манерами двенадцатилетней девчонки, самоуверенностью тридцатилетней женщины и каким-то странным книжным образованием, добавлявшим ей прелести. Его глаза пожирали Жюли. Он любил сопротивление. Все в ней его восхищало: запах, глаза, грудь. Ему хотелось прикоснуться к ней, ласкать её.

Жюли, ловкая, как форель, скользнула со стула и уже стояла у двери. Послала ему вызывающую улыбку, накинула лямку рюкзака, предварительно проверив рукой, что «Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том III, на месте.

И вышла, хлопнув дверью.

Ахилл последовал за ней.

На улице Жюли пнула его ногой. Будет знать, что если ему приказывают разбить вазу эпохи Минь, то это надо тотчас выполнить.

СТРАТЕГИЯ НЕПРЕДСКАЗУЕМОСТИ: наблюдательный логичный ум способен предусмотреть любую человеческую стратегию. Но есть тем не менее способ остаться непредсказуемым: достаточно принимать решения исходя из случайностей. Например, выбирать направление следующей атаки, бросая игральные кости.

Некоторый хаос в глобальной стратегии определяет не только эффект неожиданности, но и даёт возможность сохранить в тайне логику, которой подчиняются важные решения. Никто не может предвидеть, как упадут кости.

Естественно, во время войны немногие генералы осмеливаются предоставить случаю выбор манёвра. Они думают, что на это хватит их разума. А игральные кости, однако, несомненно, лучший способ встревожить противника, который почувствует себя сражённым ходом ума, который он не в состоянии объяснить. Смущённый и сбитый с толку, он будет действовать с опаской и станет совершенно непредсказуемым.

Эдмонд Уэллс. «Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том III.

23. ТРИ ЭКЗОТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ

Высунув усики из своего убежища, 103683-й и его двенадцать спутников уловили чужаков. Это муравьи-карлики из города Ши-га-пу. Муравьи маленького роста, но очень злобные и крайне воинственные.

Они приближаются. Они почувствовали запах бел-о-канской группы и жаждут столкновения. Но что они здесь делают, так далеко от своего гнёзда?

103683-й думает, что они оказались здесь по той же причине, что и его новые друзья — из любопытства. Карлики тоже хотят исследовать восточные границы вселенной. Он даёт им пройти.

Собеседники снова усаживаются в кружок под корнем бука, касаясь друг друга лишь кончиками усиков. 103683-й продолжает свой рассказ.

Итак, он оказался совершенно один посреди страны Пальцев. Открытия следовали одно за другим. Сначала он встретил тараканов, которые утверждали, что настолько укротили Пальцы, что те им каждый день выставляют огромное количество приношений в колоссальных зелёных чашах.

Затем 103683-й посетил гнёзда Пальцев. Они, конечно, были гигантскими, отличались и другими особенностями. Они имели форму параллелепипедов и были совершенно твёрдыми. Прогрызть их было невозможно. В каждом гнезде Пальцев имелись горячая вода, холодная вода, воздух и мёртвая еда.

Но это ещё не самое удивительное. К счастью, 103683-й наткнулся на Пальца, не испытывавшего никакой неприязни к муравьям. Невероятного Пальца, желавшего наладить связь между двумя видами.

Этот Палец смастерил машину, позволяющую преобразовывать муравьиный язык запахов в язык Пальцев. Он сам её довёл до совершенства и умел ею пользоваться.

14-й убирает свои усики из круга.

Хватит. Наслушались. Этот муравей утверждает, что «разговаривал» с Пальцем! Все двенадцать согласны, что 103683-й безумен.

103683-й просит относиться к нему непредвзято.

5-й напоминает, что Пальцы выворачивают наизнанку города. Вступать в диалог с Пальцем — значит сотрудничать с худшим врагом муравьёв, самым — в том нет никакого сомнения — чудовищным.

Остальные кивают усиками в знак согласия.

103683-й немедленно возражает. Надо всегда стараться узнать получше врага, хотя бы для того, чтобы было легче его победить. Первый антипальцевый крестовый поход обернулся катастрофой потому, что муравьи, ничего не зная о Пальцах, воображали себе что-то несусветное.

Двенадцать муравьёв колеблются. Рассказ старого муравья-одиночки кажется им настолько невероятным, что им совершенно не хочется слушать его продолжение. Но любопытство — генетическое свойство муравьёв. Кружок смыкается снова.

103683-й вспоминает свой разговор с «Пальцем, который умел говорить». Благодаря его объяснениям он сможет научить молодых очень многому! То, что видят муравьи, всего лишь кончики лап Пальцев. Пальцы гораздо больше, чем муравей способен себе представить. Они в тысячи раз крупнее муравьёв. Их рот и глаза находятся так высоко, что их невозможно увидеть.

Но тем не менее у них есть и рот, и глаза, и лапы. У них нет усиков, потому что они им не нужны. Слух даёт им возможность общения, а зрение — восприятия мира.

Но это ещё не все их свойства. Есть кое-что совершенно удивительное: Пальцы держатся вертикально на задних лапах, сохраняя равновесие. Всего на двух лапах! У них тёплая кровь, они живут общинами в городах.

Сколько их?

Много миллионов.

5-й не верит своим усикам. Миллионы гигантов должны занимать слишком много места, их должно быть видно издалека, как это мы раньше не подозревали об их существовании?

103683-й объясняет, что земля много обширнее, чем думают муравьи, и что большинство Пальцев живёт далеко от них.

Пальцы совсем молодой вид животных. Муравьи населяют землю сотни миллионов лет, а Пальцы — всего три миллиона. Они долго оставались недоразвитыми. Совсем недавно, несколько тысяч лет тому назад самое большее, они научились скотоводству и земледелию, стали строить города.

В то же время, будучи относительно отсталым видом, Пальцы обладают огромным преимуществом перед всеми остальными обитателями планеты: концы их лап, которые они называют руками, представляют собой пять сочленённых пальцев, способных щипать, хватать, резать, сжимать, давить. Эти преимущества искупают недостатки их телосложения. Так как у них нет надёжного панциря, они мастерят одежду из фрагментов переплетённых между собой растительных волокон. Поскольку они лишены заострённых мандибул, то используют ножи из металлов, которые обтачивают и полируют так, чтобы ими можно было резать. За неимением развивающих большую скорость лап, они передвигаются в автомобилях, то есть подвижных гнёздах, перемещающихся в пространстве благодаря энергии, возникающей в результате реакции огня и углеводорода. Так, благодаря рукам, Пальцы сумели догнать более развитые виды.

Двенадцать молодых муравьёв не верят рассказу старика.

— *При помощи своей «машины для перевода» Пальцы ему наплели невесть чего,* — излучает 13-й.

6-й считает, что из-за почтённого возраста 103683-й повредился в уме. Он бредит, Пальцев в действительности не существует, их выдумали кормилицы, чтобы пугать малышей.

Тогда 103683-й показывает отметину на своём лбу и просит лизнуть её. Эту особую отметину ему сделали Пальцы для того, чтобы узнать его среди всех муравьёв на земле. 6-й соглашается на эксперимент, лижет и нюхает клеймо. Это не птичий помёт, не остатки пищи — такое вещество ему встречается впервые.

— Естественно, — торжествует 103683-й. — Эта твёрдая и клейкая субстанция — всего лишь одна из многих, таких же загадочных, что умеют готовить Пальцы.

Они называют эту смесь «лаком для ногтей», она одна из самых редких. Эту мазь наносят на существа, которых считают очень важными.

103683-й просит рассматривать это вещественное доказательство его познаний о Пальцах как ещё одно свидетельство его правоты. Чтобы правильно понять то, что с ним произошло, настаивает он, нужно верить ему на слово.

Собрание снова готово его слушать.

Поведение Пальцев нелепо и неприемлемо для нормального муравья. Но среди прочих странных обычаев 103683-й особенно заинтересовался тремя, и они кажутся ему достойными углублённого изучения.

Юмор,

Искусство,

Любовь, — говорит он.

Юмор, объясняет он, — это болезненная потребность, которую испытывают некоторые

Пальцы, рассказывать истории, провоцирующие у слушателей нервные спазмы и помогающие им лучше переносить жизненные тяготы. 103683-й не совсем понимает, в чем тут смысл. Даже когда его Палец-собеседник рассказывал ему «анекдоты», они не произвели на 103683-го никакого действия.

Искусство — это другая, настолько же сильная потребность Пальцев изготавливать вещи, которые они находят красивыми и которые, однако, никак нельзя использовать. Ни для еды, ни для защиты, ни для удовлетворения какой-то другой нужды. При помощи рук Пальцы делают предметы различной формы, смешивают краски или производят звуки, издаваемые подряд, один за другим, и кажущиеся им чрезвычайно мелодичными. Это тоже провоцирует у них спазмы и позволяет лучше переносить жизненные тяготы.

— А любовь? — спрашивает очень заинтересованный 10-й.

А любовь ещё непонятнее.

Любовь — это когда Палец-самец совершает множество странных поступков для того, чтобы Палец-самка согласилась на трофоллакис. Потому что у Пальцев трофоллакис не обязателен. И некоторые от него отказываются!

Отказаться от трофоллакиса... муравьи удивляются все больше и больше. Как можно отказаться поцеловать кого-нибудь? Как можно отказаться срыгнуть пищу кому-нибудь в рот?

Кружок слушателей сжимается ещё теснее для того, чтобы попытаться понять.

По утверждениям 103683-го, любовь производит у Пальцев спазмы и помогает легче переносить жизненные тяготы.

— *Это свадебный парад,* — предполагает 16-й.

— *Нет, это другое,* — отвечает 103683-й, но больше ничего не может сказать, так как и здесь у него нет уверенности, что он все правильно понял. Любовь ему кажется экзотическим чувством, которое неизвестна насекомым.

Маленький отряд пребывает в нерешительности. 10-й хотел бы узнать Пальцы получше. Ему любопытно, что это такие за любовь, юмор и искусство.

— *Мы можем сами заняться и любовью, и юмором, и искусством,* — отвечает 15-й.

16-й хочет обозначить расположение их государства, это необходимо для химических атласов.

13-й говорит о том, что пора известить Вселенную, собрать в одну несметную армию всех муравьёв и остальных животных и вместе уничтожить эти чудовищные Пальцы.

103683-й качает головой. Убить их всех — задача непосильная. Легче было бы их... приручить.

— *Приручить?* — восклицают его удивлённые собеседники.

Да! Муравьи приручили уже огромное количество животных: тля, кошенили... Почему не Пальцы? В конце концов, тараканов-то они уже кормят. То, что удалось тараканам, могли бы повторить насекомые более высокого уровня развития.

103683-й, который имел дело с Пальцами, не считает их всего лишь безумными монстрами и сеятелями смерти. Надо завязать с ними дипломатические отношения и наладить сотрудничество, чтобы Пальцы смогли воспользоваться знаниями муравьёв, а муравьи, соответственно знаниями Пальцев.

103683-й вернулся для того, чтобы внушить эту мысль всем представителям своего вида. Он просит двенадцать разведчиков помочь ему. Идея, конечно, не так уж легка для восприятия сообществом муравьёв, но она того стоит.

Группа изумлена. Пребывание среди странных существ пошатнуло разум 103683-го. Сотрудничество с Пальцами! Их приручение, как простого стада тли!

Все равно что объединиться с самыми свирепыми обитателями леса, с самыми крупными

ящерицами, например. У муравьёв, кстати, не в обычае кооперироваться с кем бы то ни было. Они между собой-то не могут договориться. Мир состоит из сплошных конфликтов. Войны между кастами, войны между городами, войны между регионами, братоубийственные войны...

А этот старый разведчик, у которого грязь на лбу и панцирь весь в отметилах от полученных за долгую жизнь ударов, предлагает союз с... Пальцами! С существами, настолько огромными, что у них ни рта, ни глаз нельзя увидеть!

Какая нелепая идея.

Но 103683-й стоит на своём. Он повторяет снова и снова, что там, наверху, Пальцы, ну, во всяком случае, некоторые из них, преследуют ту же цель: сотрудничество между муравьями и Пальцами. Он убеждён в том, что не нужно презирать этих животных только за то, что они не похожи на муравьёв и недостаточно изучены.

— *Нам нужен тот, кто больше нас,* — утверждает 103683-й.

Ведь Пальцы умеют очень быстро валить деревья и разрезать их на части. Они могут стать очень выгодными военными союзниками. Если объединиться с ними, то достаточно будет указать им определённый город, и они его немедленно разрушат.

Так как война — основное занятие муравьёв, аргумент производит впечатление. Старый рыжий муравей замечает это и продолжает наступать:

— *Вы только представьте себе, какой, силой мы будем располагать, если выставим на поле битвы легион из ста приручённых Пальцев!* Сгрудившийся под корнем бука отряд чувствует, что переживает поворотный момент в истории муравьёв. Если старому солдату удастся убедить их, то, может быть, однажды он сможет убедить и целый муравейник. И тогда...

24. СКАЗОЧНЫЙ БАЛ В ЗАМКЕ

Пальцы переплелись. Танцоры решительно увлекли дам за собой.

Бал в замке Фонтенбло.

В честь объявления побратимами французского города Фонтенбло и японского города Акиное был организован праздник в историческом дворце. Обмен знамёнами, обмен медалями, обмен подарками. Народные танцы. Местный хор. Плакат: «Фонтенбло — Акиное: города-побратимы», который отныне будет украшать въезд в каждый из городов.

Наконец дегустация японского саке и французской сливовой водки.

Машины с национальными флагами обоих государств ещё подъезжали к центральному входу, из них выходили припозднившиеся пары в бальных нарядах.

Жюли и её мать, одетые в чёрное по случаю траура, вошли в бальный зал. Девушка со светло-серыми глазами совсем не привыкла к такой демонстративной роскоши.

В центре ярко освещённого зала струнный оркестр играл вальс Штрауса, пары порхали, перемешивая чёрные смокинги мужчин и белые вечерние платья женщин.

Официанты в ливреях носили серебряные подносы, уставленные рядами разноцветных пирожных в бумажных корзиночках.

Музыканты ускорили темп: закружился финальный вихрь «Голубого Дуная». Пары превратились в черно-белые волчки, источающие душный аромат.

Мэр ждал перерыва, чтобы произнести речь. Сияя, он поведал о том, как он рад, что его дорогой город Фонтенбло и такой дружелюбный город, как Акиное, стали побратимами. Он восторгался нерушимой японо-французской дружбой и надеялся, что она продлится вечно. Он перечислил основных присутствующих лиц: крупный промышленник, видные учёные, высокие чиновники, военные чины, знаменитые артисты. Все очень громко хлопали.

Мэр японского города ограничился небольшим спичем о взаимопонимании между культурами, какими бы разными они ни были.

— Нам ведь выдало одинаковое счастье, вам — здесь, нам — там, жить в маленьких мирных городах, природа которых со сменой времён года становится только прекраснее, дополняя собой людские таланты, — заявил он.

При этих впечатляющих словах и новых аплодисментах вальс возобновился. Для разнообразия танцоры договорились на этот раз кружиться против часовой стрелки.

В таком гамае трудно услышать друг друга. Жюли и её мать присели за столик в углу, куда префект пришёл с ними поздороваться. Его сопровождал молодой человек, весьма высокий, светловолосый и с огромными, в пол-лица, голубыми глазами.

— Это дивизионный комиссар Максимильен Линар, о котором я вам уже говорил, — представил префект. — Он занимается расследованием смерти вашего мужа. Можете полностью ему доверять. Этот полицейский не знает себе равных. Он преподаёт в школе полиции Фонтенбло. Он сумеет быстро определить причины гибели Гастона.

Молодой человек протянул руку. Ладони обменялись потом.

— Очень приятно.

— Очень приятно.

— Мне тоже.

Так как добавить было нечего, мужчины отошли. Жюли и её мать издали наблюдали за праздником, который шёл полным ходом.

— Вы танцуете, мадемуазель?

Молодой очень чопорный японец склонился перед Жюли.

— Нет, спасибо, — ответила она.

Удивлённый таким приёмом японец стоял в нерешительности, не зная, что предписывала делать французская вежливость кавалеру, получившему отказ во время официальной церемонии. Мать пришла ему на помощь:

— Извините мою дочь. Мы в трауре. Во Франции чёрный цвет — цвет траура.

Испытывая одновременно и облегчение оттого, что дело было не в нем лично, и смущение из-за допущенного промаха, молодой человек согнулся до земли перед столом.

— Прошу меня простить за то, что потревожил вас. У нас все наоборот, цвет траура — белый.

Префект, решив придать вечеру пикантности, рассказал маленькой группке окружавших его гостей анекдот:

— Эскимос делает во льду прорубь. Бросает в неё леску с крючком и наживкой. Сидит, ждёт, как вдруг раздаётся такой громкий голос, что земля начинает дрожать: «ЗДЕСЬ НЕТ РЫБЫ!». Испуганный эскимос отходит подальше и делает новую прорубь. Закидывает крючок и ждёт. Страшный голос гремит снова: «ЗДЕСЬ ТОЖЕ НЕТ РЫБЫ!». Эскимос отходит ещё дальше и делает третью прорубь. Голос опять звучит: «ДА ГОВОРЮ Я ВАМ, НЕТ ЗДЕСЬ РЫБЫ!» Эскимос осматривается вокруг, никого не видит, окончательно теряется и поднимает глаза к небу: «Кто со мной говорит? Бог?» Мощный голос раскатывается громом: «НЕТ. ЭТО ДИРЕКТОР КАТКА...»

Нестройный смех. Благодарности. Вторая волна смеха со стороны тех, кто понял с опозданием.

Посол Японии тоже хочет рассказать смешную историю.

— Один человек часто садится к столу, открывает ящик, достаёт зеркало и долго его разглядывает, думая, что перед ним портрет его отца. Его жена замечает, что он часто смотрит на какую-то картинку и начинает беспокоиться, считая, что это, возможно, фотография его любовницы. Однажды, воспользовавшись отсутствием мужа, она хочет разрешить свои сомнения. И находит спрятанное её мужем странное изображение. Как только он возвращается, она спрашивает его ревниво: «Что это за старая злобная женщина у тебя в ящике на портрете?»

Новые взрывы вежливого смеха. Снова вторая волна смеха — тех, кто понял с опозданием. Третья волна смеха — это те, кому объяснили смысл истории.

Префект Дюпейрон и японский посол, в восторге от своего успеха, рассказали ещё несколько анекдотов. Они заметили, что не так-то легко найти такие, которые были бы одинаково смешны для обеих наций, поскольку в шутках много намёков на особенности культуры каждой страны, понятные только её представителям.

— Как вы думаете, существует ли универсальный юмор, способный вызвать смех у всех? — спросил префект.

Все успокоились только тогда, когда метрдотель позвонил в колокольчик, подавая знак садиться за стол ужинать. Перед каждой тарелкой официантки положили маленькую круглую булочку.

РЕЦЕПТ ХЛЕБА: для тех, кто его забыл.

Ингредиенты:

600 г муки;

1 пакетик сухих дрожжей;

1 стакан воды;

2 кофейные ложки сахара;

1 кофейная ложка соли;

немного сливочного масла.

Положите дрожжи и сахар в воду и дайте настояться полчаса. На поверхности образуется густая сероватая пена. Положите муку в миску, добавьте соль, посередине сделайте отверстие, в которое, помешивая, выливайте жидкость. Накройте миску полотенцем и дайте постоять четверть часа в теплом месте, без сквозняков. Идеальная температура — 27 градусов, если это невозможно, температура может быть более низкой. Жара дрожжи убьёт. Когда тесто поднимется, промесите его обеими руками. Потом опять дайте ему подняться в течение тридцати минут. Затем запекайте в печи или на древесных углях.

Если у вас нет ни печи, ни углей, запекайте на сильно разогретом солнцем камне.

Эдмонд Уэллс. «Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том III.

26. УГРОЗА

103683-й требует ещё немного внимания от своих собеседников. Он не все сказал. Он хочет быстро попасть в родной город ещё и потому, что над Бел-о-ка-ном нависла ужасная опасность.

Пальцы, с которыми он встречался, очень умелые. Они могут подолгу трудиться, чтобы смастерить то, что им нужно. А так как они непременно хотели, чтобы 103683-й охватил их мир в целом, они нарочно поработали, чтобы сделать для него маленький телевизор.

— *А что такое телевизор?* — спрашивает 16-й. Старому муравью трудно объяснить. Он двигает

усиками, рисуя квадрат. Телевизор — это ящик с одним усиком, который воспринимает не запахи, а образы, кишащие в мире Пальцев.

— *Значит, у Пальцев все-таки есть усики?* — Удивляется 10-й.

Да, но особые, они не могут переговариваться. Они только воспринимают образы и звуки.

103683-й объясняет, что в этих образах показывается все, что происходит в мире Пальцев. Они представляют события и дают информацию, необходимую для того, чтобы понять их. 103683-й хорошо знает, что это нелегко объяснить. Здесь опять они должны поверить ему на слово. Благодаря телевизору, даже не двигаясь с места, старый рыжий муравей увидел и узнал все о мире Пальцев.

И вот однажды он увидел по телевизору, по местному каналу, белый плакат, установленный буквально в нескольких сотнях шагов от большого муравейника Бел-о-кана.

Двенадцать солдат поднимают усики от удивления.

— *А что такое плакат?*

103683-й объясняет: когда Пальцы помещают где-нибудь белый плакат, это значит, что они собираются здесь рубить деревья, разорять города и сметать все с лица земли. В основном, белые плакаты объявляют о строительстве их кубических гнёзд. Они ставят плакат, и все окрестности быстро превращаются в плоскую твёрдую пустыню без травы, на которой вскоре вырастает гнездо Пальцев.

Что вскоре и произойдёт. Любой ценой надо предупредить Бел-о-кан, пока разрушительные, смертельные работы не начались.

Двенадцать разведчиков размышляют.

У муравьёв нет вождей, нет иерархии, стало быть, нет ни отданных, ни полученных приказов, ни долга повиновения. Каждый делает то, что хочет, и тогда, когда хочет. Двенадцать муравьёв даже не сговариваются. Старый разведчик объявил им о том, что родной город в опасности. Тут рассусоливать некогда. Они отказываются от экспедиции на край света и решают быстро вернуться в Бел-о-кан, чтобы предупредить братьев об опасности, которую представляет собой ужасающий плакат Пальцев.

Вперёд, на юго-запад.

Между тем ночь уже наступила, и было слишком поздно пускаться в путь. Пришёл час ночной мини-спячки. Муравьи устраиваются под корнем дерева, подбирают лапки и усики, прижимаются друг к другу, чтобы ещё некоторое время чувствовать общее тепло. Но вот почти одновременно усики медленно опускаются. Муравьи засыпают и видят во сне странный мир Пальцев, гигантов, чьи головы теряются из виду где-то высоко, у верхушек деревьев.

27. О ТАИНСТВЕННОЙ ПИРАМИДЕ НАЧИНАЮТ ГОВОРИТЬ

Многочисленные официанты разносили подносы со съестными припасами. Распорядитель вечера наблюдал их танец издалека и с высоты, как дирижёр, отдавал приказы незаметными яростными жестами руки.

Каждый из подносов был настоящим произведением искусства.

Молочные поросята, с застывшими улыбками и красивыми красными помидорами во ртах, распростёрлись среди гор кислой капусты. Пузатые каплуны лежали с таким видом, как будто каштановое пюре, которым они были начинены, нисколько их не смущало. Телята, запечённые целиком, предлагали свои филейные части. Омары держались клешнями, ведя весёлый хоровод среди овощного салата, политого сияющим майонезом.

Префект Дюпейрон решил произнести тост. Он торжественно достал свой неизменный «побратимый листок», уже изрядно обтрёпанный и пожелтевший, поскольку был не раз использован во время обедов с иностранными послами, и произнёс:

— Я поднимаю свой бокал за дружбу между народами и понимание между людьми доброй воли всех стран. Вы интересны нам, а мы, я надеюсь, интересны вам. Каковы бы ни были наши обычаи, традиции, технологии, я думаю, что, чем сильнее мы отличаемся друг от друга, тем больше возможность взаимного обогащения...

Наконец потерявшим терпение гостям было разрешено сесть и заняться своими тарелками.

Ужин стал ещё одним предлогом для обмена шутками и анекдотами. Мэр Акиное рассказал об одном своём необыкновенном земляке. Это был отшельник, родившийся без рук, он зарабатывал на жизнь, рисуя ногами. Его прозвали Маэстро Пальцев Ног. Он умел не только рисовать, но с таким совершенством владел пальцами ног, что с их помощью стрелял из лука и чистил себе зубы.

История взволновала присутствующих, которые захотели узнать, был ли отшельник женат. Мэр Акиное заявил, что нет, но зато Маэстро Пальцев Ног имел массу любовниц, и женщины по необъяснимым причинам были от него без ума.

Не желая отставать, префект Дюпейрон сказал, что в городе Фонтенбло тоже было немало необычных граждан. Но самым экстравагантным среди всех был один сумасшедший деятель науки, по имени Эдмонд Уэллс. Этот псевдоучёный совершенно серьёзно пытался убедить своих сограждан в том, что муравьи представляют собой цивилизацию, параллельную нашей, и что в интересах людей контактировать с ними на равных!

Жюли сначала не поверила своим ушам, но префект совершенно отчётливо произнёс имя Эдмонда Уэллса. Она подалась вперёд, чтобы лучше слышать. Другие гости тоже пододвинулись, желая послушать историю про учёного, свихнувшегося на муравьях. Довольный вниманием аудитории, префект продолжал:

— Этот профессор Уэллс был настолько убеждён в обоснованности своей мании, что обратился к президенту республики с предложением создать... создать... никогда не догадаетесь что!

Медленно, с целью произвести эффект, префект произнёс:

— ...Муравьиное посольство. Чтобы среди нас был посол-муравей!

Молчание было долгим. Каждый пытался понять, как можно даже рассматривать такого рода нелепости...

— Но как ему пришла в голову эта странная мысль? — спросила супруга японского посла.

Дюпейрон объяснил:

— Этот профессор Эдмонд Уэллс утверждал, что смастерил машину, способную переводить муравьиный язык на человеческий и наоборот. Он думал таким образом наладить диалог между человеческой и мирмекийской цивилизациями.

— Что значит «мирмекийская»?

— Это «муравей» по-гречески.

— И это правда, что можно разговаривать с муравьями? — спросила другая дама.

Префект пожал плечами.

— Сами подумайте! По моему мнению, этот учёный слишком усердствовал с отличной местной водкой.

И он сделал официантам знак снова наполнить бокалы.

За столом сидел директор исследовательского центра, мечтавший получить от города заказы и субсидии. Он решил воспользоваться ситуацией и привлечь к себе внимание членов муниципалитета. Почти встав с места, директор вклинился в разговор:

— Я слышал, что уже удалось синтезировать кое-какие феромоны. Вроде бы мы можем перевести на их язык два выражения: «Тревога» и «Идите за мной», в каком-то смысле это базовые сигналы. Достаточно лишь воспроизвести молекулу. Это умеют делать с 1991 года. Легко представить, что группа учёных может развить эту технику и добавить другие слова, а то и целые фразы.

Серьёзный тон замечания вызвал замешательство.

— Вы уверены в этом? — резко спросил префект.

— Я читал об этом в одном очень солидном научном журнале.

Жюли тоже об этом читала, но не могла же она сослаться на «*Энциклопедию относительного и абсолютного знания*».

Инженер продолжал:

— Чтобы воспроизвести молекулы муравьиного пахучего языка, достаточно двух машин: спектрометра и хроматографа. Это простой анализ-синтез молекул. Можно сказать, фотокопия запаха. Феромоны муравьиного языка — всего лишь запахи. Это под силу подмастерью парфюмера. Затем на компьютере надо обозначить каждую пахучую молекулу произносимым словом и наоборот.

— Я слышал о расшифровке пчелиного языка танца, но о муравьином — никогда, — сказал один из гостей.

— Пчёлами больше интересуются потому, что они могут принести экономическую выгоду, они дают мёд, а муравьи не производят ничего полезного для человека, поэтому, может быть, никто и не занимался изучением их языка, — добавил инженер.

— И ещё потому, может быть, что изучение муравьёв не финансируется конторами... производящими инсектициды, — заметила Жюли.

Наступила неловкая тишина, которую префект поспешил прервать. В конце концов, гости пришли в замок не на урок по энтомологии. Они пришли посмеяться, потанцевать и вкусно поесть. Отвлекая внимание, префект вернулся к комической стороне предложения Эдмонда Уэллса.

— А все-таки представляете себе ситуацию: в Париже создают посольство муравьёв! Я так и вижу: маленький муравей во фраке, с бабочкой, бегаёт среди приглашённых на официальный приём. «Как мне о вас доложить?» — спросит служащий. «Посол мира муравьёв», — ответит крошечное насекомое, протягивая свою крохотную визитную карточку! «Ой, извините меня, — скажет жена посла, предположим, Гватемалы, — мне кажется, я на вас только что наступила». — «Я знаю, — ответит муравей, — но я как раз *новый* посол мира муравьёв, с начала ужина уже троих раздавили».

Шутливая импровизация развеселила всех. Префект был доволен. На него опять были устремлены все взгляды.

— Ну.. допустим даже, что с ними можно говорить, зачем посольство-то создавать? — спросила жена японского посла, когда смех стих.

Префект попросил всех придвинуться поближе, будто хотел открыть какой-то секрет.

— Вы не поверите. Этот тип, профессор Эдмонд Уэллс, считал, что муравьи представляют собой планетарную экономическую и политическую организацию, менее мощную, чем мы, но не менее значительную.

Префект наслаждался произведённым впечатлением. Как будто сообщаемая информация была настолько важна, что надо было дать аудитории время переварить её.

— В прошлом году группа этих «муравьиных безумцев», последователей профессора, обращалась к министру науки и перспективных исследований и даже к президенту республики с просьбой открыть посольство муравьёв среди людей. Ой, подождите, президент же нам копию прислал. Антуан, найдите-ка её.

Секретарь префекта отошёл, порывшись в портфеле, вернувшись, протянул листок бумаги.

— Послушайте, я вам прочту, — провозгласил префект.

Он дождался тишины и стал декламировать:

— «Уже пять тысяч лет мы живём старыми идеями: демократия была придумана древними греками, нашей математике, философии, логике по меньшей мере три тысячи лет. Ничего нового под луной. Ничего нового потому, что все тот же человеческий мозг Работает так же, как прежде. Кроме того, этот мозг используется не полностью, его деятельность тормозится власть предержащими, не желающими потерять свои места и мешающими появлению новых концепций и новых идей. Вот почему происходят все те же конфликты и все по тем же причинам. Вот почему поколения все так же не понимают друг друга.»

Муравьи предлагают нам новое видение и новое восприятие мира. У них есть сельское хозяйство и технологии, интересные социальные конструкции, способные расширить наши горизонты. Они нашли оригинальные решения для проблем, с которыми мы не можем справиться. Они, например, живут в многомиллионных городах без опасных пригородов, пробок и безработицы. Создание посольства муравьёв установило бы официальную связь между двумя самыми развитыми планетарными цивилизациями, слишком долго не признававшими друг друга.

Мы долго презирали друг друга. Мы довольно долго боролись друг с другом. Для людей и муравьёв настало время сотрудничать на равных».

После последней фразы наступила тишина. Потом префект издал короткий смешок, который, будучи подхваченным остальными гостями, постепенно разросся.

Гомерический хохот прекратился только с появлением основного блюда — ягнёнка, тушенного в масле.

— Конечно, этот господин Эдмонд Уэллс был немного не в себе! — сказала жена японского посла.

— Да, сумасшедший!

Жюли попросила дать ей письмо. Она хотела рассмотреть его. Она читала его так долго, как будто хотела выучить наизусть.

Гости ели десерт, когда префект потянул комиссара Максимильена Линара за рукав и отвёл его подальше от нескромных ушей, чтобы переговорить. Там он поведал Линару, что все эти японские промышленники приехали сюда не только ради дружбы народов. Они были членами крупной финансовой группы, решившей возвести в центре леса Фонтенбло гостиничный комплекс. Расположенный среди вековых деревьев дикой ещё природы, вблизи от исторического

замка, он привлечёт, как им кажется, туристов со всего мира.

— Но лес Фонтенбло постановлением префектуры объявлен природным заповедником, — удивился комиссар.

Дюпейрон пожал плечами.

— Мы, разумеется, не на Корсике и не на Лазурном Берегу, где подрядчики занимаются поджогами, чтобы потом распределить охраняемые участки. Но мы должны учитывать экономическую ситуацию.

Поскольку Максимильен Линар продолжал недоумевать, префект добавил, пытаясь придать тону убедительность:

— Вы не можете не знать, что в нашей области весьма высок уровень безработицы. Это ведёт к общей неуверенности. Это ведёт к общему кризису. Гостиницы закрываются одна за другой. Область умирает. Если мы не будем быстро реагировать, молодёжь разъедется, и налогов не хватит на поддержание школ, администрации и полиции.

Комиссар Линар не понимал, куда клонит Дюпейрон, произнося для собственного удовольствия эту небольшую речь.

— А от меня-то что требуется?

Префект протянул ему кусок малинового торта.

— На каком этапе находится расследование гибели директора юридической службы Вод и Лесов Гастона Пинсона?

— Дело странное. Я попросил о судебно-медицинской экспертизе тела, — ответил полицейский, беря десерт.

— Я читал в вашем предварительном отчёте, что тело было найдено недалеко от бетонной пирамиды высотой примерно в три метра, замаскированной высокими деревьями и потому обнаруженной только сейчас.

— Так оно и есть. А что?

— А то! Значит, уже есть люди, не обращающие ни малейшего внимания на запрет строительства в охраняемом природном заповеднике. Они совершенно спокойно возвели свою пирамиду, и никто не возмутился, и это, конечно, является выгодным прецедентом для наших друзей — японских инвесторов. Что вы знаете про эту пирамиду?

— Да ничего, кроме того, что её нет в кадастре.

— Надо обязательно все выяснить, — заявил префект. — Вам ничто не мешает одновременно расследовать гибель Пинсона и строительство этой таинственной пирамиды. Я уверен, что оба события связаны между собой.

Тон был безапелляционным. Разговор прервал чиновник, просивший помочь с местом в детских яслях.

После десерта танцы возобновились.

Было уже поздно. Мать Жюли собралась уходить. Когда они с дочерью покидали собрание, комиссар Динар предложил их проводить.

Гардеробщик подал им пальто. Линар сунул ему монету. Они стояли у подъезда, ожидая, пока подгонят «седан» комиссара, когда Дюпейрон вновь шепнул ему на ухо:

— Меня очень интересует эта таинственная пирамида. Вы меня поняли?

28. УРОК МАТЕМАТИКИ

— Да, мадам.

— А если вы меня поняли, повторите вопрос.

— Как сделать четыре равносторонних треугольника одного размера из шести спичек.

— Хорошо, подойдите для ответа.

Жюли встала из-за парты и пошла к чёрной доске. У неё не было ни малейшего представления об ответе, которого ждала от неё учительница по математике. Та взирала на неё с высоты своего роста.

Жюли потерянно огляделась. Класс наблюдал за ней с усмешками. Несомненно, остальные ученики знали решение, которое она не могла найти.

Она оглядывала класс, надеясь, что кто-нибудь придёт ей на помощь.

На лицах выражалось и издевательское равнодушие, и сострадание, и облегчение от того, что к доске вызвали другого.

В первом ряду восседали папочкины сынки, безупречные и прилежные. За ними те, кто им завидовал и уже готов был подчиняться. Затем шёл середняк и «может лучше», работяги, учат много, а результатов мало. И, наконец, на Камчатке, рядом с батареей, удобно устроились маргиналы.

Там сидели и Семь Гномов, как их называли по имени рок-группы, которую они организовали. Они почти не общались с одноклассниками.

— Итак, вы отвечаете? — потребовала учительница.

Один из Семи Гномов делал Жюли знаки. Он складывал и переплетал пальцы, желая показать какую-то фигуру, но она не понимала.

— Видите ли, мадемуазель Пинсон, я понимаю, как вы скорбите из-за смерти вашего отца, но она ничего не меняет в математических законах, управляющих миром. Я повторяю: шесть спичек образуют четыре равносторонних треугольника одного размера при условии... что их располагают как? Попробуйте рассуждать нетрадиционно. Прибегните к воображению. Шесть спичек, четыре треугольника, при условии, что их располагают...

Жюли прищурила свои светло-серые глаза. Что там за фигура? Теперь мальчик тщательно артикулировал что-то, разделяя слоги. Она попыталась прочесть по губам. Пи... ро... ни... да...

— Пиронидой, — сказала она.

Класс закатился от смеха. Её союзник сделал безнадежное выражение лица.

— Вам плохо подсказали, — объявила учительница. — Не «пиронидой». Пи-ра-ми-дой. Эта форма представляет собой третье измерение, победу объёма. Она напоминает о том, что, перейдя от плоскости к объёму, ты открываешь новый мир. Не так ли... Давид?

Несколькими большими шагами учительница подошла к названному ученику, сидящему в последнем ряду.

— Давид, запомните, в жизни можно мошенничать, но нельзя попадаться. Я прекрасно видела ваши проделки. Садитесь, мадемуазель.

Она написала на доске: время.

— Сегодня мы изучили третье измерение. Объём. Завтра урок будет посвящён четвёртому: времени. Понятие времени существует также и в математике. Что, где, когда и как произошло в прошлом, имеет значение для будущего. Таким образом, я могу завтра задать вам вопрос: «Почему Жюли Пинсон получила низшую оценку, при каких обстоятельствах и когда она получит ещё одну?»

Несколько ехидных и подбострастных смешков раздалось в первых рядах. Жюли

поднялась.

— Садитесь, Жюли. Я не просила вас вставать.

— Нет, я хочу встать. И я хочу вам кое-что сказать.

— По поводу нуля? — иронически спросила учительница. — Слишком поздно. Ваш нуль уже записан в ваш дневник.

Жюли нацелила свои глаза цвета серого металла на учительницу математики.

— Вы сказали, что важно мыслить нетрадиционно, но вы-то сами все время думаете одинаково.

— Я попрошу вас оставаться вежливой, мадемуазель Пинсон.

— Я вежлива. Вы преподаёте предмет, никак не связанный с практической жизнью. Вы хотите просто раздробить наш мозг, чтобы сделать его более послушным. Если вбить себе в голову ваши истории про круги и треугольники, то потом можно согласиться с чем угодно.

— Вы хотите получить второй нуль, мадемуазель Пинсон?

Жюли пожала плечами, взяла сумку, дошла до двери и, сопровождаемая изумлёнными взглядами, захлопнула её за собой.

ДЕТСКАЯ СКОРБЬ: в возрасте восьми месяцев ребёнок часто испытывает особую тревогу, называемую педиатрами «детская скорбь». Каждый раз, когда его мать уходит, ему кажется, что она больше не вернётся. Эти опасения провоцирует иногда приступы плача и симптомы тревоги. Даже если мать возвращается, он снова испытает страх, как только она вновь уйдёт. В этом возрасте ребёнок понимает, что в мире происходят события, над которыми он не властен. «Детская скорбь» объясняется осознанием своей независимости от внешнего мира. Суть драмы: «я» отличаюсь от того, что меня окружает. Ребёнок и мать не связаны неразрывно, то есть существует возможность остаться в одиночестве, в обществе «чужих, которые не являются матерью» (все, что не является матерью, воспринимается как «чужое», даже отец).

Только в возрасте полутора лет ребёнок смиряется с временным исчезновением матери.

Прочие тревоги, которые человеческое существо узнает позже, делятся до старости: страх одиночества, страх потери любимого существа, страх перед незнакомцами и т.д. Все они развиваются из этой первой тревоги.

Эдмонд Уэллс. «Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том III.

30. ПАНОРАМА

Холодно, но страх перед неизвестным придаёт им силы. Ранним утром двенадцать разведчиков и старый муравей пускаются в путь. Надо быстро идти по дорожкам и тропинкам, чтобы предупредить родной город об угрозе белого плаката.

Они доходят до скалы, нависшей над долиной. Они останавливаются полюбоваться пейзажем и определить наилучший способ спуска.

У муравьёв зрительное восприятие иное, чем у млекопитающих. Каждое глазное яблоко сформировано у них из большого числа трубочек, в свою очередь, состоящих из оптических линз. Вместо одной чёткой, неподвижной картинки муравьи видят множество расплывчатых, которые благодаря своему количеству, складываясь, дают ясное изображение. Поэтому муравьи часто упускают подробности предметов, но очень хорошо отмечают малейшее движение.

Слева направо расстилаются перед разведчиками тёмные торфяники южного региона, над которыми кружатся красно-коричневые с золотистым отливом мухи и задиристые слепни, затем изумрудно-зеленые утёсы цветущих гор, жёлтые степи северных земель, дремучие леса, заселённые орлиными папоротниками и шустрыми зябликами.

Горячий воздух поднимает вверх мошкору, за которой тут же начинают охотиться славки, чьи перья отливают сине-зелёным цветом.

Муравьи по-особому воспринимают и цветовой спектр. Они отлично видят ультрафиолетовые тона и хуже — красные. Ультрафиолетовая гамма помогает им различать цветы и насекомых в зелени. Мирмекийцы видят на цветах даже линии, являющиеся посадочными полосами для пчёл-сборщиц.

За изображением следует запах. Разведчики, приводя в движение свои усики-радары, делают до 8000 вибраций в секунду, чтобы лучше уловить окружающие их ароматы. Вращая фронтальными отростками, они чувствуют далёкую добычу и близкого врага. Они вдыхают испарения деревьев и земли. Земля для муравьёв обладает запахом одновременно очень суровым и нежным. Никакого сравнения с её едким и солёным вкусом.

10-й, обладатель самых длинных усиков, встаёт на четыре задние лапки, чтобы, приподнявшись, лучше уловить феромоны. Собравшиеся вокруг него товарищи внимательно обводят своими более короткими усиками великолепное царство запахов, простёртое перед ними.

Муравьи решают пойти самой короткой дорогой к Бел-о-кану: через заросли колокольчиков, чей аромат доносится до них и над которыми порхают тучи бабочек-адмиралов, с крыльшками, усыпанными изображениями изумлённых глаз. Но 16-й, специалист по химической картографии, сообщает, что этот район наводнён прыгающими пауками и длинноносыми змеями. Более того, орды бродячих муравьёв-каннибалов пересекают местность, и даже если отряд пойдёт верхом, по веткам, то, без сомнения, будет взят в плен муравьями-рабовладельцами, которых муравьи-карлики оттеснили к северу. 5-й считает, что оптимальным решением остаётся все-таки спуск по скале, справа.

103683-й внимательно выслушивает всю информацию. С тех пор, как он покинул федерацию, произошло много политических событий. Он спрашивает, какова новая королева Бел-о-кана. 5-й отвечает, что у неё маленькое брюшко. Как все правительницы города, она взяла имя Бело-кью-кюни, но размаха былых руководительниц у неё нет. После всех прошлогодних бедствий в муравейнике не хватает самок и самцов. И ради выживания оплодотворённой королевы копуляция была произведена без полётов, в закрытом зале.

103683-й замечает, что 5-й, кажется, не выражает большого почтения к этой несущке, но, в

конце концов, ни один муравей не обязан любить свою королеву, даже если это его собственная мать.

На своих клейких подошвах солдаты спускаются вниз по почти вертикальной скале.

31. МАКСИМИЛЬЕН ПРАЗДНУЕТ СВОЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Комиссар Максимильен Линар был счастливым человеком. Его жена Синтия очаровательна, а тринадцатилетняя дочь Маргерит прелестна. У него чудесная вилла с большим аквариумом и высоким, широким камином — двумя символами благополучия. К своим сорока четырём годам, как ему казалось, он добился всего. Хороший ученик с массой дипломов, он гордился своей карьерой. Комиссар раскрыл столько дел, что его назначили преподавателем в полицейскую школу Фонтенбло. Начальство доверяло ему и не вмешивалось в расследования. Недавно он даже увлёкся политикой. Он принадлежал кругу, близкому префекту, который вдобавок ценил его как партнёра по теннису.

Вернувшись домой, комиссар закинул шляпу на вешалку и свял пиджак.

В гостиной его дочь смотрела телевизор. Откинув на спину белокурые косы, она непроизвольно тянется хорошеньким личиком к экрану. Как и у ещё примерно трех миллиардов человеческих существ, занявших то же положение, в её глазах, устремлённых на сменяющиеся картинки, отражался голубоватый подвижный отсвет. С пультом в руке она скакала по программам в поисках неуловимой идеальной передачи.

Канал 67. Документальный фильм. Сложные свадебные ритуалы шимпанзе бонобос в Заире привлекли внимание зоологов. Самцы дерутся друг с другом, используя, как шпаги, возбуждённые половые члены. Кстати, в остальное время бонобос вообще не ссорятся. Более того, похоже на то, что этот вид умеет избегать принуждения между полами.

Канал 46. Социальные проблемы. Работники службы по уборке отходов бастуют. Они станут убирать мусорные баки только тогда, когда их требования будут удовлетворены. Они требуют увеличения их зарплат и пенсий.

Канал 45. Эротический фильм. «Да. А-а-а-а-а, а-а, о-о-о-а-а, а-а, о-о-о, о нет! О да! ДА! Продолжай, продолжай— О-а-а... нет, нет, нет, хорошо, так, так, да».

Канал 110. Новости. Последние новости. Теракт в начальной школе. Перед входом была оставлена заминированная машина. На данный момент — девятнадцать убитых и семеро раненых детей, двое убитых учителей. Чтобы увеличить количество разрушений и жертв во дворе школы, к взрывчатке были добавлены гвозди и шурупы. В послании для прессы ответственность за покушение взяла на себя группа, назвавшаяся «ПИ», или «Планетарный Ислам». В тексте ясно говорилось, что, убивая как можно больше неверных, бойцы гарантируют себе вознесение в рай. Министр внутренних дел просит население сохранять спокойствие.

Канал 345. Развлечения. Передача «Шутка дня». Вот наша ежедневная маленькая смешная история, которой вы, в свою очередь, можете повеселить друзей: Учёный изучает полет мухи. Он отрезает ей одну лапцусу и говорит: «Лети». И видит, что даже без лапки муха все равно летает. Он отрезает вторую лапку и говорит: «Лети». Муха летает по-прежнему. Он отрезает крылышко и повторяет: «Лети». И замечает, что муха больше не летает. Тогда он записывает в свою записную книжку: «Если мухе отрезать крылышко, она становится глухой».

Маргерит запомнила историю. Но, поскольку её слышали все в одно и то же время, Маргерит уже сообразила, что рассмешить ею никого не удастся.

Канал 201. Музыка. Новый клип певицы Александрины: «...мир есть любовь, любовь навсегда, любовьооовь, я люблю тебя, что бы ни случилось...»

Канал 622. Игра.

Маргерит подалась вперед и отложила пульт. Она очень любила телевизионные игры. В «Головоломке для ума» надо было разгадывать чисто логические задачи. Маргерит считала это наиболее приемлемым из того, что показывали по телевидению. Ведущий приветствовал толпу,

встретившую его овациями, и отступил перед похожей на шар, уже пожилой и затянутой в цветастое нейлоновое платье женщиной. Она казалась потерянной за толстыми очками в роговой оправе.

Ведущий обнажил сияющие белизной зубы, вооружился микрофоном:

— Ну, хорошо, мадам Рамирез, я объявляю вам нашу следующую загадку: имея по-прежнему шесть спичек, сможете ли вы сделать не четыре, не шесть, а ВОСЕМЬ равносторонних треугольников одинакового размера?

— Мне кажется, что мы с каждым разом открываем дополнительное измерение, — вздохнула Жюльетта Рамирез. — Сначала нужно было дойти до третьего измерения, потом до синтеза дополнений, а теперь...

— Третий шаг, — прервал её ведущий. — Вам надо сделать третий шаг. Но мы в вас уверены, мадам Рамирез. Вы чемпионка среди чемпионки «Головоломки для...

— ...ума»! — хором продолжил зал.

Мадам Рамирез попросила принести пресловутые спички. Ей тут же дали шесть тонких и очень длинных деревянных палочек с красной каймой, чтобы публика и телезрители не упустили ничего из её манипуляций, как уже было с обычными шведскими спичками.

Мадам Рамирез попросила подсказку. Ведущий распечатал конверт и прочёл:

— Первая фраза, которая вам поможет, такова: «Надо расширить круг сознания».

Комиссар Максимильтен Линар слушал одним ухом телевизор, когда его взгляд остановился на аквариуме. На поверхности воды плавали брюшками вверх мёртвые рыбки.

Неужели он их перекармливал? А вдруг они погибли в результате внутренних войн? Сильные истребляют слабых, быстрые — медлительных. В замкнутом пространстве стеклянной клетки царил особенный дарвинизм: выживали самые злые и агрессивные.

Линар решил, раз уж он все равно опустил руку в воду, поправить на дне аквариума пиратский корабль из искусственного мрамора и пластиковые морские растения. В конце концов, рыбки могли принимать эти опереточные декорации и за настоящие.

Полицейский заметил, что насос фильтра не работает. Он прочистил пальцами губки, забитые экскрементами. «Всего двадцать пять гуппи, а сколько отбросов!» Заодно добавил водопроводной воды.

Покормил оставшихся в живых, проверил температуру воды и поздоровался с населением аквариума. Рыбкам было абсолютно наплевать на усилия их хозяина. Они не понимали, зачем пальцы убрали трупы гуппи, которых они, как положено, отправили именно в такое место, где те разложились бы лучше всего, чтобы размягчившуюся плоть было легче разделять. Рыб лишили даже возможности съесть чужие экскременты, потому что их быстро засосала помпа. Самые умные среди обитателей аквариума давно уже размышляли над тем, почему еда каждый день чудом появлялась на поверхности воды и почему эта еда всегда была неподвижной.

Две прохладные ручки закрыли глаза Максимильтена.

— С днём рождения, папа!

— Я совсем забыл, что он сегодня, — сказал полицейский, целуя жену и дочь.

— А мы — нет! Мы приготовили кое-что, что тебе понравится, — объявила Маргерит.

И она принесла шоколадный торт, украшенный половинками грецких орехов и усаженный лесом горящих свечей.

— Все ящики обыскали, но нашли всего сорок две, — заметила она.

Он задул все свечи одним выдохом и взял себе кусок торта.

— Мы тебе ещё и подарок купили!

Жена протянула ему коробку.

Он проглотил остатки шоколадного лакомства и открыл картонку, в которой обнаружил ноутбук последнего поколения.

— Как вы здорово придумали! — восхитился он.

— Я выбрала модель маленького веса, с большой скоростью и огромной памятью, — подчеркнула жена. — Я думаю, он тебе очень пригодится.

— Без сомнения. Спасибо, ангелочки мои.

До сих пор он довольствовался объёмистым служебным компьютером, который использовал для обработки текстов и бухгалтерии. А с этим маленьким домашним ноутбуком ему наконец откроются все возможности информатики. Его жене хватило ума придумать идеальный подарок.

Дочь уверила его в том, что у неё тоже есть подарок. Она добавила к компьютеру игру под названием «*Эволюция*». «Воссоздайте цивилизацию искусственно и воспринимайте ваш мир так, как будто вы его Бог» — гласила рекламная надпись.

— Ты столько времени проводишь со своим аквариумом и гуппи, — заявила Маргерит, — что я подумала: тебе понравится иметь в своём распоряжении целый виртуальный мир с людьми, городами, войнами, со всем таким!

— Ох, игры-то я не очень... — сказал он, но поцеловал дарительницу, чтобы не обидеть.

Маргерит вставила в компьютер диск и стала долго и терпеливо объяснять правила этого последнего, очень модного чуда информатики. Все начиналось с обширной равнины, где за 5000 тысяч лет до нашей эры игрок должен был поселить своё племя. Затем ему предлагалось создать деревню, оградить её, увеличить территорию для охоты, построить соседние деревни, руководить войнами между соседними племенами, развивать научные и художественные отрасли, сделать дороги, нарисовать поля, запустить сельское хозяйство, превратить деревни в города, чтобы из племени выросла жизнеспособная и как можно быстрее развивающаяся нация.

— Вместо двадцати пяти рыбок у тебя в распоряжении будут сотни тысяч виртуальных людей. Тебе нравится?

— Конечно, — ответил ещё не уверенный, но не желающий разочаровать дочь полицейский.

ЯЗЫК МЛАДЕНЦЕВ: в тринадцатом веке король Фридрих II решил провести эксперимент с целью выяснить, каков «естественный» язык человека. Он поместил в ясли шесть младенцев и приказал кормилицам кормить их, баюкать, купать... но не разговаривать с ними. Так Фридрих II надеялся выяснить, какой язык для общения эти младенцы выберут сами «без постороннего влияния». Он считал, что это будет греческий или латынь, единственные, на его взгляд, чистые первоначальные языки. Эксперимент, однако, не дал ожидаемых результатов. Ни один ребёнок не заговорил ни на каком языке, но все шестеро зачахли и в конце концов умерли. Детям необходимо общение, чтобы выжить. Молока и сна недостаточно. Общение — необходимый элемент жизнедеятельности.

Эдмонд Уэлс. «Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том III.

33. СЕНОЕДЫ, ТРИПСЫ И МЕЛОИДЫ

Мир скал имеет свою особенную флору и фауну. Спускаясь по отвесному утёсу, двенадцать молодых разведчиков и старый воин открыли неизвестный им уголок. К камню лепились розовые гвоздики с цилиндрическими красноватыми чашечками, пылающие седумы с мясистыми листьями и перечным запахом, горечавки с длинными голубыми лепестками, едкие очитки, чьи круглые, гладкие листья дразнят маленькие белые цветочки, наскальные артишоки с острыми лепестками и плотно прижатыми листьями.

Тринадцать муравьёв катятся вниз, цепляясь за стену песчаника клейкими подошвами.

Обогнув большой камень, мирмекийский отряд вдруг натывается на стадо сеноедов. Это маленькие насекомые, разновидность скальных вшей, с очень выпуклыми составными глазами, грызущим ртом и настолько тонкими усиками, что на первый взгляд кажется, что их и вовсе нет.

Сеноеды, погруженные в облизывание жёлтых водорослей, растущих на скале, не заметили приближения муравьёв. Все-таки муравьи-альпинисты встречаются в этих местах не так уж часто. Сеноеды всегда считали, что их вертикальный мир обеспечивает им относительное спокойствие. Если теперь ещё и муравьи начнут взбираться и спускаться по скалам, порядка не жди!

Без долгих сборов сеноеды бежали.

Несмотря на свой преклонный возраст, 103683-й сумел дать несколько великолепных залпов муравьиной кислотой, всякий раз попадая в удирающего сеноеда. Товарищи поздравляют его. Для его возраста у него очень меткий анус.

Отряд подкрепляется сеноедами и с изумлением обнаруживает, что на вкус они несколько напоминают комаров-самцов. Если выразиться точнее, на вкус они — нечто среднее между комаром-самцом и зеленой стрекозой, но без мятного аромата, типичного для последней.

Тринадцать рыжих муравьёв снова огибают цветы: белые постенницы, разноцветные вязели, неизбежные камнеломки с крошечными девственно-чистыми лепестками.

Чуть дальше они разделяются с трипсами. 103683-й их даже не узнал. Живя среди Пальцев, он и позабыл, сколько на свете разной живности. Надо признать, что много. Трипсы, маленькие травоядные с бахромчатыми крыльшками, на губах сухо пощёлкивают. Хрустят, конечно, но во рту оставляют кислое послевкусие и как блюдо бел-о-канцев в восторг не приводят.

Разведчики ловят, кроме того, несколько прыгучих гесперид, бронзовых огнёвок (не очень красивых, но мясистых бабочек), ярко-красных серкопов, ленивых и лёгких, с грациозными движениями стрекоз: все безобидные породы, не годные ни на что, кроме как послужить пищей рыжим муравьям.

Убивают они и нескольких мелоидов, упитанных насекомых, чья кровь и гениталии содержат кантаридин, возбуждающее вещество, действующее даже на муравьёв.

На отвесной скале ветер треплет их усики, словно непослушные прядки волос. 14-й стреляет в детёныша оранжевой божьей коровки, с двумя чёрными пятнышками на спине. Из сочленений лапок насекомого сочится вонючая кровь.

103683-й наклоняется, чтобы получше его рассмотреть. Это уловка. Детёныш божьей коровки притворяется мёртвым, залп кислоты рикошетом отскочил от его полусферического панциря. Старый муравей-одиночка знает эту военную хитрость. Некоторые насекомые, почувствовав опасность, выделяют жидкость, в основном тошнотворную, чтобы оттолкнуть своих врагов. Иногда жидкость брызжет из всех пор, иногда на сочленениях набухают, а затем прорываются водяные мешки. В любом случае это лишает всякого аппетита прожорливых

хищников.

103683-й подходит к истекающему влагой насекомому. Он знает, что подобная добровольная геморрагия прекратится сама собой, но зрелище впечатляет. Он сообщает двенадцати молодым муравьям, что это насекомое несъедобно, и детёныш божьей коровки идёт своей дорогой.

Но бел-о-канцы не только спускаются, убивают и едят. Они прокладывают кратчайший путь. Продвигаются между карнизами и отвесными стенами. Иногда вынуждены повисать, держась друг за друга лапками и мандибулами, чтобы преодолеть головокружительные участки. Они делают из своих тел то лестницы, то мосты. Доверие абсолютное, одному из них достаточно ослабить хватку — и весь живой мост обрушится в пропасть.

103683-й отвык от подобных упражнений. Там, за краем света, в искусственном мире Пальцев, все было под мандибулами.

Если бы он от них не сбежал, то стал бы аморфным и ленивым, как Палец. Он ведь видел по телевизору, что Пальцы избегают малейших усилий. Они не умеют даже сами мастерить себе гнёзда. Они разучились охотиться для добывания пищи, разучились убегать от своих врагов. Да, кстати, и врагов у них уже больше нет.

Как гласит мирмекийская поговорка: *«Деятельность создаёт орган, а бездействие его уничтожает»*.

103683-й вспоминает о своей жизни там, за пределами нормального мира.

Что он делал целыми днями?

Он ел мёртвую еду, которая падала ему с неба, смотрел телевизор, говорил по телефону (подключённому к машине — переводчику его феромонов в слышимые слова) с Пальцами. Есть, говорить по телефону, смотреть телевизор — три основных занятия Пальцев.

Он не все рассказал этим мальчишкам. Он не сказал им о том, что общавшиеся с ним Пальцы были, возможно, слишком болтливыми и не очень удачливыми. Они даже не сумели убедить другие Пальцы, что в их интересах признать цивилизацию муравьёв и вступить с ней в переговоры на равных.

Из-за их провала 103683-й пытался теперь осуществить замысел с другого конца: уговорить муравьёв вступить в союз с Пальцами. Сам он в любом случае был уверен, что это необходимо для обеих крупнейших земных цивилизаций. Действовать, соединяя свои таланты, а не противопоставляя их.

Он вспоминает о своём бегстве. Это было непросто. Пальцы не хотели его отпускать. Он дождался благоприятной сводки погоды по телевизору и рано утром ускользнул в щель в верхней решётке.

Теперь оставалось самое трудное. Убедить своих. То, что двенадцать молодых разведчиков не отвергли сразу его предложение, казалось ему добрым предзнаменованием.

Старый рыжий муравей и его спутники завершили маятниковое движение на противоположном краю расщелины. 103683-й говорит остальным, что для удобства они могут звать его, как его старые товарищи по походу, уменьшительным именем, более коротким:

— *Моё имя — 103683-й. Но можете называть меня 103-м.*

14-й отвечает, что это не самое длинное муравьиное имя, которое он встречал. Раньше у них в отряде был совсем молодой муравей по имени 3642451-й. Когда его надо было позвать, все теряли страшно много времени. К счастью, его съело хищное растение во время охоты.

Спуск продолжается.

Муравьи останавливаются на привал в скальной пещере и обмениваются трофоллаксисом из измельчённых сеноедов и мелоидов. Старого муравья пробирает дрожь отвращения. Ужасно все-таки невкусные эти мелоиды. Слишком горькие. Даже размельчённые.

КАК ИНТЕГРИРОВАТЬСЯ: надо понять, что осознанное нами — только поверхностная часть наших мыслей. 10% их осознано и на поверхности, 90% не осознано и скрыто в глубине.

Когда мы говорим, нужно, чтобы 10% осознанного нами адресовались 90% неосознанного наших собеседников.

Чтобы этого достичь, необходимо преодолеть барьер из фильтров недоверия, мешающий информации проникать в подсознание.

Один из способов этого достичь состоит в имитации чужих привычек. Последние ясно проявляются во время еды. Воспользуйтесь этой критической минутой, чтобы прощупать вашего соседа. Если он говорит, прикрывая рукой рот, сделайте то же самое. Если он ест картошку фри руками, повторяйте за ним. Если он часто вытирает губы салфеткой, следуйте его примеру.

Задайтесь такими простыми вопросами, как: «Смотрит ли он на меня, когда говорит?», «Разговаривает ли он, когда ест?». Повторяя движения, производимые им в самый сокровенный момент, момент приёма пищи, вы автоматически передаёте послание в его подсознание: «Я из того же племени, что и ты, у нас одинаковая манера поведения, значит, несомненно, одинаковое воспитание и одинаковый образ жизни».

Эдмонд Уэлс. «Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том III.

35. УРОК БИОЛОГИИ

После математики шла биология. Жюли отправилась на кафедру точных наук, где её ждали раковины из белого фаянса, банки с плавающими в формалине зародышами, грязные пробирки, закопчённые горелки Бунсена и громоздкие микроскопы.

После звонка ученики и учителя вошли в класс биологии. Все знали, что на этот урок надо облачаться в белые халаты. Выполнения этого ритуала хватало для ощущения того, что надеваешь униформу «посвящённых».

В первой части, так называемой теоретической, профессор выбрал темой «Мир насекомых». Жюли достала тетрадку, решив все тщательно записать, чтобы проверить, совпадает ли мнение учителя с соответствующими отрывками из «Энциклопедии».

Профессор начал:

— Насекомые составляют 80% животного мира. Самые древние, тараканы, появились по меньшей мере триста миллионов лет назад. За ними последовали термиты, двести миллионов лет назад, потом, сто миллионов лет назад, — муравьи. Чтобы вы лучше поняли, насколько давно появились насекомые на земле, достаточно напоминания о том, что известие о нашем самом первом прапрапрадедушке датируется самое большее тремя миллионами лет.

Профессор биологии подчеркнул, что насекомые не только самые древние обитатели земли, но также и самые многочисленные.

— Энтомологи описали примерно пять миллионов различных видов насекомых и каждый день продолжают открывать сотни новых. Для сравнения отметим, что млекопитающих находят всего один новый вид в день.

Он очень крупно написал на чёрной доске «80% животного мира».

— Таким образом, из всех обитателей планеты насекомые самые древние, самые многочисленные и, добавлю, наименее изученные.

Он прервался, и «б-з-з-з» наполнило комнату. Точным движением профессор поймал насекомое, помешавшее уроку, и показал ученикам его раздавленное тело, похожее на скрюченную статуэтку, с ещё торчащими двумя крылышками и единственным усиком на голове.

— Это был летающий муравей, — объяснил человек. — Королева, без сомнения. У муравьёв крылья есть только у самки и самца. Самцы умирают в момент совокупления в воздухе. Королевы продолжают полет без них, отыскивая место, где можно отложить яйца. Как вы сами можете убедиться, с общим повышением температуры присутствие насекомых чувствуется больше.

Он посмотрел на расплющенное тело муравьиной королевы.

— Самцы и самки отправляются в полет обычно прямо перед грозой. Присутствие этой королевы среди нас говорит о том, что завтра может пойти дождь.

Профессор биологии бросил раздавленное тело агонизирующей королевы на корм лягушкам, жившим в аквариуме размером около метра в длину и пятьдесят сантиметров в ширину. Земноводные сгрудились для дегустации угощения.

— В общем-то, — продолжил он, — сейчас происходит неуклонное увеличение числа насекомых, и они все лучше сопротивляются инсектицидам. В будущем мы сильно рискуем встречать все больше тараканов в шкафах, муравьёв в сахаре, термитов в деревянных постройках, комаров и муравьиных принцесс в воздухе. Запасайтесь инсектицидами для борьбы с ними.

Ученики записывали. Профессор объявил, что пора переходить ко второй части урока — практическим работам.

— Сегодня нас интересует нервная система, и особенно периферическая нервная система.

Он попросил учеников с первого ряда пойти взять на полках банки с лягушками и раздать их остальным. Взял одну банку сам и объяснил последовательность действий. Для того чтобы усыпить лягушек, все должны сначала бросить в банку кусочек ваты, пропитанный эфиром, затем взять земноводное в руки, распять его иголками на резиновом коврикe в специальном ящичке и помыть под водопроводной водой, чтобы струйки крови не мешали в дальнейшем.

После этого было необходимо пинцетом и скальпелем снять с лягушки кожу, обнажить мышцы и при помощи батарейки и двух электродов найти нерв, вызывающий судороги правой лапки.

Все, кто сумеет добиться нервных сокращений правой лапки лягушки, автоматически получают двадцать баллов из двадцати.

Профессор по очереди проверял, на каком этапе работы был каждый ученик. Некоторым не удавалось усыпить земноводное. Ваты с эфиром в банке становилось все больше, а лягушка продолжала сопротивление. Другие, посчитав, что анестезия удалась, пытались её распять на резиновой подстилке, но лягушка отчаянно молотила воздух ещё свободной лапкой.

Жюли молча наблюдала за своей лягушкой, и на секунду ей показалось, что она сквозь стекло смотрит на саму себя. Рядом с ней Гонзаг точными движениями уже испещрил свою лягушку двадцатью стальными иголками.

Гонзаг тоже смотрел на свою жертву. Земноводное было похоже на святого Себастьяна. Не усыпленная до конца, лягушка пыталась освободиться, но иголки, воткнутые со знанием дела, не давали ей двинуться. Поскольку она не умела кричать, никто не замечал её страданий. Ей удалось выдать только жалобное «ква-а».

— Слушай, я знаю хорошую шутку, — сказал Гонзаг своему соседу. — Какой самый длинный нерв в человеческом теле?

— Какой?

— Оптический.

— Да? Почему?

— Вырвешь волосок из задницы, а на глаза наворачиваются слезы!

Они прыснули, и, довольный своим остроумием, Гонзаг быстро содрал с лягушки кожу, обнажил мышцу и нашёл нерв. Он ловко приложил электроды — и правая лапка его лягушки отчётливо дёрнулась. Пронзённая иголками корчилась, но рот открывала беззвучно, настолько боль парализовала её.

«Хорошо, Гонзаг, у вас двадцать баллов», — объявил профессор. Закончивший первым и оставшийся без дела, лучший ученик класса бросился на поиски других, не менее интересных, рефлекторных движений лягушки. Он отодвинул большой кусок кожи, приподнял серую мышцу. За несколько секунд ещё совершенно живая лягушка была полностью лишена кожи, а Гонзаг обнаруживал новые нервы, способные вызывать такие же забавные спазмы.

Два его товарища подошли поздравить его и полюбоваться спектаклем.

Сидевшие сзади неумёхи, не сообразившие использовать достаточное количество эфира или не решившиеся глубоко воткнуть иголки, с удивлением смотрели, как лягушки, выглядевшие почище, чем пациенты на сеансе иглоукалывания, выпрыгивали из ящичка. Лягушки скакали по комнате, не обращая внимания на лапки с содранной кожей, трясая серо-розовыми мышцами, вызывая одновременно и смех, и сочувствие учеников.

Жюли от ужаса зажмурила глаза. Бе собственная нервная система превратилась в ручей соляной кислоты. У неё не хватило мужества наблюдать за дальнейшим.

Она схватила банку со своей лягушкой и молча убежала из класса.

Она пробежала по внутреннему дворику лица, обогнула квадратную лужайку, посередине которой была воткнута мачта, увенчанная флагом с девизом заведения: «Разум порождает

здравый смысл».

Жюли поставила на землю банку и попыталась поджечь мусорные баки. Несколько раз щёлкнула зажигалкой, но ничего не получилось: пламя не занималось. Зажгла кусок бумаги и бросила в бак, но бумага тут же погасла.

«Подумать только, газеты все время твердят, что достаточно небрежно брошенного окурка, чтобы опустошить гектары леса, а я с бумагой и зажигалкой не могу мусорный бак поджечь!» — пробурчала она, продолжая упорствовать.

Наконец огонь занялся. Они с лягушкой внимательно наблюдали за ним.

— Огонь красивый, он отомстит за тебя, лягушечка... — доверительно сообщила ей Жюли.

Она смотрела, как горит мусорный бак. Огонь, он и чёрный, и красный, и жёлтый, и белый. Бак пылал, превращая отвратительные отбросы в тепло и краски. Стена почернела от пламени. Едкая струйка дыма поднималась над мусором.

— Прощай, жестокий лицей, — вздохнула Жюли, отходя.

Она освободила лягушку, и та, уже не глядя больше на пожар, большими прыжками помчалась прятаться в водосток.

А Жюли осталась посмотреть, охватит ли пламя весь лицей.

36. У ПОДНОЖИЯ СКАЛЫ

Ну все. Кончено.

Тринадцать муравьёв спустились со скалы.

Вдруг у 103-го начинается икота. Он шевелит усиками. Товарищи приближаются к нему. Старый разведчик заболел. Возраст... Ему три года. Средняя продолжительность жизни рыжего бесполого муравья — три года.

Значит, он подошёл к концу своей жизни. Только самки, а точнее, королевы живут по пятнадцать лет.

5-й обеспокоен. Он боится, как бы 103-й не умер, не успев рассказать все о мире Пальцев и об угрозе белого плаката. Пальцы необходимо узнать лучше. Если 103-й покинет их сейчас, это будет ужасной потерей для всей мирмекийской цивилизации. Муравьи всегда больше беспокоятся о бесценном расплоде, чем о стариках, впервые 5-й допускает другую мысль, выраженную, кстати, и поговоркой из другого измерения: «Каждый раз, когда умирает старик, сгорает библиотека».

5-й до отвала потчует старика трофоллакисом из сеноедов. Еда не лечит от старости, но делает её терпимее.

— *Мы должны найти способ спасти 103-го,* — распоряжается 5-й.

В мире муравьёв считается, что у каждой задачи есть своё решение. Если оно не найдено, значит, просто плохо искали.

103-й начинает выделять запах олеиновой кислоты — характерный признак для умирающих старых муравьёв.

5-й возбуждённо собирает товарищей для абсолютной коммуникации. Абсолютная коммуникация состоит в подключении своего мозга к мозгу собеседников. Усевшись в кружок, касаясь друг друга одними кончиками усиков, они соединят двенадцать разумов в один.

Вопрос: «Как обезвредить биологическую бомбу замедленного действия, угрожающую столь драгоценному старому разведчику?»

Ответы теснятся. Приходят самые безумные идеи. Каждый находит свой выход из положения.

6-й предлагает накормить 103-го корнем плакучей ивы, он считает, что салициловая кислота лечит все болезни. Ему отвечают, что старость не болезнь.

8-й думает, что, поскольку бесценная информация находится в мозгу 103-го, надо перенести его череп на молодое и здоровое тело. На тело 14-го, например. 14-й не в восторге от этой перспективы. Остальные тоже. Слишком рискованно, решает отряд.

— *Почему бы быстро не воспринять все феромоны с его усиков?* — выделяет 14-й.

— *Их слишком много,* — вздыхает 5-й.

103-й беспрестанно покашливает, губы его дрожат. 7-й говорит о том, что, если бы 103-й был бы королевой, он бы прожил ещё двенадцать лет.

— *Если бы 103-й был королевой...*

5-й взвешивает предложение. А ведь сделать королеву из 103-го не так уж невозможно. Все муравьи знают, что существует насыщенная гормонами субстанция — маточное молочко. — обладающая свойством превращать бесполое насекомое в самку или самца.

Коммуникация оживляется. Маточное молочко пчёл использовать нельзя. У этих двух видов генетические характеристики слишком разошлись. Хотя у пчёл и муравьёв общий предок: оса. Осы живут до сих пор, и некоторые из них умеют делать маточное молочко, чтобы искусственно создавать королеву-осу на случай неожиданной гибели их настоящей королевы для её замены.

В конце концов, это способ отодвинуть старость. Усики дюжины муравьёв двигаются все энергичнее. Как найти маточное молочко осы?

12-й уверяет, что знает одну осиную деревню. Он утверждает, что однажды по случайности наблюдал превращение бесполой осы в самку. Королева умерла от неизвестной болезни, и рабочие осы выбрали из своих рядов одну на её место. Ей дали проглотить какого-то снадобья тёмного Цвета, и соискательница через некоторое время уже выделяла аромат самки. Другая Рабочая оса была назначена для неё самцом. Её также напоили похожей жидкостью, и она действительно запахла самцом.

12-й не присутствовал при совокуплении скороспелой, искусственно созданной пары, но много дней спустя он проходил по тем местам и видел, что гнездо не только по-прежнему активно, но даже увеличило число обитателей.

— *Ты сможешь найти место, где живут осы-химики?* — спрашивает 5-й.

— *Это возле большого дуба на севере.*

103-й страшно возбуждён. Стать самкой... Иметь пол... Значит, это возможно? Даже в самых безумных мечтах он не надеялся на такое чудо... Радость придаёт ему сил и мужества.

Если это действительно возможно, он хочет обрести пол. В конце концов, даже просто несправедливо то, что волею случая у одних есть все, а у других — ничего. Старый рыжий разведчик поднимает усики и обращает их в ту сторону, где находится большой дуб.

И тут перед ними встаёт серьёзная проблема: большой дуб растёт очень далеко отсюда, и, чтобы добраться до него, нужно пересечь огромный засушливый участок северных земель, называемый сухой и белой пустыней.

37. ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД НА ТАИНСТВЕННУЮ ПИРАМИДУ

Повсюду влажные деревья и трава.

Комиссар Линар осторожными шагами пробирался к таинственной лесной пирамиде.

Он заметил змею, чудным образом, словно ёж, утыканную иглами, но он был готов к любым странностям, скрывавшимся в лесу. Полицейский не любил лес. Для него это была враждебная среда, наводнённая ползающими, летающими, копошащимися, липкими тварями.

Лес был царством всякого рода злых чар и порчи. Раньше разбойники грабили здесь путешественников. Тут прятались колдуны, чтобы предаться своим тайным обрядам. Сторонники большинства революционных движений находили в лесу пристанище. Ещё Робин Гуд пользовался лесом, устраивая весёлую жизнь шерифу Шервуда.

Когда Максимильтен был помоложе, он мечтал об исчезновении леса. Все эти змеи, комары, мухи и пауки слишком долго издевались над человеком. Он хотел забетонированного, без единого сантиметра дебрей мира. Бетонные плиты до горизонта. Так было бы гигиеничнее. И позволило бы везде разъезжать на роликовых коньках.

Чтобы не привлекать внимания, Максимильтен оделся как для прогулки.

«Настоящая маскировка не копирует окружающую среду, а естественно становится её частью». Он всегда повторял молодым ученикам полицейской школы: в пустыне человек в форме песочного цвета заметнее, чем верблюд.

Наконец он обнаружил подозрительное сооружение.

Максимильтен Линар достал бинокль и рассмотрел пирамиду.

Отражения деревьев множилось в больших зеркальных плитках и скрывали строение от случайного взгляда. Но одна деталь его выдавала. Было видно два солнца. Одно из них было лишним.

Он приблизился.

Зеркало — отличная маскировка. Под покровом зеркал иллюзионисты заставляют девушек исчезать в пронзаемых острыми саблями чемоданах. Простой оптический эффект.

Он достал записную книжку и аккуратно записал:

«1) Дело о пирамиде в лесу:

а) наблюдение на расстоянии».

Он перечитал, что написал и поспешил разорвать листок. Это была не пирамида, а тетраэдр. У пирамиды четыре стороны и ещё основание, то есть всего пять. У тетраэдра три стороны плюс основание, то есть всего четыре. Тетра — по-гречески «четыре».

Поэтому он исправился:

«1) Дело о тетраэдре в лесу».

Одним из достоинств Максимильтена Линара была как раз способность точно определять именно то, что он видел, а не то, что всем казалось. Такой талант объективности помог ему избежать многих ошибок.

Изучение рисования развило эту его способность. Когда рисуешь, то, если видишь дорогу, думаешь о дороге и хочешь провести две параллельные линии. Но, если ты объективно воспроизводишь то, что видишь, благодаря перспективе дорога становится треугольником, обочины её убегают вперёд и сходятся на горизонте.

Максимильтен Линар настроил бинокль и принялся снова изучать пирамиду. Он удивился сам себе. Даже его преследовало слово «пирамида». В его звучании был таинственный и священный смысл. Он опять разорвал листок. На это раз он отступит от абсолютной точности.

«1) Дело о пирамиде в лесу:

а) наблюдение на расстоянии.

Строение довольно высокое. Около трех метров; Замаскировано листвой и деревьями».

Закончив рисунок, полицейский подошёл ещё ближе. Он был уже в нескольких метрах от пирамиды, когда заметил на рыхлой земле следы человеческих ног и собачьих лап, несомненно оставленные Гастоном Пинсоном и его ирландским сеттером. Это он тоже зарисовал.

Максимильен обошёл строение. Ни дверей, ни окон, ни трубы, ни почтового ящика. Ничего характерного для человеческого обиталища. Только покрытый зеркалами бетон и прозрачная верхушка.

Он отошёл шагов на пять и долго обзирал конструкцию. Её пропорции и форма были гармоничны. Кто бы ни был этот архитектор, возведший в лесной чаще таинственную пирамиду, сооружение его совершенно.

ЗОЛОТОЕ СЕЧЕНИЕ: золотое сечение — это точное соотношение величин, благодаря которому можно строить, рисовать, лепить, придавая своим произведениям скрытую силу.

На основе его возведены пирамида Хеопса, храм Соломона, Парфенон и большинство романских соборов. Во многих картинах эпохи Возрождения соблюдена эта пропорция.

Утверждают, что постройки, сооружённые вне этого принципа, в конце концов обрушиваются.

Высчитывается золотое сечение так:

$$(1 + \sqrt{5}) / 2$$

То есть 1,6180335.

Таков тысячелетний секрет. Это число — не только порождение человеческого разума. Оно используется и природой. Золотое сечение, Например, определяет расстояние между листьями на деревьях. И листья не закрывают друг другу солнце. Положение пупа на человеческом теле также рассчитано по этому принципу.

Эдмонд Уэлс. «Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том III.

39. УХОД ИЗ ШКОЛЫ

Лицей был квадратным.

Его три бетонных крыла в форме буквы U примыкали к высокой металлической ограде. «Лицей квадратный, чтобы головы учеников стали квадратными».

Она надеялась, что языки пламени вскоре охватят стены этого заведения, казавшегося ей тюрьмой, казармой, богадельней, больницей, сумасшедшим домом — короче, одним из квадратных зданий, куда запирают тех людей, которых хотят как можно реже видеть бродящими по улицам.

Молодая девушка следила за густым дымом, шедшим от мусорных баков. Вскоре выскочил вооружённый огнетушителем привратник и утопил начинающийся пожар в облаке карбонатного снега.

Нелегко бороться со всем миром.

Она шла по городу. Все вокруг неё пахло тухлятиной. Мусорщики бастовали, и баки на улицах были переполнены классическими человеческими отходами: разорванными голубыми пакетами с гниющей едой, жирной бумагой, сопливыми носовыми платками...

Жюли заткнула нос. Когда она дошла до квартала пригородных особняков, пустынного в этот час, ей показалось, что кто-то следит за ней. Она обернулась, ничего не заметила и продолжила путь. Но, поскольку слезка почудилась ей снова, она бросила взгляд в зеркальце машины, припаркованной у края тротуара, и поняла, что не ошиблась. За ней шли три фигуры, Жюли узнала их. Это были ученики её класса: все из касты первого ряда, во главе с Гонзагом Дюпейроном, одетым, как обычно, в рубашку с шёлковым галстуком.

Она инстинктивно почувствовала опасность и попыталась оторваться от них.

Мальчики приближались, Жюли ускорила шаг. Бежать она не могла, её пятка ещё болела после падения в лесу. Она плохо знала этот район. Обычно Жюли сюда не ходила. Она повернула налево, потом направо. Шаги мальчиков по-прежнему раздавались за её спиной. Она ещё раз повернула. Ох! Дорога заканчивалась тупиком, вернуться уже нельзя. Она спряталась в каком-то подъезде, прижимая к груди рюкзак с «Энциклопедией относительного и абсолютного знания», как будто та могла ей послужить щитом.

— Она точно где-нибудь там, — проговорил голос. — Она не могла убежать, здесь нет прохода.

Они стали проверять подъезды, один за другим. Они приближались. Девушка почувствовала холодный пот на спине.

В глубине подъезда была дверь со звонком. «Сезам, откройся», — умоляла Жюли, безнадежно нажимая на кнопку.

За дверью послышался шум, но она так и не открылась.

— Где ты, малышка Пинсон, ути, ути, ути! — смеялась шайка.

Жюли скрючилась под дверью, прижав колени к подбородку.

Она вдруг увидела три возникших вдалеке смеющихся лица.

Убежать было невозможно, надо было сопротивляться. Жюли поднялась им навстречу.

— Что вам от меня нужно? — спросила она, пытаясь говорить твёрдо.

Они подошли ближе.

— Оставьте меня в покое.

Они продолжали приближаться, медленно, спокойно, испытывая удовольствие при виде ужаса в светлосерых глазах и прекрасно понимая, что девушке некуда деться от них.

— На помощь! Насилуют!

Несколько открытых окон захлопнулись, свет быстро погас.

— На помощь! Полиция!

В больших городах полиции не дозваться, приезжала она не скоро: не хватало сотрудников. Личная безопасность граждан была не на высоте.

Три денди не торопились. Решив не сдаваться, Жюли прибегла к последнему средству: наклонив голову, она бросилась вперёд. Ей удалось обогнуть двоих врагов, а Гонзага она схватила руками за голову, приблизила к нему своё лицо, как для поцелуя, и лбом ударила в нос. Раздался звук, похожий на треск раскальваемого сухого дерева. Как только он прижал руку к своему назальному отростку, Жюли воспользовалась этим, чтобы ударить его коленом в пах. Гонзаг схватился за низ живота и, согнувшись, издал тихий хрип.

Жюли всегда знала, что половой член — это не сильное, а слабое место.

Если Гонзаг временно выбыл из схватки, то его товарищи — нет, и они схватили Жюли за руки. Она стала вырываться, во время борьбы её рюкзак упал на землю и из него выскользнула «Энциклопедия». Жюли ногой попыталась дотянуться, чтобы впихнуть книгу обратно, и один из мальчишек понял, что это важная для Жюли вещь. Он наклонился и поднял книгу.

— Не трогай! — закричала Жюли, в то время, как третий приспешник, не обращая внимания на её усилия высвободиться, заламывал ей руки за спину.

Гонзаг, ещё морщась, но уже улыбаясь, что означало «ты мне даже больно не сделала», завладел сокровищем девушки.

— Эн-цик-ло-пе-ди-я от-но-си-тель-но-го и аб-со-лют-но-го зна-ни-я... том III, — прочёл он. — Это что же такое? Прямо учебник по чёрной магии.

Самый сильный крепко держал её, двое других листали книгу. Они наткнулись на кулинарные рецепты.

— Черт-те что! Девчоночьи штуки! Дурь! — воскликнул Гонзаг и отшвырнул в водосток колдовскую книгу Эдмонда Уэллса.

«Энциклопедия» каждому представлялась разной.

Быстро ударив здоровой пяткой по пальцам ноги своего мучителя, Жюли на секунду высвободилась и успела подхватить книгу, прежде чем та скатится в водосточный жёлоб. Но три мальчика уже навалились на неё. Она била кулаками куда попало, хотела расцарапать им лица, но ногти у неё были короткие. Ей оставалось одно естественное оружие: зубы. Жюли вонзила острые резцы в щеку Гонзага. Потекла кровь.

— Ведьма меня укусила. Держите, — прорычал её палач. — Привяжите её!

Носовыми платками мальчики привязали Жюли к фонарному столбу.

— Ну, ты мне за это заплатишь, — пробормотал Гонзаг, потирая кровоточащую щеку. Он достал из кармана нож и щелчком обнажил лезвие.

— Теперь я тебя порежу, лапочка! Жюли плюнула ему в лицо.

— Держите её как следует, ребята. Я ей сейчас выграввирую несколько геометрических символов, они ей помогут математику повторять.

Желая продлить удовольствие, Гонзаг разрезал снизу доверху длинную юбку Жюли, вырезал квадратик из материи и сунул его в карман. Нож приближался с невыносимой неторопливостью.

«Голос тоже может стать оружием, причиняющим боль», — учил её Янкелевич.

— ИИААААИИИИИИИИАААА...

Она довела свой крик до нестерпимой громкости. В окнах домов задрожали стекла. Мальчики зажали руками уши.

— Надо было ей глотку заткнуть, чтобы не мешала спокойно работать, — сказал один из них.

И они быстро затолкали ей в рот шёлковый шарф. Жюли в отчаянии тяжело дышала.

Вечерело. Зажёгся фонарь: это подействовал фотоэлектрический элемент, чувствительный к изменению освещения. Свет не встревожил мучителей девушки. Они стояли в его лучах и играли ножом. Лезвие находилось на уровне коленей. Гонзаг прочертил им горизонтальную линию на тонкой коже девушки.

— Это тебе за удар по носу.

— Сделай вертикаль, чтобы получился крест.

— Это за удар в пах.

Третий разрез на колене в том же направлении.

— За укус в щеку. И это только начало.

Нож стал медленно подниматься вверх по юбке.

— Я тебя разделаю, как лягушку на биологии, — объявил Гонзаг Жюли. — Я отлично знаю, как это делается. У меня двадцать баллов из двадцати возможных, помнишь? Нет. Ты не помнишь. Плохие ученики уходят с урока до звонка.

Он ещё раз щёлкнул лезвием ножа, выдвигая его ещё дальше.

В ужасе Жюли задыхалась, казалось, она сейчас потеряет сознание. Она вспомнила о том, что «Энциклопедия» советовала в случае неотвратимой опасности вообразить над головой шар и мысленно постепенно проникать в него всеми своими членами, пока реальное тело не станет пустой, бездушной оболочкой.

Теория отличная, можно представить себе все, что угодно, спокойно сидя в удобном кресле, но трудно применить её на практике, когда ты привязан к металлическому столбу и подонки атакуют тебя!

Возбуждённый красотой незащитной девушки, самый здоровый парень из троицы тяжело дышал ей в лицо и ласкал её длинные, чёрные, шелковистые и мягкие волосы. Дрожащими пальцами он коснулся прозрачной белой шеи, на которой пульсировали вены.

Жюли забилась в своих путах. Она ещё могла вынести прикосновение предмета, даже лезвия ножа, но ни в коем случае не человеческого тела. Глаза её расширились. Она вдруг покраснела. Тело её затрепетало и, казалось, готово было разорваться на части. Она шумно дышала носом. Толстяк отступил. Нож остановился на полпути.

Самый здоровый уже такое видел.

— У неё приступ астмы, — объявил он.

Парни отступили, напуганные зрелищем мучений, которые не они причинили. Лицо девушки стало пунцовым. Она так рвалась, пытаясь высвободиться, что готова была изранить себе кожу.

— Оставьте её, — произнёс чей-то голос. Длинная трехногая тень возникла на входе в тупик.

Обидчики Жюли обернулись и узнали Давида. Третьей ногой была трость, помогавшая ему при ходьбе, у него был юношеский спондилоартрит.

— Ну что, Давид изображает Голиафа? — издевательски спросил Гонзаг. — Прости, старик, нас трое, а ты один, маленький и не очень-то накачанный.

Шайка захохотала. Но радовались недолго.

К трехногой тени присоединилась ещё шеренга теней. Широко распахнутыми глазами Жюли увидела Семерых Гномов, учеников с задних рядов.

Мальчики с первого ряда надвинулись на них, но Семь Гномов не шелохнулись. Самый толстый гном теснил противников животом. Сложные приёмы боевого искусства типа то-кван-до показывал азиат. Своей длинной рукой худой раздавал пощёчины. Коротко остриженный крепыш действовал локтями. Изящная блондинка работала ногтями, как десятью лезвиями. По

берцовым костям ловко колотил неженка: похоже было, что он умел делать только это, но умел хорошо. И, наконец, Давид, вращая тростью, бил по рукам трех обидчиков.

Гонзаг и его приспешники не хотели сдаваться так быстро. Они перегруппировались, отвешивая затрешины и размахивая в воздухе ножом. Но ведь против троих было семеро, победа быстро склонилась в сторону большинства, и мучители Жюли предпочли оставить поле сражения.

— Ещё встретимся! — крикнул Гонзаг, смываясь. Жюли все ещё задыхалась. Победа не остановила приступа астмы. Давид поспешил к фонарю, осторожно вынул кляп изо рта девушки, кончиками ногтей распутал затянувшиеся от её усилий выбраться узлы тряпок на лодыжках и запястьях.

Едва освободившись, Жюли бросилась к своему рюкзаку и выхватила оттуда тубик-спрей вентолина. Пусть и была очень слаба, но у неё достало ловкости сунуть в рот наконечник и изо всех сил нажать. С жадностью втянула в себя. Каждый вдох возвращал краски её лицу и успокаивал.

Следующим действием было схватить *«Энциклопедию относительного и абсолютного знания»* и торопливо убрать в рюкзак.

— Славу Богу, мы мимо проходили, — сказал Жи-вунг.

Жюли массировала свои запястья, восстанавливая циркуляцию крови в венах.

— Их главарь — Гонзаг Дюпейрон, — сказала Франсина.

— Да, шайка Дюпейрона, — подтвердила Зое. — Они входят в группку Чёрных Крыс. Уже немало натворили, но полиция их не трогает, потому что дядя Гонзага — префект.

Жюли молчала, все ещё стараясь выровнять дыхание. Она переводила взгляд с одного Гнома на другого. Она узнала маленького чернявого Давида. Это он пытался помочь ей на математике. Других она помнила только по именам: Жи-вунг Азиат, Леопольд, великий молчальник, Нарцисс, женственный и лукавый, Франсина, стройная, белокурая и задумчивая, Зое, коренастая ворчунья, и Поль, благодушный толстяк.

Семь Гномов с задних рядов класса.

— Я ни в чьей помощи не нуждаюсь. Я отлично со всем справляюсь сама, — все ещё задыхаясь, проговорила Жюли.

— Ладно, так и будем знать, — воскликнула Зое. — Вот это неблагодарность! Пошли отсюда, ребята, пусть эта ломака сама выпутывается из своих неприятностей.

Шесть силуэтов двинулись в обратный путь. Давид задержался. Прежде чем уйти, обернулся и сказал Жюли:

— У нас завтра репетиция. Хочешь, приходи. Мы будем в маленьком зале, под кафетерием.

Не ответив, Жюли осторожно поправила *«Энциклопедию»* в рюкзаке, затянула ремешки и затерялась в узких, извилистых улочках.

40. ПУСТЫНЯ

Бесконечная плоская равнина, ни одна вертикальная линия не нарушает её.

103-й идёт на поиски обещанного пола. Сочленения его трещат, усики без конца пересыхают, он тратит много сил, нервно смазывая их дрожащими губами.

С каждой секундой он все сильнее ощущает атаки времени. 103-й чувствует витающую над ним постоянную угрозу смерти. Как коротка жизнь простолюдина! Он понимает, что, если не обретёт пола, весь его опыт пропадёт втуне. 103-й будет побеждён самым беспощадным из врагов — временем.

Двенадцать разведчиков, решивших сопровождать его в новой одиссее, поспевают за ним.

Муравьи останавливаются только тогда, когда мелкий песок под лапками начинает обжигать. При первом же облачке, закрывшем солнце, они снова пускаются в путь. Облака не подозревают о своём могуществе.

Мелкий песок, гравий, камни, горная порода, кристаллическая пудра непрерывно сменяют друг друга. Здесь есть все формы минеральной жизни, но ни одной растительной или животной. Встречая утёс, муравьи перелезают через него. Лужи песка, столь мелкого, что он кажется жидким, они огибают, боясь утонуть. Вокруг тринадцати муравьёв простираются панорамы то розовых сьерра, то светло-серых долин.

Но даже вынужденные кружить и огибать озера мелкого песка, они не теряют направления. У муравьёв есть два особых способа ориентироваться: феромонные тропинки и вычисление угла между линией горизонта и лучами солнца. Путешествуя по пустыне, они используют ещё и третий: орган Джонстона, состоящий из крошечных черепных каналов, наполненных чувствительными к магнитным полям земли частицами. Муравьи, где бы они ни оказались на этой планете, в состоянии определить своё местонахождение относительно невидимых магнитных полей. Они умеют также открывать подземные реки, так как солоноватая вода изменяет магнитные поля.

Пока орган Джонстона твердит им о том, что воды поблизости нет. Ни сверху, ни снизу, ни вокруг. И если они хотят дойти до большого дуба, надо идти вперёд по сияющей бескрайности.

Разведчики все больше хотят есть и пить. В этой белой и сухой пустыне дичи немного. К счастью, они чувствуют неподалёку присутствие жизни, столь им необходимой. Это пара скорпионов в разгаре любовной игры. Эти крупные паукообразные могут быть опасными, поэтому муравьи предпочитают подождать окончания их забав. Их будет легче убить, когда они устанут.

Игра начинается. Самка, которую можно узнать по пузатому животу и коричневому цвету кожи, хватая своего суженого щупальцами и сжимает так, как будто хочет станцевать с ним танго. Затем она толкает его вперёд. Самец, более светлого цвета и стройный, пятится назад, подчиняясь своей любушке. Прогулка тянется долго, муравьи следуют за ними, не решаясь помешать танцу. Самец останавливается, хватая сухую, убитую заранее муху и предлагает её своей скорпioniхе. Поскольку зубов у неё нет, дама щупальцами подносит еду к своему боку, снабжённому острыми краями. Превратив муху в лохмотья, скорпioniха начинает обсасывать её. Потом оба скорпиона берутся за лапки и возобновляют танец. Наконец, обнимая милую одним щупальцем, самец другим выкапывает пещеру. Помогая себе лапками и хвостом, он роет и выметает песок.

Когда пещера становится достаточно просторной для пары, скорпион-самец приглашает будущую подругу в свою новую квартиру. Они вместе зарываются в землю и закрывают пещеру. Тринадцать любопытных муравьёв раскапывают землю рядом, чтобы увидеть происходящее.

Подземный спектакль не лишён интереса. Живот к животу, жало к жалю, скорпионы совокупаются. Потом, поскольку от физических усилий самке захотелось есть, она убивает обессиленного самца, не медля проглатывает его и вылезает на поверхность одна, сытая и удовлетворённая.

Муравьи решают, что пришло время атаки. Скорпиониха, к боку которой пристали клочья самца, не желает драться с воинственно, как она понимает, настроенными муравьями. Она предпочитает убежать. И бежит она быстрее, чем муравьи. Тринадцать солдат сожалеют, что не убили её во время совокупления. Они стреляют вслед скорпионихе муравьиной кислотой, но панцирь у неё достаточно прочный, чтобы выдержать их натиск. Отряд утешается остатками самца-осеменителя.

Сами виноваты, будут знать, как подглядывать. Мясо у скорпиона невкусное, и они по-прежнему голодны.

Идти, и снова идти, идти без конца по бесконечной пустыне. Песок, скалы, щебень, опять песок. Вдруг вдаль они замечают неизвестный предмет сферической формы.

Яйцо.

Кто положил яйцо посреди пустыни? Может быть, это мираж? Да нет, настоящее яйцо. Насекомые окружают его, словно этот священный обелиск поставлен у них на дороге, чтобы дать им возможность помедитировать. Они приносятся. 5-й узнает запах. Это яйцо, снесённое птицей с юга, это яйцо гигиссы.

Гигисса похожа на белую ласточку с чёрным клювом и чёрными глазами. У неё есть особенность: самка сносит одно-единственное яйцо и не строит гнёзда. Она откладывает своё яйцо где попало. Действительно где попало. Чаще всего на раскачивающейся ветке, на каком-нибудь листочке-лепесточке на самой вершине скалы, нет чтобы поискать убежище в какой-нибудь нише или другом безопасном месте. И нечего удивляться тому, что хищники, которые его потом находят, ящерицы, птицы или змеи, радостно на него накидываются. А если уж не хищники, так просто порыва ветра достаточно, чтобы сбросить яйцо. Когда везунчик-птенец все-таки вылупится, сам чудом не опрокинувшись с яйцом вниз, он должен ещё и не свалиться с высоты — ветки или скалы. Но чаще птенец, пытаясь разбить скорлупу, падает вместе с яйцом и разбивается. Так что просто удивительно, что эти неумелые птицы ещё не вымерли.

Муравьи кружат вокруг необычного предмета.

На этот раз яйцо снесла гигисса ещё безопаснее обычного. Своего единственного и бесценного наследника она оставила в самом центре пустыни. Делайте с ним, что хотите.

«Хотя... может, это и не так глупо, — думает 103-й. — Если и есть на свете место, где яйцо не рискует упасть с высоты, то это как раз пустыня».

5-й бросается вперёд и ударяет головой о твёрдую поверхность скорлупы. Яйцо не поддаётся. Его атакует весь отряд. Глухой стук, как от градин, вот и весь итог. Ужасно обидно оказаться столь близко от такого большого запаса еды и питья и не иметь доступа к нему.

Вдруг 103-й вспоминает один научно-популярный фильм. В нём говорилось о принципе рычага и об использовании его для того, чтобы поднимать самые большие тяжести. Пришло время применить знания на практике. 103-й отправляет всех на поиски сухой веточки, чтобы подsunуть её под яйцо. Теперь все двенадцать должны забраться на другой её конец и образовать собой подобие грозди, которая послужит противовесом.

Отряд повинуется, повисает в воздухе, шевелит лапками, увеличивая силу толчков. 8-й, совершенно потрясённый идеей, действует энергичнее всех. Он подпрыгивает, чтобы увеличить свой вес. Дело подвигается: монументальное яйцо шатается, наклоняется, наклоняется, подобно Пизанской башне, и, наконец, падает набок.

Проблема: яйцо мягко опрокинулось на рыхлый песок и теперь, невредимое, спокойно

лежит на боку. 5-й испытывает определённые сомнения по поводу опыта Пальцев и решает вернуться к методам муравьёв. Он стискивает мандибулы, образуя из них острый треугольник, и, вращая головой справа налево, как бурав у дрели, вонзается в скорлупу. Скорлупа прочна: сотня движений оставила лишь тонкую светлую царापину на поверхности. Сколько усилий ради такого ничтожного результата! Живя среди Пальцев, 103-й привык к тому, что все происходит немедленно, и потерял терпение и упорство, которыми по-прежнему обладают его товарищи.

5-й обессилен. Его сменяет 13-й, потом 12-й, за ним остальные, по очереди. Все друг за другом превращают свои головы в дрель. Проходит много десятков минут, прежде чем появляется маленькая трещинка и сквозь неё брызжет гейзер прозрачного желе. Муравьи набрасываются на питательную жидкость.

Довольный 5-й покачивает усиками. Может быть, изобретения Пальцев и очень интересны, но практика муравьёв уже доказала свою эффективность. 103-й откладывает спор. Сейчас у него есть занятие поинтереснее. Он засовывает голову в отверстие, чтобы тоже глотнуть сочной желтоватой субстанции.

Почва настолько горяча и суха, что яйцо гигиссы превращается на песке в белый омлет. Но муравьи слишком голодны для того, чтобы замечать подобные чудеса.

Они едят, пьют и танцуют в яйце.

ЯЙЦО: яйцо птицы — шедевр природы. Для начала восхитимся структурой скорлупы. Она составлена из треугольных кристаллов минеральных солей. Острые концы треугольников направлены внутрь яйца. Если кристаллы подвергаются внешней атаке, они начинают давить друг на друга, сокращают расстояние между собой, и скорлупа становится только прочнее. Как малые арки в романских соборах: чем больше тяжесть, тем крепче конструкция. И, напротив, если давление происходит изнутри, треугольники распадаются и структура легко разрушается.

Таким образом, яйцо снаружи достаточно прочно, чтобы выдержать вес матери-несушки, и одновременно хрупко изнутри настолько, чтобы позволить птенцу разбить скорлупу и выйти.

Есть у яйца и другие достоинства. Чтобы эмбрион птицы правильно развивался, он должен всегда находиться поверх желтка. Иногда яйцо, по каким-то причинам, переворачивается. Не страшно: желток снабжён двумя эластичными нитями, сбоку прикреплёнными к мембране, и находится в подвешенном состоянии. При передвижении яйца срабатывает эффект пружины, и нужное положение эмбриона восстанавливается.

Снесённое яйцо испытывает резкое охлаждение, влекущее за собой разделение внутренних мембран и образование воздушного мешка. Мешок позволит птенцу дышать несколько секунд, собирая силы для того, чтобы разбить скорлупу и даже запищать, зовя мать в случае непредвиденных трудностей.

Эдмонд Уэллс. «Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том III.

42. ИГРА «ЭВОЛЮЦИЯ»

Когда прозвенел звонок, судебно-медицинский эксперт готовил себе на кухне судебно-медицинского института омлет с приправами. Комиссар Максимильен Линар пришёл узнать причины смерти Гастона Пинсона.

— Хотите немного омлета? — предложил врач.

— Нет, спасибо, я уже пообедал. Вы провели вскрытие Гастона?

Врач быстро проглотил омлет, запил его стаканом пива, потом наконец накинул белый халат и повёл полицейского в лабораторию.

Он вынул дело.

Эксперт сделал сложный анализ крови усопшего и заметил наличие очень сильной аллергической реакции. Он обнаружил красное пятно на шее трупа и сделал вывод, что причиной смерти явился... укус осы. Гибель от укуса осы не редкость.

— Достаточно того, чтобы оса случайно укусила в вену, напрямую связанную с сердцем, и её яд становится смертельным, — заявил врач.

Объяснение удивило полицейского. Таким образом, то, что он посчитал убийством, оказывалось простым несчастным случаем в лесу. Банальным укусом осы.

Но пирамида-то оставалась. Даже если речь шла о простом совпадении, странно умереть от укуса осы у подножия самовольно возведённой в самом центре охраняемого леса пирамиды.

Полицейский поблагодарил судебно-медицинского эксперта за его расторопность и вышел на улицу, наморщив лоб в раздумье.

— Добрый день, месье!

Трое молодых людей подходили к нему. Максимильен узнал среди них Гонзага, племянника префекта. Лицо его было покрыто синяками и кровоподтёками, на щеке виднелся след от укуса.

— Ты подрался? — спросил полицейский.

— Немножко! — воскликнул Гонзаг. — Мы набили морды целой банде анархистов.

— Ты продолжаешь интересоваться политикой?

— Мы входим в состав Чёрных Крыс, авангард молодёжного движения нового ультраправого направления, — уточнил другой мальчик, протягивая ему листовку.

«Иностранцы, долой!» — прочёл полицейский и пробормотал:

— Понятно, понятно.

— Наша проблема в том, что нам не хватает оружия, — поведал третий соратник. — Был бы у нас хромированный револьвер, такой, как у вас, месье, многое стало бы «политически» проще для нас.

Максимильен увидел, что его перевязь высовывается из-под распахнутого пиджака, и быстро застегнул пуговицы.

— Ты знаешь, револьвер ничего не значит, — заметил он. — Это только инструмент. Что важно — это мозг, он контролирует нерв на кончике нажимающего на спуск пальца. Очень длинный нерв...

— Ну, не самый же длинный, — прыснул один из троих мальчиков.

— Ладно. До свидания, — заключил полицейский, решив, что таков, наверное, «молодёжный юмор».

Гонзаг задержал его.

— Месье, вы знаете, мы — за порядок, — убеждённо произнёс он. — Если однажды вам понадобится помощь, не сомневайтесь, подайте нам знак.

Гонзаг протянул полицейскому визитную карточку, которую Максимильен опустил в карман.

— Мы всегда готовы помочь полиции, — ещё раз крикнул ему лицеист.

Комиссар пожал плечами. Времена менялись. В молодости он никогда бы не позволил себе окликнуть полицейского, настолько эта должность внушала ему почтение. А эта совершенно неподготовленная молодёжь вызывается поиграть в добровольных сыщиков! Он ускорил шаг, торопясь к жене и дочке.

На главных улицах Фонтенбло суетился народ. Мамаши толкали коляски, нищие требовали монеток, женщины везли тележки с продуктами, дети прыгали на одной ножке, усталые после трудового дня мужчины спешили домой, люди рылись в вонючих, переполненных по случаю забастовки мусорных баках.

Этот запах тухлятины...

Максимильен зашагал быстрее. В стране действительно не хватало порядка. Человеческие существа рассыпались во все стороны, безо всякой организации, не имея никакой общей цели.

Как леса завоёвывали долины, так и хаос воцарялся в городах. Полицейский подумал о том, что у него прекрасная профессия, целью которой является уничтожение сорняков, защита больших деревьев, выравнивание высоких. В общем-то работа садовника. Поддерживать порядок в жизненном пространстве, добиваясь максимума чистоты и безопасности.

Придя домой, полицейский покормил рыбок и заметил, что самка гуппи разродилась и теперь гонялась за своими мальками, пытаясь их сожрать. В аквариуме не существует морали. Некоторое время он созерцал пылающие дрова в камине, потом жена позвала его ужинать.

Меню вечера: свиная голова под соусом с зеленью, уксусом, чесноком и яйцами и салат из цикория. За столом говорили о вечно неблагоприятных прогнозах погоды, о вечно дурных политических новостях, порадовались тем не менее хорошим оценкам Маргерит в школе и чудесной кухне мадам Линар.

После еды, пока жена убирала грязные тарелки в посудомоечную машину, Максимильен попросил Маргерит объяснить ему, как играть в эту странную компьютерную игру, которую она ему подарила на день рождения, в «Эволюцию». Дочь ответила, что должна закончить с домашним заданием. Будет проще, если она установит ему другую игру: «Личность».

«Личность» — это программа, способная выстраивать фразы, как будто она поддерживает беседу. Фразы произносятся затем звуковым синтезатором и передаются двумя динамиками, расположенными по бокам экрана. Маргерит показала отцу, как запустить программу и ушла.

Полицейский уселся перед гудящим компьютером. На экране показался большой глаз.

— Моё имя Личность, но вы можете назвать меня так, как вам понравится, — объявил компьютер через маленькие динамики. — Хотите поменять моё имя?

Развеселившись, полицейский пригнулся к встроенному микрофону.

— Я дам тебе шотландское имя: Мак-Явель.

— Отныне я — Мак-Явель, — произнёс компьютер. — Чего вы хотите от меня?

И глаз циклопа похлопал своим веком.

— Чтобы ты научил меня играть в игру «Эволюция». Ты её знаешь?

— Нет, но я могу подключиться к её инструкции по применению, — ответил одинокий глаз.

Перелистав несколько файлов, видимо, для ознакомления с правилами, глаз Мак-Явеля превратился в маленькое окошечко в углу экрана и запустил игру.

— Надо начать с создания племени. Программа Мак-Явеля была не просто инструкцией к игре «Эволюция». Это был настоящий помощник. Он подсказал полицейскому, куда поселить

виртуальное племя — лучше рядом с виртуальной рекой для того, чтобы иметь в распоряжении виртуальную пресную воду. Деревня не должна располагаться ни слишком близко к берегу моря (это поможет избежать пиратских нападений), ни слишком высоко в горах (тогда торговые караваны смогут легко проходить через неё).

Максимильен слушал советы Мак-Явеля, и вскоре на экране появилась маленькая деревня, представленная в перспективе и объёме, с соломенными крышами, над которыми поднимались прямые столбики дыма. Маленькие, хорошо нарисованные жители входили в двери и выходили из них, видимо произвольно прерывая произвольные занятия. Все было очень похоже на правду.

Мак-Явель показал Максимильену, как сообщить племени о выгоде сооружения стен из самана, глиняного кирпича, и изготовления вил с наконечниками, закалёнными огнём. Конечно, на экране происходила лишь имитация, но при каждом вмешательстве Максимильена деревня действовала все активнее, сено складывалось в риги, первопроходцы отправлялись строить соседние селения, и — знак процветания — население увеличивалось.

В этой игре после каждого политического, военного, сельскохозяйственного или промышленного нововведения достаточно было нажать кнопку «время», и проходило десять лет. Максимильен таким образом мог сразу же увидеть непосредственный результат своего шага в будущем. Он следил за успехами своего мира по таблице на краю экрана, где указывалось число жителей, их благосостояние, продуктовые запасы, сделанные ими научные открытия и ведущиеся разработки.

Максимильену удалось создать маленькую цивилизацию, которую он направил по пути развития искусств в египетском стиле. Он даже сумел построить пирамиды. Игра, кстати, убедила его в пользе создания памятников, возведение которых раньше представлялось ему бессмысленной тратой денег и сил. Памятники создают культурную самобытность народа. Более того, они привлекают интеллектуальную элиту соседних народов, играют роль символа и сплачивают вокруг себя членов общества.

Увы! Максимильен не создал гончарного промысла и не предусмотрел резерва зёрна в герметично закрывающихся сосудах. Продуктовые запасы его народа сожраны насекомыми типа долгоносиков. Ослабленная голодом армия не смогла отразить нападение агрессоров — нумидийцев, пришедших с юга. Надо приниматься заново.

Игра начала ему нравиться. Детей нигде не учат тому, что гончарный промысел жизненно необходим. Цивилизация может погибнуть из-за того, что не обзавелись плотно закрытыми кувшинами, защищающими продукты от долгоносиков или мучных хрущаков.

Все виртуальное «население» Максимильена, почти шестьсот человек, умерло, но его советчик Мак-Явель сообщил ему, что можно начать новую партию игры с новым населением. В «Эволюции» вам давалось право на черновые цивилизации, для тренировки.

Прежде чем нажать на кнопку, которая запустит игру, комиссар посмотрел на изображённую на маленьком цветном экране широкую долину с двумя покинутыми пирамидами. Он задумался.

Пирамида не была безобидной постройкой. Она была серьёзной проблемой.

Что же таила в себе настоящая пирамида из леса Фонтенбло?

43. «КОКТЕЙЛЬ МОЛОТОВА»

Тихая пристань. Жюли, порядочно поплутавшая на обратном пути, теперь удобно полулежала под одеялом в своей постели и читала «Энциклопедию относительного и абсолютного знания». Она хотела понять, о какой именно революции говорил этот Эдмонд Уэллс.

Мысль писателя была ей неясна. Он говорил то о «революции», то об «эволюции», но всегда «без насилия» и «без показухи». Он хотел изменить менталитет людей незаметно, почти тайно.

Все это было по меньшей мере противоречиво. Революциям было посвящено много страниц, и нужно было ещё немало их перевернуть, чтобы наконец выяснить, что ни одна из них ни к чему не приводила. Как будто революция роковым образом либо проигрывала, либо загнивала.

Жюли заметила также, что каждый раз, открывая книгу, она находила что-нибудь интересное, и среди прочего — несколько способов приготовления «коктейля Молотова». Они были разными. Одни взрывались благодаря тряпичной пробке, другие, более действенные, начинали действовать от пороховой лепёшки, которая, разбиваясь, высвобождала воспламеняющиеся химические компоненты.

«Наконец-то практические советы по совершению революции», — подумала она. Эдмонд Уэллс давал точный вес ингредиентов «коктейлей». Оставалось только приготовить.

Она почувствовала боль в помертвевшем колене. Приподняла повязку и осмотрела рану. Она чувствовала каждую косточку, каждую мышцу, каждый хрящ. Никогда ещё её колено не было таким существующим. Она громко произнесла:

— Здравствуй, моё колено. И добавила: — Это старый мир сделал тебе больно. Я отомщу за тебя.

Жюли пошла в кладовку, где лежали продукты и садовые инструменты. Она нашла там все необходимые составляющие для изготовления зажигательной бомбы. Взяла стеклянную бутылку. Налила в неё хлорат натрия, бензин и остальные химические вещества. Шёлковый шарф, украденный у матери, послужил пробкой. «Коктейль» готов.

Жюли прижала к груди свою маленькую самодельную бомбу. Кто сказал, что крепость лица никогда ей не сдастся?

44. ВРЕМЯ ПЕСКОВ

Они обессилены. Разведчики уже давно ничего не ели и начинают испытывать первые муки от недостатка влаги: усики костенеют, сочленения лапок теряют подвижность, глазные яблоки покрываются плёнкой пыли, но нельзя тратить слюну, чтобы их промыть.

Тринадцать разведчиков спрашивают у песчаной ногохвостки дорогу к большому дубу. Не успеваешь та ответить, как они съедают её. Бывают моменты, когда сказать «спасибо» становится непосильной роскошью. Разведчики обсасывают даже сочленения лапок насекомого, лишь бы не упустить ни одной молекулы влаги.

Если пустыня простирается ещё далеко, они погибнут. 103-й уже с трудом переставляет лапки.

Чего бы они не отдали сейчас за полкапли росы! Но уже несколько лет, как температура на планете взмыла ввысь стрелой. Весной жарко, летом — невыносимый зной, осенью тепло, и только зимой ещё немного чувствуются холод и влажность.

К счастью, разведчики знают, как надо идти, чтобы при этом не страдали концы лапок. Это изобретение муравьёв из города Йеди-бей-накан. Надо двигаться, используя всего четыре лапки из шести, а потом их поменять. Таким образом, у тебя всегда есть в запасе две свежие, оправившиеся после жгучей земли лапки.

103-й, всегда интересовавшийся новыми породами, восхищается акарьенами, крошечными паучками, этими «насекомыми из насекомых», спокойно живущими в пустыне вдали от своих врагов. Во время жары они зарываются в землю, а когда наступает прохлада — вылезают на поверхность. Муравьи решают подражать им:

«Они для нас такие же крохотные, как мы для Пальцев, тем не менее в этом испытании они учат нас выживанию».

103-й лишний раз убеждается, что не стоит презирать ни превосходящие вас, ни уступающие вам размеры.

Мы стоим на полпути от акарьенов к Пальцам.

Температура понижается, и муравьи вылезают из песчаных норок.

Перед ними бежит красный жесткокрылый жук. 15-й хочет прицелиться, но 103-й говорит ему, что жука убивать бесполезно. Он красный не зря. В природе все, что бросается в глаза, либо ядовито, либо опасно, это надо знать.

Насекомые ведь не сумасшедшие. Они не будут выставляться всем напоказ в ярко-красном цвете только для того, чтобы привлечь врагов. А уж если они это делают, то это как раз чтобы предупредить весь мир о том, что с ними лучше не ссориться.

14-й отвечает, что некоторые насекомые принимают красную окраску, чтобы все подумали, что они ядовитые, а на самом деле это не так.

7-й добавляет, что видел параллельные и дополнительные эволюции. Два вида бабочек имеют совершенно одинаковый рисунок на крыльшках. У одних крыльшки ядовитые, у других — нет. Но неядовитый вид защищён точно так же, как и ядовитый: птицы узнают рисунок и, считая их ядовитыми, не трогают.

103-й тоже думает, что, если сомневаешься, лучше не рисковать жизнью.

Огорчённый 15-й даёт жуку убежать. 14-й, более упрямый, догоняет, убивает жука и пробует его на вкус. Все ждут смерти 14-го, но ничего подобного. Жук использовал мимикрию, чтобы все поверили в то, что он ядовит.

Муравьи лакомятся красным насекомым.

Продолжая путь, они рассуждают о значении мимикрии и смысле цвета. Почему некоторые

живые существа окрашены, а другие — нет?

Посреди знойной пустыни дискуссия о мимикрии кажется нелепой 103-му. Он думает о том, что это, наверное, дурное влияние, убийственный результат общения с Пальцами. Но нельзя не признать и то, что, хотя разговаривать и значит тратить влагу, разговоры отвлекает от боли и усталости.

16-й рассказывает о том, что видел, как гусеница приняла вид птичьей головы, чтобы отпугнуть птицу. 9-й утверждает, что однажды муха придала себе форму скорпиона, чтобы спастись от паука.

— *А у неё была полная метаморфоза или неполная?* — спрашивает 14-й.

У насекомых это частая тема беседы. О метаморфозах любят поговорить. Есть разные мнения о насекомых с полной метаморфозой и неполной. У насекомых с полной метаморфозой — четыре фазы развития: яйцо, личинка, куколка, взрослое насекомое. К ним относятся бабочки, муравьи, осы, пчелы, а также блохи и божьи коровки. У неполной метаморфозы три фазы: яйцо, личинка, взрослое насекомое. Они рождаются в виде миниатюрной взрослой особи, и трансформация происходит поэтапно. Таковы саранча, уховёртки, термиты и тараканы.

Неизвестно почему, но у насекомых с полной метаморфозой есть какое-то пренебрежение по отношению к насекомым с неполной. Постоянно подразумевается, что последние, не пережив фазы куколки, не совсем оформились, не стали полноценными. Это дети, превращающиеся в старых детей, а не во взрослых.

— *Конечно, это была муха с полной метаморфозой,* — отвечает 9-й так, как будто это само собой разумеется.

103-й идёт и смотрит на солнце, медленно заваливающееся за горизонт в буйстве жёлтых и оранжевых красок. Голова его полна странных мыслей, может быть, это из-за перегрева? А солнце — животное с полной метаморфозой? А у Пальцев полная метаморфоза? Почему природа именно его, и никого другого, заставила вступить в контакт с этими монстрами? Почему на одно существо ложится такая огромная ответственность?

И впервые его посещают сомнения в собственных планах. Приобретать пол, стараться ради развития мира, создавать союз между Пальцами и муравьями — есть ли во всем этом какой-нибудь смысл? А если да, то почему природа идёт такими случайными путями к своей цели?

ОСОЗНАНИЕ БУДУЩЕГО: что отличает человека от других видов животных? Большой палец руки, перпендикулярный остальным? Язык? Переразвитый мозг? Прямохождение? Может быть, всего лишь чувство будущего. Все животные живут в настоящем и прошлом. Они анализируют происходящее и сравнивают его с уже пережитым. Человек же, напротив, пытается предвидеть то, что произойдёт. Это стремление приручить будущее, несомненно, появилось у человека в эпоху неолита, когда он начинает заниматься земледелием. Человек постепенно отказывается от собирательства и охоты, ненадёжных источников пропитания, и хочет предвидеть будущие урожаи. Естественно, что предвидение будущего становится субъективным, у каждого человека — своим. Люди принялись вырабатывать язык для описания этого разного будущего. С осознанием будущего появился язык, который может о нем говорить.

Древние языки располагали небольшим словарным запасом и простейшими правилами для описания будущего, в то время как современные языки беспрестанно совершенствуют правила грамматики будущего времени.

Чтобы увериться в будущих успехах, логично было изобрести технологии. Вот где истоки зубчатой передачи.

Богом люди называют то, что ускользает от их власти над будущим. Но поскольку технологии позволяют контролировать будущее все лучше и лучше, Бог постепенно исчезает, заменяется метеорологами, футурологами и всеми остальными, кто считает, что благодаря машинам может знать, каково будет завтра и почему оно будет таким, а не другим.

Эдмонд Уэллс. «Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том III.

46. ЗНАЧЕНИЕ ГЛАЗ

Максимильен Линар долго стоял молча, созерцая пирамиду. Он снова нарисовал её в своём блокноте, чтобы лучше представлять её форму и неуместность её посреди этого леса. Линар тщательно сверил свой рисунок, чтобы убедиться, точно ли передано то, что он видит перед собой. В поселе полиции комиссар уверял учеников, что, если долго рассматривать кого-то или что-то, в конце концов получаешь массу бесценной информации. И чаще всего её хватает для раскрытия тайны.

Он называл этот феномен «синдромом Иерихона». Вместо того чтобы скакать вокруг объекта, трубя в трубы и ожидая, что тот сам откроется, Линар рисовал его и осматривал со всех сторон.

Он использовал этот метод, добиваясь своей жены, Синтии. А та была из спесивых красавиц и отказывала всем воздыхателям.

Максимильен заметил её на показе мод, где она была, без сомнений, самой «зажигательной», а значит, самой желанной для всех присутствовавших мужчин. Он долго наблюдал за Синтией. Сначала этот пристальный, пронизывающий взгляд смутил молодую женщину, потом заинтриговал. Просто глядя на неё, Максимильен заметил много разных мелочей, которые позволили ему впоследствии настроиться на её волну. На Синтии был медальон с её знаком зодиака: Рыбы, мочки ушей были воспалены от серёжек, запах её духов был очень сильным.

За столом Линар уселся рядом с ней и завёл разговор об астрологии. Он говорил о значении символов, о разнице между знаками воды, земли и огня. Синтия, сперва недоверчивая, наконец стала совершенно естественно высказывать своё мнение. Потом они заговорили о серьгах. Он сказал о новом противоаллергенном средстве, позволяющем носить украшения из самых разных сплавов. Разговор перешёл на её духи, макияж, диету, зарплату. «В первое время, чтобы собеседник чувствовал себя комфортно, надо действовать на его территории».

Поговорив на известные ей темы, он атаковал неизвестные: редкие фильмы, экзотическую кухню, книги с ограниченным тиражом. Во время этого второго этапа его амурная стратегия была так же проста, он использовал давно отмеченный им парадокс: красивые женщины любят, когда им говорят об их уме, умные — об их красоте.

На третьем этапе он завладел её рукой и принялся рассматривать линии на ладони. Он не знал ничего, но сказал то, что хочет слышать любой человек: у неё особая судьба, ей предстоит великая любовь, она будет счастлива, у неё будет двое детей, мальчики.

Наконец, на последнем этапе, чтобы укрепить свою победу, он притворно заинтересовался лучшей подругой Синтии, что тут же дало результат, пробудив её ревность. Через три месяца они поженились.

Максимильен разглядывал пирамиду. Этот объёмный треугольник покорить труднее. Он подошёл к ней, потрогал, погладил.

Ему показалось, что он услышал шум внутри сооружения. Убрав блокнот, Линар приложил ухо к зеркальной стене. Он различил голоса. В этой странной постройке, без сомнения, находились люди. Полицейский продолжал прислушиваться, как вдруг раздался выстрел.

Линар удивлённо отпрянул. Чувство, в основном используемое полицейскими — зрение, Максимильен не любил делать выводы, полагаясь на слух. Но он был уверен в том, что звук выстрела донёсся из пирамиды. Он снова приник к зеркалу и на этот раз услышал крики, за ними скрип автомобильных колёс. Возня. Классическая музыка. Аплодисменты. Ржание лошадей. Треск пулемёта.

47. КАЛОПТЕРИКС — ПОСЛЕДНЯЯ НАДЕЖДА

Тринадцать муравьёв изнемогают. Они больше не выделяют ни слова-феромона. Надо экономить влагу, необходимую для общения.

103-й вдруг видит движение на фоне бескрайнего неба. Калоптерикс. Эти большие стрекозы, дошедшие до нас из глубины времени, сообщают муравьям то же, что чайки заблудившимся морякам: значит, близко земля, покрытая растительностью. Солдаты ободряются. Они протирают глаза, чтобы прояснить зрение и лучше следить за движением калоптерикса.

Стрекоза снижается, почти задевая их своими четырьмя крыльшками. Муравьи останавливаются, разглядывая величественное насекомое. Крыльшки покрыты прожилками, в каждом из крылышек перелagается и пульсирует кровь. Стрекоза и вправду королева полёта. Она не только может останавливаться в воздухе, но и единственная из насекомых умеет на своих четырех самостоятельных крыльшках летать задом.

Огромная тень приближается, застывает, снова летит, кружит над муравьями. Кажется, она хочет указать им путь к спасению. Её уверенные движения значат, что она несколько не страдает от недостатка влаги.

Муравьи следуют за ней. Они чувствуют, что воздух немного свежеет. Фриз с тёмной щетиной появляется на вершине лысого холма. Трава. Трава! Там, где трава, там жизнь, то есть вода и прохлада. Они спасены.

Тринадцать муравьёв несутся к пастбищу. Они пожирают побеги и каких-то насекомых, слишком маленьких, чтобы иметь право на жизнь. Возвышаясь над травой, их алчущим усикам предлагают себя цветы: мелиссы, нарциссы, примулы, гиацинты, цикламены. С кустов свисает черника, а к тому же ещё бузина, букс, шиповник, орехи, боярышник, кизил. Это рай.

Они никогда не видели столь пышной растительности. Фрукты, цветы, много мелкой кишачей живности, не успевающей скрыться от выстрелов муравьиной кислоты. Чудесный воздух напоён запахами пыльцы, земля усеяна прорастающими семенами. Все дышит изобилием.

Муравьи объедаются, заполняя до отказа переваривающие и социальные зобы. Им все кажется вкусным. Крайности голода и жажды придают еде необыкновенный вкус. В самом ничтожном зёрнышке одуванчика — тысяча привкусов, от сладкого до солёного, переходящего в горечь. Даже роса, которую они пьют из пестиков цветов, и та полна вкусовых оттенков, которым раньше они не придавали значения.

5-й, 6-й и 7-й передают друг другу тычинки, чтобы только насладиться полизав их или пожевав, как жевачку. Кусочек корешка — изысканное блюдо. Муравьи купаются в пыльце маргариток, пьянея и бросаясь жёлтыми шариками, как снежками.

Они выделяют искрящиеся феромоны радости, которые щекочутся, когда их воспринимаешь.

Муравьи едят, пьют, моются, снова едят, снова пьют и снова моются. Наконец, уставшие, они катаются в траве и замирают в ней, счастливые, что они живые.

Тринадцать воинов прошли большую белую северную пустыню и остались невредимыми. Они насытились и успокоились, теперь они собираются вместе и разговаривают.

Умиротворённый 10-й просит, чтобы 103-й ещё рассказал им о Пальцах. Возможно, он боится, что старый разведчик умрёт, не успев открыть все свои секреты.

103-й вспоминает об ошеломляющем изобретении Пальцев: трехцветных огнях. Это сигналы, которые они устанавливают на пути, чтобы избежать заторов. Когда сигнал загорается

зелёным цветом, все идут по дороге. Когда зелёный цвет переходит в красный, замирают на месте, словно мёртвые.

5-й говорит, что это могло бы стать отличным средством остановить наступление Пальцев. Достаточно разместить повсюду красные сигналы. Но 103-й возражает. Есть Пальцы, не подчиняющиеся сигналам. Они ходят, как им вздумается. Надо придумать что-то другое.

— А юмор, это что? — спрашивает 10-й.

103-й рад бы рассказать товарищам пальцевские шутки, но он их не сохранил, поскольку не понял. Он лишь смутно помнит какую-то историю про эскимоса на льду, но 103-й так и не узнал, что такое эскимос, как, впрочем, и что такое лёд.

Хотя... Одну шутку он, кажется, все-таки может привести. Про муравья и стрекозу.

Стрекоза поёт все лето и приходит просить еды у муравья. Тот отвечает, что нет, он ничего не хочет ей давать.

В этой части рассказа двенадцать разведчиков недоумевают, почему муравей до сих пор не проглотил стрекозу. 103-й отвечает, что вот это-то и есть шутка. Ничего в ней непонятно, но она вызывает у Пальцев спазмы. 10-й просит закончить странную историю.

Стрекоза уходит и умирает от голода.

Двенадцать муравьёв благодарят за рассказ и находят конец печальным. Потом задают вопросы, надеясь уловить смысл. Почему стрекоза поёт все лето, в то время как все знают, что они поют, только чтобы привлечь сексуального партнёра, а после совокупления умолкают? Почему муравей не забирает труп умершей от голода стрекозы, чтобы разрезать его на кусочки и сделать из них паштет?

Внезапно дискуссия прерывается. Маленький отряд чувствует, как трепещет трава, съёживаются лепестки цветов, а сок малины изменяет запах. Насекомые вокруг прячутся. В воздухе витает опасность. Что происходит? Всех так напугали тринадцать рыжих лесных муравьёв?

Нет. Глухая тревога сотрясает листву. Пахнет страхом. Небо темнеет. Только полдень, жарко, а солнце, словно уступая грозному сопернику, бросает несколько последних лучей и прячется.

Тринадцать муравьёв навостряют усики. Высоко в небе мчится тёмное облако. Сначала им кажется, что облако несёт бурю. Но, нет. Ни ветра, ни дождя. 103-й думает, что, может быть, сюда случайно добрались летающие Пальцы, но и это не так.

Хотя муравьи не очень хорошо видят вдаль, но постепенно понимают, что значит это длинное облако в вышине. Раздаётся жужжание. Резкий запах заполняет сегменты усиков. Клочкотое облако в небе — это...

Саранча!

Облако странствующей саранчи!

В Европе их обычно не бывает. Известно было несколько нашествий на Испанию, Францию, Лазурный Берег, но с тех пор как потеплело, существа юга легко пересекают Луару. Монокультурное земледелие существенно увеличило размеры грозных орд.

Странствующая саранча! Насколько одна саранча прелестное насекомое, очень грациозное, гладкое, блестящее и чудесное на вкус, настолько во множестве они представляют собой худшее из бедствий.

Когда саранча одинока, она сероватого цвета и ведёт себя очень скромно. Но едва встречается с сородичами, меняет цвет на красный, потом на розовый, потом на оранжевый и, наконец, на жёлтый. Шафранный цвет означает пик фазы сексуального возбуждения. Саранча пожирает все, что видит, и совокупляется со всеми самками, которых встречает. Её половое исступление так же поражает, как и неистовый аппетит. Чтобы удовлетворить и то и другое, она

готова разрушить все на своём пути.

Одинокая саранча бодрствует по ночам и прыгает. Полчища саранчи бодрствуют днём и летают. Одинокая саранча, приспособленная к жаре и засухе, странствует по пустыням. Орда саранчи отлично переносит влажность и бесстрашно атакует поля, кустарники и леса.

Может быть, это и есть то, что телевизор Пальцев называет «властью толпы»? Количество сметает запреты, уничтожает условности, забывает об уважении к чужим жизням.

5-й приказывает отступить, но все понимают, что уже слишком поздно.

103-й смотрит на приближающееся смертоносное облако.

Их миллиарды, и через несколько секунд они ударятся о землю. Тринадцать бел-о-канцев поднимают усики, заинтересованные и оробевшие.

Тёмная туча кружит в небе, словно хочет сначала поразить страхом всех, кто трепещет внизу. Воздушные потоки сворачивают массу в воронку, подобную ленте Мёбиуса. Некоторые из разведчиков надеются, сами в это не веря, что они ошиблись, и перед ними всего-навсего облако пыли, просто очень крупной.

Тёмная туча вытягивается и выписывает в небе тайные знаки, предвещающие гибель.

Внизу все застыли. Все ждут. Прежде всего необычного решения от 103-го, столь богатого опытом.

У 103-го нет решения. Он проверяет запас муравьиной кислоты в брюшке и думает, сколько саранчи он поразит этим количеством.

Облако, клубясь водоворотом, медленно снижается. Все яснее слышен треск мириад жадных мандибул. Травы пригибаются, они инстинктивно понимают, что прожорливая саранча несёт им смерть.

103-й замечает, что небо продолжает темнеть. Тринадцать муравьёв образуют кружок, брюшки их нацелены и готовы стрелять.

Так и есть, подобно разведчикам-парашютистам огромной летучей армии, первые особи приземляются с неловкими прыжками. Но быстро утверждаются на лапках и начинают пожирать все, что видят вокруг.

Они едят и совокупаются.

Как только самка слетает вниз, самец прыгает на неё, чтобы совокупиться. Едва совокупление заканчивается, самка начинают нести яйца в землю с изумляющим и страшным обилием. Мощное оружие саранчи — её способность к массовому распространению яиц.

Посильнее муравьиной кислоты и страшнее розовых кончиков Пальцев половые органы саранчи!

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА: шестимесячный зародыш с оформившимися членами уже человек? Если да, то человек ли трехмесячный зародыш? А едва оплодотворённая яйцеклетка — человек? Больной в коме, не приходивший в сознание шесть лет, с бьющимся сердцем и дышащими лёгкими, ещё человек?

Человеческий мозг, живым помещённый в питательную среду, ещё человек?

Компьютер, способный воспроизвести все механизмы человеческого мышления, достоин называться человеческим существом?

Робот, внешне подобный человеку и снабжённый мозгом, подобным человеческому, человеческое существо?

Человеческий клон, сфабрикованный генетическими манипуляциями для пополнения запасов органов, надобность в которых может испытать его брат-близнец, человеческое существо?

Ничто не очевидно. В античные времена и вплоть до средних веков женщины, иностранцы и рабы не считались человеческими существами. Обычно только законодатели могут определить, кто является, а кто не является человеческим существом. Ему в помощь надо бы дать биологов, философов, программистов, генетиков, церковников, поэтов, физиков. Потому что, честно говоря, понятие «человеческое существо» определить становится все труднее и труднее.

Эдмонд Уэлс. «Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том III.

49. ПЕРЕХОД К РОКУ

Перед большой тяжёлой дубовой дверью заднего входа в лицей Жюли сняла рюкзак. Она достала приготовленный ею «коктейль Молотова». Пощёлкала зажигалкой, но вместо пламени разлетелись только искры: кремень стёрся. Жюли долго рылась в рюкзаке и наконец нашла спички. Теперь ничего не мешало ей разбить свой «коктейль Молотова» о дверь. Она зажгла спичку и посмотрела на маленький оранжевый огонёк, с которого все и начнётся.

— Ой, ты пришла, Жюли?

Она машинально спрятала зажигательную бомбу. Кто ещё опять не даёт ей спокойно все поджечь? Она обернулась. Снова Давид.

— В конце концов ты все-таки решилась прийти послушать нашу музыку? — таинственно спросил он.

К ним подходил заподозривший что-то сторож.

— Точно, — ответила она, засовывая бутылку в рюкзак поглубже.

— Тогда иди за мной.

Давид проводил Жюли в маленький зал под кафетерием, где «Семь Гномов» занимались своими делами. Кое-кто уже настраивал инструменты.

— Гм, к нам посетитель... — произнесла Франсина. Помещение было маленьким. В него едва влезла сцена, уставленная музыкальными инструментами. Стены были увешаны фотографиями группы, выступающей на днях рождения и на танцах.

Жи-вунг закрыл дверь, чтобы их никто не беспокоил.

— Мы боялись, что ты не придёшь, — лукаво сказал Нарцисс Жюли.

— Я только хочу посмотреть, как вы играете, и все.

— Нечего тебе здесь делать. Нам туристы не нужны! — воскликнула Зое. — Мы — рок-группа, либо ты с нами играешь, либо уходишь.

То, что её отвергали, вызвало в девушке со светло-серыми глазами желание остаться.

— Вам повезло, что вы нашли себе в лицее такой уголок, — вздохнула она.

— Нам где-то надо репетировать, — объяснил ей Давид. — И директор на этот раз действительно помог.

— Просто хотел показать, что в его лицее развивается культура, — добавил Поль.

— В классе думают, что вы отделиться от всех хотите, — сказала Жюли.

— Да мы знаем, — сказала Франсина. — Нас это не колышет. Чтобы жить счастливо, надо жить скрытно.

Зое подняла голову.

— Ты не поняла? — настойчиво сказала она. — Мы репетируем и хотим остаться одни. Тебе нечего здесь делать.

Жюли не сдвинулась с места. Жи-вунг миролюбиво вмешался.

— Ты на каком-нибудь инструменте играть умеешь? — спросил он.

— Нет. Но я училась пению.

— И что ты поешь?

— У меня сопрано. Я в основном пою арии из Перселла, Равеля, Шуберта, Форе, Сатье... А вы какую музыку играете?

— Рок.

— Просто рок ничего не значит. Какой рок? Поль заговорил:

— Мы восходим к «Genesis» начального периода, альбом «Nursery Crime», «Foxtrot», «The Lamb Lies Down On Broadway», вплоть до «A Trick of Tail»... Весь «Yes», особенно альбомы

«Close to the Edge», «Tormato»... весь «Pink Floyd», в основном «Animals», «I Wish You Here», «The Wall».

Жюли кивнула головой, что поняла.

— Ах, вот что! Очень старый прогрессивный запылённый рок семидесятых!

Замечание её никому не понравилась. Видимо, это была их любимая музыка. Давид выручил её:

— Ты говоришь, пению училась. Может, попробуешь с нами спеть?

Жюли тряхнула тёмными волосами.

— Нет, спасибо. У меня с голосом проблемы. Была операция на связках, и врач посоветовал больше их не напрягать.

Она оглядела каждого из присутствующих. На самом деле Жюли очень хотелось спеть с ними, и они это поняли, но она так привыкла всегда говорить «нет», что инстинктивно теперь отвергала все предложения.

— Если ты не хочешь петь, мы тебя не задерживаем, — повторила Зое.

Давид не дал спору разгореться.

— Можно начать со старого блюза. Блюз, он же посередине между классической музыкой и прогрессивным роком. Импровизируй как хочешь, со словами. И голос не надо напрягать. Просто напевай.

Все, кроме скептически настроенной Зое, поддержали его.

Жи-вунг показал ей микрофон в центре сцены.

— Не беспокойся, — сказала Франсина. — У нас тоже классическое образование. У меня пять лет пианино, но мой учитель был таким консерватором, что мне быстро захотелось заняться джазом, а потом и роком, только чтобы ему досадить.

Все заняли свои места. Поль подошёл к столу со звуковой аппаратурой и стал настраивать потенциометры.

Жи-вунг начал с двухтактовых ударов. Зое поддержала его повторяющимися и нетерпеливыми басами. Нарцисс задал обычные блюзовые аккорды: восемь ми, четыре ля, снова четыре ми, два си, два ля, два ми. Давид повторил арпеджио на электрической арфе, а Франсина — на синтезаторе. Музыкальный фон был готов. Не хватало только голоса.

Жюли медленно взяла микрофон. На мгновение время, казалось, остановилось, потом губы её разомкнулись, подбородок расслабился, рот открылся, и она бросилась в омут.

На джазовый мотив она напела первые пришедшие ей в голову слова.

Зелёная ножка

Ползёт по дорожке

Сначала голос её как будто был глуховат; на втором куплете, разогревшись, голосовые связки дали больше мощности. Жюли постепенно заменила все инструменты, а Полю не понадобилось даже трогать пульт аппаратуры. Больше не слышно было ни гитары, ни арфы, ни синтезатора, в маленькой комнате раздавался только голос Жюли на фоне ударных Жи-вунга.

Хрустящей улиткой всех угостиииииите.

Она закрыла глаза и вывела чистую ноту:

Оооооооооооооооо.

Поль попытался подстроить усилитель, но усиливать уже ничего не надо было. Голос вышел за пределы возможностей микрофона.

Жюли умолкла.

— Комната маленькая. Мне аппаратура не нужна. Она пропела ноту, и стены действительно зарезонировали. Жи-вунг и Давид были поражены, Франсина наигрывала фальшивя, Поль, как замороженный, смотрел на стрелки на часах. Голос Жюли занял все пространство, разошёлся по комнате, влился в слуховые каналы, как поток свежей воды.

Наступило долгое молчание. Франсина первая бросила свою клавиатуру и заплодировала, к ней присоединились остальные Семь Гномов.

— Это, конечно, не похоже на то, что мы играем обычно, но интересно, — заявил Нарцисс уже серьёзно.

— Ты сдала вступительный экзамен, — объявил Давид. — Если хочешь, можешь остаться и вступить в группу.

До этого Жюли регулярно работала только с учителем. Но она очень хотела попробовать себя в группе.

Они повторили эксперимент и вместе грянули более сложный отрывок: «The Great Gig in the sky» «Pink Floyd». Жюли поднимала голос все выше и выше, пускалась в самые невероятные фиоритуры. Она не могла опомниться. Её голос пробудился. Связки вернулись к ней.

«Здравствуйте, мои голосовые связки», — мысленно поприветствовала она их.

Семь Гномов спросили её, как она научилась так владеть своим голосом.

— Все дело в технике. Надо много заниматься. У меня был превосходный преподаватель. Он научил меня, как быть полным хозяином своего звукового диапазона. Сажал меня в закрытую тёмную комнату, и я должна была издавать там звуки так, чтобы можно было определить её размеры, то есть заполнять её звучанием, но стараясь сдерживать его перед стенами, чтобы они не резонировали. Он заставлял меня петь то вниз головой, то под водой.

Жюли рассказала о том, что Янкелевич, её учитель, иногда просил группу учеников попытаться достичь «Эгрегора», или иначе, унисона: все пели одну и ту же ноту до тех пор, пока не начинало казаться, что поёт один человек.

Жюли предложила Семерым Гномам повторить опыт. Она вывела ноту, остальные, как могли, подтягивали и ей вторили. Получилось у них в результате не слишком согласно.

— В любом случае, мы тебя принимаем, — подчеркнул Жи-вунг. — Если тебе это по душе, будешь нашей постоянной вокалисткой.

— Но дело в том...

— Хватит кривляться, — шепнула Зое ей на ухо. — А то нам надоест.

— Ну... хорошо. Я согласна.

— Bravo! — крикнул Давид.

Все поздравили её, и каждый член группы был ей представлен.

— Высокий брюнет с узкими глазами за ударными — Жи-вунг. Среди Семи Гномов он, считай, Профессор. Умная голова. Невозмутим даже в самых сложных ситуациях. В случае нужды спрашивай у него совета.

— А ты — главный?

— У нас главного нет! — воскликнул Давид. — У нас самоуправляемая демократия.

— А что это, «самоуправляемая»?

— Каждый делает то, что ему нравится, если это не во вред другим.

Жюли отошла от микрофона и села на маленький табурет.

— И у вас получается?

— Нас сплотила музыка. Когда играешь вместе, приходится подстраиваться друг под друга.

Я думаю, что секрет нашего согласия в том, что мы — настоящая рок-группа.

— И потом, нас не так уж много. Нетрудно организовать самоуправляемую демократию для семерых, — заметила Зое.

— Зое — на басах, она у нас Ворчун. Ну, Ворчунья... Плотная коротковолосая девушка, услышав своё прозвище, состроила гримасу.

— Зое сперва ворчит, потом объясняет, — сказал Жи-вунг.

Давид продолжил:

— Поль за пультом, наш Простак. Толстячок. Все время боится попасть впросак и всегда попадает. Все, что рядом лежит и похоже на еду, тянет в рот и пробует. Он считает, что окружающий мир лучше всего познавать языком.

Именуемый Полем насупился.

— Леопольд, флейтист, Скромняга. Говорят, он внук индейского вождя навахо, но так как он голубоглазый блондин, то это не сразу видно.

Лео постарался сохранить бесстрастный вид, свойственный его предкам.

— Он больше всего на свете интересуется домами. Выдастся свободная минута, и уже рисует идеальное жилище.

Представление продолжалось.

— Франсина, орган, это Грёза. Она без конца мечтает. Много времени посвящает компьютерным играм, от этого глаза у неё постоянно красные.

Девушка со светлыми подстриженными волосами улыбнулась, зажгла сигарету с марихуаной и выдохнула голубой завиток дыма.

— За электрической гитарой Нарцисс, наш Весельчак. На вид — послушный мальчик, но ты быстро поймёшь, что у него вечно наготове шутка или подковырка. Смеётся надо всем. Сама видишь, он большой фронт, всегда хорошо одет. Кстати, одежду себе шьёт сам.

Женственный мальчик подмигнул Жюли и вступил:

— Ну и, наконец, электрическая арфа, Давид. Зовут его Ай-ай. Он вечно в тревоге, возможно, из-за своей болезни костей. Всегда обеспокоен, на грани паранойи, но нам удаётся его выносить.

— Теперь я понимаю, почему вас называют Семь Гномов, — сказала Жюли.

— Слово «гном» по-гречески значит «знание», — снова заговорил Давид. — Мы предоставляем каждому из нас жить в собственном мире и отлично друг друга дополняем. А ты кто будешь?

Она задумалась:

— Я... Ну, а я — Белоснежка, конечно.

— Для Белоснежки ты темновата, — заметил Нарцисс, кивая на её чёрное одеяние.

— Я просто в трауре, — объяснила Жюли. — У меня отец недавно погиб. Он был директором юридической службы Вод и Лесов.

— А если бы не это?

— А если бы не это... я все равно чёрное ношу, — признала она с вызовом.

— А ты, как Белоснежка в сказке, ждёшь принца, который тебя разбудит поцелуем? — спросил Поль.

— Это ты путаешь со Спящей красавицей, — возразила Жюли.

— Опять ты ошибся, Поль, — заметил Нарцисс.

— Как сказать. Во всех сказках есть сонливая девушка, ожидающая того, чтобы её разбудил обожатель...

— Может, ещё споём? — предложила Жюли, начиная входить во вкус.

Они выбирали все более трудные вещи. «And You and I», «The Wall» Pink Floyd, наконец

«Super's Ready» «Genesis». Последний длился двадцать минут и позволил каждому отличиться в соло.

Жюли так владела теперь своим голосом, что сумела найти интересное исполнение для всех трех вещей, столь различных по стилю.

Наконец они решили расходиться по домам.

— Я с матерью поссорилась и не очень-то хочу сегодня возвращаться под семейный кров. Никто меня на эту ночь не приютит? — спросила Жюли.

— Давид, Зое, Леопольд и Жи-вунг — пансионеры и спят в лицее. Но Франсина, Нарцисс и я, мы — экстерны. Мы тебя по очереди пригласим, если тебе нужно. Сейчас пойдём ко мне, — отозвался Поль. — У нас есть комната для гостей.

Эта мысль не привела Жюли в восторг. Франсина поняла, что ей не хочется идти к мальчику, и позвала Жюли к себе. И на этот раз Жюли согласилась.

ДВИЖЕНИЕ ГЛАСНЫХ: во многих древних письменностях: египетской, иврите, финикийской, — нет гласных, только согласные. Гласные представляют голос. Если на письме словам дают голос, им дают и больше силы, слова тогда оживают.

Пословица говорит: «Если ты правильно напишешь слово „шкаф“, он свалится тебе на голову».

У китайцев тоже было такое ощущение. Во втором веке нашей эры самый великий художник своего времени, Ву Даоци, был призван императором, который попросил его нарисовать совершённого дракона. Художник нарисовал все, кроме глаз. «Почему ты забыл глаза?» — спросил император. «Потому что, если я нарисую глаза, дракон улетит», — ответил Ву Даоци. Император настоял на своём, художник нарисовал глаза, и, как гласит предание, дракон улетел.

Эдмонд Уэлс. «Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том III.

51. ЭМИССАРЫ ТУЧ

103-й и его товарищи уже долгие минуты из последних сил сражаются с саранчой. Брюшная полость 103-го почти пуста. Старому муравью ничего не остаётся, как драться мандибулами, а это ещё труднее.

Саранча, в общем-то, не даёт отпора. Она даже не вступает в бой. Опасность в её численности, она бесконечно падает с небес зловещими градинами с лапками и ненасытными мандибулами.

И нет конца этому тусклому дождю.

Земля, насколько хватает глаз, покрыта насекомыми, шестью или семью слоями толщиной в одну странствующую саранчу. 103-й запускает мандибулы в это месиво и бьёт, бьёт и бьёт по телам, как молотилка. Неужели он преодолел столько препятствий на своём пути, чтобы спасовать перед существами, которые только и умеют что без конца плодиться?

У Пальцев, вспомнил 103-й, при перенаселении самки глотают гормоны, называемые пилюлями, чтобы уменьшить рождаемость. Вот бы что сделать: накормить агрессоров этими пилюлями до отвала. Что за доблесть смастерить двадцать детей там, где нужен один или двое? Где смысл выведения огромного потомства, когда точно известно, что ни вырастить, ни воспитать его ты не сможешь, что оно будет расти, паразитируя на других?

103-й отказывается подчиниться диктатуре неистовых несущек. Куски саранчи отлетают от него во все стороны. От бесконечной бойни его мандибулы сводит судорогой.

Вдруг луч солнца пронизывает тёмное облако и освещает кустик черники. Это знак. 103-й с друзьями забираются на куст. Чтобы придать себе сил и мужества, они объедаются ягодами, взрывающимися, как темно-синие шары, под острыми мандибулами.

Убежать — вот решение.

103-й пытается успокоиться. Он поднимает усики к небу. Земля покрыта пеной надкрыльев, но там, в вышине, дождь из саранчи уже закончился и снова появилось солнце. Для храбрости муравей напевает древнюю бел-о-канскую песню:

Солнце, загляни в разбитые доспехи.

Солнце, оживи истерзанные мышцы

И соедини рассеянные мысли.

Тринадцать муравьёв висят на концах самых верхних веток черничника, и волны саранчи вздымаются к ним. Они подобны обелиску посреди моря из шевелящихся спин.

52. У ФРАНСИНЫ

Седьмой этаж. Высоковато без лифта. Они остановились отдышаться на лестничной площадке. Хорошо, что уже пришли. Здесь, в вышине, они защищены от опасности, затаившейся на улицах.

Этаж был предпоследний, но вонь отбросов, не убранных бастовавшими мусорщиками, доходила и сюда. Девушка со светлыми подстриженными волосами стала искать ключи на дне огромного кармана, заменявшего ей сумку, долго рылась в куче разнообразных мелких предметов и, наконец, с победным видом извлекла большую связку.

Она открыла четыре замка, а потом как следует нажала на дверь плечом, «потому что дерево разбухло из-за влажности и заклинивает».

В доме Франсины не было ничего, кроме компьютеров и пепельниц. То, что она торжественно называла «своей квартирой» было всего лишь крохотной студией. Давнишняя протечка воды у соседей сверху украсила потолок влажными кругами. Это просто закон функционирования домов: у соседей сверху всегда переливается ванна. А у соседей снизу в мусоропроводе застревает слишком большой пакет с мусором.

Обои были бурые. Франсина вряд ли много занималась домашним хозяйством. Все покрывал слой пыли. Жюли атмосфера показалась несколько гнетущей.

— Будь как дома, устраивайся, — сказала ей Франсина, кивнув на продавленное кресло, явно подобранное на свалке.

Жюли села, и Франсина заметила, что колено у неё загноилось.

— Это тебя Чёрные Крысы порезали?

— Не больно, но я как будто чувствую внутри каждую косточку. Как тебе объяснить? Я теперь отдаю себе отчёт в том, что у меня есть колени, коленные чашечки, связки, сухожилия, вся сложная система связи двух костей.

Франсина осмотрела порез и безжизненно-бледную кожу вокруг него, и подумала, не мазохистка ли Жюли. Казалось, что Жюли нравится её рана, напоминающая о существовании её колена...

— Ты какие наркотики предпочитаешь? — спросила Франсина. — Куришь? Слушай, я тебе все-таки это обработаю. У меня должна где-то быть вата и перекись водорода.

Франсина ножницами обрезала длинную юбку Жюли, приставшую к ране, и девушка со светло-серыми глазами добровольно на этот раз открыла свои ноги.

— Юбка пропала!

— Тем лучше, — вывела её подруга, занимаясь раной. — Наконец все увидят твои ноги. Они, кстати, красивые. Первый шаг к женственности: показывай ноги. И рана быстрее подсохнет.

Затем Франсина зажгла сигарету с сенсемиллией и протянула Жюли:

— Я тебя научу уходить в себя. Я, может быть, ничего особенного делать не умею, но жить в нескольких параллельных мирах научилась, и поверь мне, старушка, хорошо иметь выбор. В жизни можно избежать сплошных разочарований, если удаётся перескакивать из одного мира в другой, тогда ещё терпимо.

Она подошла к компьютерам. Когда она включила экраны, комната превратилась в кабину сверхзвукового самолёта. Огоньки замигали, застрекотали жёсткие диски, убожество стен забылась.

— У тебя такая классная коллекция компьютеров, — восхитилась Жюли.

— Да уж, на это идут все мои силы и деньги. Я обожаю игры. Ставлю что-нибудь из старого

Genesis звуковым фоном, закуриваю косячок и давай создавать искусственные миры. Сейчас мне больше всего «Эволюция» нравится. В ней создаёшь цивилизации и посылаешь их воевать друг с другом. А тем временем ремесла у них развиваешь, сельское хозяйство, промышленность, торговлю — все, короче! Время приятно проводишь, и кажется, что переделываешь историю человечества. Хочешь попробовать?

— Почему бы и нет?

Франсина объяснила Жюли, как развить культуру, начать технологический прогресс, вести войны, строить дороги, подписывать соглашения с соседями, отправлять в путь торговые караваны и морские экспедиции, засылать шпионов, проводить выборы, замечать, когда дело примет опасный оборот, предвидеть последствия — ближайшие, не очень и совсем далёкие.

— Быть Богом народа, даже в искусственном мире — работа непростая, — объясняла Франсина. — Когда я погружаюсь в эту игру, мне кажется, что я лучше понимаю нашу прошлую историю и предчувствую возможное будущее. Например, тут я поняла, что в эволюции народа неизбежна фаза деспотизма, если ты её перескочишь и создашь сразу демократическое общество, деспотизм вернётся позднее. Ну, как в машине коробка передач. Надо постепенно переходить от первой скорости ко второй и третьей. Если сразу включишь третью, мотор заглохнет. Вот так я и устраиваю свои цивилизации. Долгая фаза деспотизма, потом период монархии, потом, когда наконец народ начинает что-то понимать, я ослабляю вожжи и задумываюсь о демократии. И народ доволен. Но демократические государства очень уязвимы... Ну, ты поймёшь во время игры.

Пребывая в искусственных мирах «Эволюции», Франсина, казалось, проанализировала и свой собственный мир.

— А ты не думаешь, что нами тоже манипулирует какой-нибудь гигантский игрок? — спросила Жюли.

Франсина расхохоталась.

— Ты хочешь сказать Бог? Может быть. Почему нет. Дело в том, что если Бог существует, то он все предоставил на наше усмотрение. Вместо того чтобы объяснить нам, где добро, а где — зло, как делаю я со своим народом в «Эволюции», он даёт нам открывать это самим. Бог у нас, на мой взгляд, безответственный.

— А может быть, он нарочно это делает. Оттого, что Бог все предоставил на наше усмотрение, у нас есть высшее право совершать глупости. Без Его участия совершать огромнейшие глупости.

Замечание погрузило Франсину в размышления.

— А ты права. Может быть, он предоставил нам свободу из любопытства, чтобы посмотреть, что мы с ней сделаем, — задумчиво проговорила она.

— А может быть, он дал нам свободу потому, что ему не по нраву смотреть на безропотные толпы, однообразные в своей скромности и услужливости? Может быть, он любит нас и поэтому не вмешивается в наши дела. Абсолютная свобода выбора — знак самой большой любви Бога к своему народу.

— В таком случае обидно, что мы сами не любим себя настолько, чтобы с умом пользоваться его любовью, — заключила Франсина.

Сама она тем не менее пока предпочитала руководить своими подданными. Она простучала по клавишам приказ пуститься в сельскохозяйственные изыскания, дабы улучшить сорта злаков.

— Я своим помогаю делать открытия. Информатика дала нам право на полную и безопасную манию величия. Я богиня инструкций.

В течение часа они наблюдали за виртуальным народцем и руководили им. Потом Жюли потёрла глаза. Обычно каждые пять секунд движение век вырабатывает слезную плёнку в 7

микрон толщиной для смазывания, очистки и смягчения роговицы. Но долгое сидение перед экраном компьютера сушило ей глаза. Жюли отвела взгляд от искусственного мира.

— Как богиня неопытная, — сказала она, — я требую передышки. Руководить миром вредно для глаз. Я уверена, что даже наш Бог не сидит круглосуточно, наблюдая за нашей планетой. Или у него есть очень хорошие очки.

Франсина выключила компьютер и потёрла веки.

— А тебя есть увлечения, кроме пения?

— У меня есть кое-что получше твоих компьютеров. Умещается в кармане, весит в сто раз меньше, с огромным экраном, с полной автономией, включается мгновенно, содержит огромное количество информации и никогда не выходит из строя.

— Суперкомпьютер? Интересно, — сказала Франсина, капая глазные капли себе под веки.

Жюли улыбнулась.

— Я сказала «лучше твоих компьютеров». И глаза не болят.

Она потрясла в воздухе увесистым: томом *«Энциклопедии относительного и абсолютного знания»*.

— Книга? — удивилась Франсина.

— Не просто книга. Я её нашла в подземном туннеле в лесу. Называется *«Энциклопедия относительного и абсолютного знания»*, написал её старый мудрец, который точно объездил весь мир и собрал все сведения своего времени обо всех странах, всех эпохах и из всех сфер.

— Ты преувеличиваешь.

— Ладно. Признаю, что мне ничего не известно о том, кто её написал, но ты откроешь её и удивишься.

Жюли протянула Франсине книгу, и они принялись листать её вместе.

Франсина наткнулась на отрывок, в котором говорилось о том, что при помощи информатики можно изменить мир, но для этого необходим очень мощный компьютер. Современные модели компьютеров обладают ограниченными возможностями, поскольку они иерархичны. Они подобны монархическим государствам, центральный микропроцессор подчиняет себе периферические электронные компоненты. Демократия необходима даже на уровне микросхем компьютера.

Вместо большого микропроцессора профессор Эдмонд Уэллс предлагал использовать множество маленьких, синхронно и согласованно работающих микропроцессоров, принимающих решение по очереди. Машину своей мечты он называл «компьютер с демократической структурой».

Франсина заинтересовалась. Она рассмотрела схемы.

— Если она будет работать, то это машина будущего, она отправит в музеи все нынешние компьютеры. Классные идеи у твоего чувака. Он описывает компьютер нового поколения, не с одним электронным мозгом, и даже не с четырьмя, параллельно функционирующими, а с пятьюстами. Ты можешь представить мощь подобной штуки?

Франсина поняла, что *«Энциклопедия»* — не сборник афоризмов, а сочинение, непосредственно связанное с жизнью, предлагающее практические и совершенно осуществимые решения.

— До сих пор делали компьютеры только с параллельной структурой. А с машиной, описанной в твоей энциклопедии, с этой «демократической структурой», возможности любой программы увеличатся в пятьсот раз!

Девушки переглянулись. И почувствовали родство душ. В эту минуту, не сказав ни слова, обе поняли, что могут целиком рассчитывать друг на друга. Жюли ощутила себя не такой одинокой. Без всякой причины они расхохотались.

РЕЦЕПТ МАЙОНЕЗА: очень трудно смешивать разные вещества. Есть, однако, одна смесь, доказывающая, что иногда сочетание двух разных субстанций создаёт третью, превосходящую по качеству исходные, — майонез. Как сделать майонез? Деревянной ложкой взбить в салатнице желток и горчицу. Постепенно добавлять маленькими порциями масло, пока смесь не станет совершенно однородной. Добавить соль, перец и 20 граммов уксуса. Важно: следить за температурой. Основной секрет майонеза: яйцо и масло должны быть одинаковой температуры. Оптимальная: 15 градусов. На самом деле соединят оба ингредиента крошечные пузырьки воздуха, которые попадут в смесь как раз при взбивании. $1 + 1 = 3$.

Если майонез не получился, все можно исправить, постепенно добавляя ложку горчицы, одновременно с этим взбивая не соединившиеся яйца и масло. Осторожно: главное не торопиться.

Техника приготовления майонеза лежит также и в основе фламандской живописи маслом. Братья Ван Эйк в пятнадцатом веке догадались использовать такой тип смешивания краски для получения совершенной тени. Правда, в живописи используют не смесь вода — масло — желток, а смесь вода — масло — белок.

Конец ознакомительного отрывка книги

[Скачать полный вариант книги](#)